

ТЕССА ЭМИРСОН

СОЗВЕЗДИЕ ДЛЯ ШЕЛЛ

ЭТО МОЯ БОРЬБА.
ДАЖЕ КОГДА В НЕЙ
НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА.

18+

Тесса Эмирсон

Созвездие для Шелл

«Автор»

2026

Эмирсон Т.

Созвездие для Шелл / Т. Эмирсон — «Автор», 2026

Моя команда, тачки и заезды по ночному Сиэтлу - всё, чем я жила. Ровно до того момента, когда моя жизнь разломалась пополам. Мне предстоит переехать к отцу, о котором я знаю разве что его имя. Особняк посреди леса, подозрительное количество охраны и приступы, вызванные ПТСР - вот моя новая реальность. Но самое страшное в ней: это мой личный телохранитель, от присутствия которого мне никак не избавиться. Айден Фланаган - профессионал своего дела. Спокойный, холодный, рассудительный. Возможно, он не тот жуткий безэмоциональный надзиратель, которым я его вижу. Я обязана вернуться к прошлой себе любой ценой. Как жаль, что жизнь ещё не преподнесла все свои сюрпризы... у неё заготовлен для меня целый набор.

© Эмирсон Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плейлист	6
Перед прочтением	7
Дисклеймер	8
Глава 1: Новый член семьи	9
Глава 2: Широкий спектр услуг	16
Глава 3: Начало цепочки	20
Глава 4: Лишнее звено	27
Глава 5: Прошлое и настоящее	35
Глава 6: Долг	40
Глава 7: Сопротивление	48
Глава 8: Набег	56
Глава 9: Уговор	61
Глава 10: Язык музыки	68
Глава 11: Тюнинг	74
Глава 12: После огня	79
Глава 13: Омут	83
Глава 14: Ночь	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Тесса Эмирсон Созвездие для Шелл

Полу,
который сказал,
что все будет хорошо.
И не соврал.

У меня получилось, видишь?

Плейлист

Paris Blohm & Teylr Renee – Left Behinds (Savagez Trap Edit)
STARSET – Telepathic (Acoustic Version)
BLADEFEAR – In Essense
STARSET – Starlight
What The Phonk & 6SIXSIX – I'm Good (Blue)
Skyfall Beats – all i do
Skyfall Beats – tradegy
Jung Youth, Sam Tinnesz – Fighter
STS-51L feat. BLESSED MANE – Radiant
Asking Alexandria – Alone In A Room
Flora Cash – You're Somebody Else
STARSET – My Demons
Agust D – Burn It
BLADEFEAR – Distance
Skillet – Feel Invincible
Stray Kids – Question
STARSET – Point of No Return
mxracle feat. SHADXWBXRN – Awesome Force
MFS – Bow
Day 6 – I Need Somebody
STARSET – Trials
ANTXRES – Without Emotion
Apashe (ft. Panther x Odalisk) – No Twerk
niteboi – u.

Перед прочтением

До момента, когда вы перевернете эту страницу и окунётесь в «Созвездие», я хотела бы сказать пару слов.

Некоторые частички этой истории взяты из моей жизни. Несмотря на то, что я искренне люблю «Созвездие», работа над этой книгой давалась очень нелегко. В некоторые моменты приходилось бороться с самой собой, со своим прошлым и настоящим, посмотреть всему этому в глаза и не отступить.

Реальные события я переплела с вымышленными. Некоторые моменты прошлого я детально препарировала из своей памяти, обращала их в слова и вживляла в эту бумагу, как раз чтобы окончательно их победить.

Посмотреть сверху вниз.

И закрыть.

Дисклеймер

Данная книга содержит в себе сцены насилия и жестокости. Людям, которых могут травмировать описанные здесь события, рекомендуется читать с предельной осторожностью.

*Всем, кто продолжает бороться.
Всё это не зря.*

Глава 1: Новый член семьи

Моя точка невозврата пройдена ровно месяц назад.

Момент, когда всё окончательно пошло под откос. Момент, после которого жизнь разделилась на смазанное в памяти «до» и пугающее, непредсказуемое «после». И сейчас, спустя несколько недель, напрочь выбивших меня из течения жизни, начинается первый день того самого «после». И, признаться, я ещё никогда не ощущала себя настолько одинокой перед горизонтом будущего.

Дорога к дому отца длится уже больше часа. В салоне роскошного автомобиля приятно пахнет кожей и лёгким отголоском сигарет – молчаливый водитель наверняка любит курить, раз характерный запах впитался даже в его аккуратный костюм.

Совсем как у мамы.

Я блокирую эту мысль, не дав ей развиться и утянуть меня в ловушку бесконечных воспоминаний. Нет смысла погружаться в то, что навсегда осталось в прошлом. Каким бы чудовищно болезненным и пугающим оно ни было. Даже наоборот – *такое* прошлое нужно держать под тремя замками, не давая ему лишнего влияния. К чёрту.

А ведь как забавно всё получилось. Раньше меня мучал невыносимый выбор между родителями, перед которым я ставила себя всякий раз, как только терпение и силы подходили к концу. То и дело взвешивала все «за» и «против», постоянно мучала себя обещаниями, чувством вины и множеством сомнений. А теперь... получается, этого выбора нет вовсе.

Я буду жить со своим отцом. Пожалуй, в моём случае, это буквально означает: я должна буду влиться в новую семью. И я почти ничего о ней не знаю. Мне известно только то, что отец работает в частной космической компании, нацеленной на многолетние проекты исследования ближайшего к нам космоса. Звучит красиво, неправда ли? В детстве я обожала размышлять о том, какими опасными и восхитительными проектами занимается мой отец. Ракетостроение, космические шаттлы, снабжение МКС и доставка космонавтов на орбитальную станцию, а может, вовсе программы путешествий к другим планетам? Детское воображение не знало ни границ, ни правды. Жаль, что любые мои попытки заговорить об отце неизменно вызвали конфликт дома.

Снова блок. Никаких подобных мыслей. Хватит.

Пугает ли меня перспектива ближайшего будущего? О да. Есть ли у меня силы на панику? Точно нет. Получается, нервничать бессмысленно. Слышишь, отчаянно колотящееся сердце? Хватит, глупое, качать кровь так, будто бы нам предстоит бежать до места назначения марафон.

В попытках отвлечься я достаю из кармана телефон. Остаётся всего восемь процентов зарядки. Паршиво... Нужно потратить их с умом. Именно поэтому я открываю переписку с одним из немногих людей, которых могу назвать своими близкими. Софи в Сети – надпись «онлайн» ободряющим знаком виднеется под её никнеймом. Ощувив отголосок облегчения, я набираю краткое сообщение:

«Ещё еду. Уже несколько километров ничего вокруг нет, даже заправок».

Софи отвечает в своей излюбленной манере:

«Похоже, тебя везут в лес закапывать».

«Не смешно» – печатаю я, хотя на губах блуждает нервная улыбка. От следующего сообщения подруги мне становится парадоксально легче:

«Да ладно тебе. Не поддавайся панике. Я с тобой».

Такое себе утешение, конечно, но почему-то оно срабатывает, как и всегда, когда дело касается Софи. Несмотря на то, что она живёт за тысячи километров от меня, лучшего человека я ещё не встречала. Разве что мои ребята из мастерской.

Интересно, как они там?... Прошло столько времени...

В списке диалогов горят больше сотни непрочитанных сообщений, и каждое от них. Я открываю нашу общую беседу и заставляю себя не читать ничего. Пишу только самое важное, все, на что у меня сейчас есть силы:

«Я жива, все нормально. Потом все расскажу».

Интересно, как они там? Прошло столько времени... Зажмурив глаза, я обрываю эту мысль. Неизвестно, смогу ли я посещать наше место вообще. Может, уже ничто не будет, как раньше.

Я отрываю взгляд от телефона только когда машина начинает плавно притормаживать. Впереди виднеются огромные резные ворота, с механическим лязгом открывающиеся от сигнала водителя. Поначалу я искренне надеюсь, что мы ошиблись местом назначения.

Особенно когда двое мужчин учтиво кивают вслед нашей машине, проезжающей на огромную территорию, которая раскидывается подле широкого крыльца двухэтажного особняка. Дыхание застревает где-то в горле, пока я мечусь взглядом по белоснежному фасаду, украшенному редкими побегами декоративной лозы. В некоторых окнах горит мягкий свет, а на балконах, благодаря открытым дверцам, то и дело вздымаются от ветра однотонные шторы.

Нет. Это точно какая-то ошибка.

Конец моим надеждам наступает ровно в тот момент, когда водитель покидает машину, быстрым шагом обходит её сзади и аккуратно открывает дверь с моей стороны. Он галантно подаёт мне руку и ждёт, пока я перестану глупо пялиться на его ладонь.

Глупое сердце. Зачем ты поддаёшься панике и пытаешься ударами пробить грудную клетку?

Я даже себе не признаюсь в том, какой эмоциональный хаос охватывает меня в момент, когда я выхожу из машины и вновь окидываю взглядом отцовский дом. Пожалуй, я ожидала многого, но... не такого размаха. Внешне стараюсь оставаться бесстрастной, но почти уверена, что всё написано у меня на лице.

Никто не должен видеть мой страх. Мои эмоции, мои переживания. Только так я буду в большей безопасности. Убеждаю себя в этом уже не первый год. Поэтому, когда на крыльцо особняка выходит мой отец, ни единый мускул не дрогнул на моём лице. Это стоит мне огромных усилий.

Я совсем по-дурацки пялюсь на седые волосы папы и сталкиваюсь с лицом, на котором не замечаю ни единой морщинки: так удивительно в нём сочетаются молодость и зрелость. В сдержанном взгляде его серо-голубых глаз, направленном прямо на меня, проскальзывают оттенки радости, волнения и... как будто бы неподдельного счастья? Последнее застаёт меня врасплох, из-за чего мои губы сами собой дёргаются в ответной улыбке.

Как бы мне ни было страшно, мне здесь рады. И эта мысль утешает, как ничто другое.

— Привет?.. — почти вопросительно произношу я, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

Отец молчит. Его взгляд бежит по моему лицу, а потом папа делает один шаг вперёд и заключает меня в объятия настолько крепкие, что кажется, будто мне не хватит сил сделать вдох. Вместо ожидаемой паники, испытываю лишь лёгкую растерянность и долю облегчения. Не знаю, чего я ожидала, но мне было важно увидеть в отце эту радость от встречи. Мне было жизненно необходимо допустить эту глупую мысль: *возможно, меня любят*. Я крепко обнимаю его в ответ, и это мгновение кажется заслуженным финалом всего, через что провернула меня жизнь за последние несколько месяцев.

Но всё это только начало.

— Ты так выросла, — тихо произносит папа, отпуская меня только для того, чтобы снова взглянуть на моё лицо. — Просто невероятно.

Я пытаюсь прикинуть, как давно мы не виделись. Последнее воспоминание о живой встрече с отцом теряется где-то в глубинах детской памяти. Должно быть, в его глазах пере-

мены, коснувшиеся меня, кажутся просто чудовищно сильными. Мне повезло больше — для меня папа почти не изменился, если вообще можно так сказать о человеке, чью внешность я помню крайне образно.

Тем временем отец берёт себя в руки.

— Пойдём, — улыбается он, старательно скрывая излишние эмоции. — Проведу небольшую экскурсию по нашему дому, чтобы не терялась.

Нашему. Следуя за отцом, я мысленно повторяю это слово, не зная, что конкретно испытываю от него.

Мы попадаем в просторный холл, наполненный холодным светом LED-ламп. С одной стороны пространство отделяется арочным проходом, ведущим в какую-то непозволительно огромную гостиную. Широкие панорамные окна выходят на задний двор, в цветущий ухоженный сад. С другой стороны располагается вестибюль с гардеробами для верхней одежды. Рядом с высокими зеркалами стоят миниатюрные пуфики. Я глупо пялюсь на их вельветовую ткань, а после оглядываюсь вокруг ещё раз, и кое-что никак не укладывается в моей голове.

Я, конечно, не могу назвать себя гуру в знаниях о рынке труда, но разве сотрудники компании космонавтики зарабатывают *столько*?

Отец замечает моё замешательство и воспринимает его по-своему. Он едва заметно теряется и, кашлянув, вдруг произносит:

— Не подумай, что я... В общем, я плачу алименты и никогда не отказывал твоей матери в материальной помощи. Я догадываюсь, как обстояли дела, но пойми, я не мог контролировать, как она распоряжается этими средствами...

— Я вообще не об этом думала, — прерываю я поток неожиданных оправданий и слегка удивлённо смотрю на отца. — Прекрати. Мне неинтересно, что, кто и кому отдавал. И претендовать на что-либо я тоже не собираюсь. Но раз речь зашла о родительском долге, то единственное, чего я не понимаю до сих пор, так это почему я ни разу не видела тебя последние... лет десять. Только это.

Отец долго молчит, оценивающе рассматривая меня. Трудно сказать, какое впечатление на него произвели мои слова. Однако от его тяжёлого пронизательного взгляда мне становится не по себе.

— При случае уточни этот момент у своей матери, — вздыхает он наконец.

— Если я увижу её, — сглатываю я непроизвольно, — это будет последнее, о чем я захочу с ней поговорить. И я знаю, что она всегда была против тебя, запрещала видеться и вырезала тебя из нашей жизни по максимуму. Но ты мог бы попытаться связаться со мной?

Кто бы знал, насколько я надеюсь на его ответ. Сама не понимаю, каких конкретно слов жду. Может, признания, что он ужасно скучал и хотел общаться со мной, но по каким-то ужасным, неподвластным ему причинам не мог. Чёрт, да назови он мне сейчас даже самую бредовую из них, и я поверю. Всерьёз поверю. Потому что отчаянно не хочу думать, что своим существованием служила лишь необратимым напоминанием о неудачном браке и дурном прошлом. Что угодно, только не это.

Но отец молчит. На его лице сгущается тень, и, хмуро взглянув на меня, он бесстрастным тоном предлагает:

— Давай не будем об этом сейчас?

Похоже, его оскорбляют мои вопросы. Я всерьёз теряюсь в том, что могу и должна говорить, перебираю в голове одни и те же мысли в разных формулировках, не зная, какая из них подойдёт лучше и не испортит хрупкое равновесие в наших зарождающихся взаимоотношениях.

— Да. Наверное, я тоже не хочу сейчас ни в чём разбираться.

Ложь. Больше всего на свете мне хочется прямо сейчас задать ему ту чёртову сотню вопросов, которые роем терроризируют мою душу. Хочу добиться честных и полных отве-

тов, утолить тревоги и недосказанности. Хочу раз и навсегда уничтожить ту пропасть, которая росла между нами на протяжении многих лет. Но вместо этого я рассеянно киваю.

Кивком головы он приглашает меня пройти в гостиную, в огромном пространстве которой я ощущаю себя какой-то слишком маленькой. Отсюда начинается экскурсия по дому, в котором мне предстоит прожить ближайшее долгосрочное будущее.

Нас окружают большие пространства, современная и выдержанная обстановка, не давящая излишней помпезностью. Светлые тона сочетаются с тёмными элементами декора — заметна рука профессионала. За первый проход по всему дому я едва ли запоминаю расположение комнат: здесь кухня и обеденный зал, там гостиная северная, а там западная... комнаты для гостей, ванны для гостей, общая большая ванная на первом, наша ванная на втором, а ещё их маленькие копии в каждом крыле...

Это точно дом в простом понимании этого слова?

Отец краток и не распыляется на детали. В рассказе он часто улыбается и даже шутит — это слегка разряжает обстановку. Я неумело улыбаюсь, не зная, что и ответить. Вопросов у меня нет. Точнее, их так много, но все они касаются не обстановки дома, а жизни его хозяина. А на такие разговоры я его точно вывести не рискну. Меня мучают догадки: живёт ли отец один, или мне предстоит знакомство с мачехой? Есть ли у них дети? Дом выглядит таким одиноким... словно бы кроме отца и наёмных работников здесь нет никого. Почему-то эта мысль вызывает во мне отголосок облегчения.

Когда мы обходим почти весь второй этаж, я закономерно ожидаю, что отец представит мне мою комнату. Однако мы так и не доходим до северного крыла — папа поворачивает на лестницу, которая ведёт в уютную гостиную, выдержанную в кофейных тонах и заполненную книжными шкапами со стеклянными дверцами. Скользя взглядом по корешкам, я обнаруживаю здесь целое собрание научной фантастики и улыбаюсь. Похоже, папа горит космосом во всех его проявлениях.

От разглядывания книжной коллекции меня отвлекает его голос:

— Мне известно о некоторых... особенностях твоего здоровья.

От этих слов холодок пробегает по спине. Возникает стойкое предчувствие, что ничего хорошего за этими словами не последует. Я поворачиваюсь к отцу и только сейчас замечаю, что в гостиной мы не одни.

Молодой мужчина в строгом чёрном костюме стоит чуть в отдалении и приближается по молчаливому приказу отца — хватает лишь кивка. Я в напряжении разглядываю незнакомца и подмечаю всё новые детали: чёрные волосы, коротко стриженные виски, отрешённый, излишне контролируемый взгляд тёмно-серых глаз и такое же непроницаемое лицо. Судя по фигуре, нетрудно догадаться о профессии этого человека: либо телохранитель, либо наёмник. И ни один из этих вариантов мне не нравится.

— Знакомься, Шелл, — с улыбкой начинает отец. — Айден Фланаган, твой личный телохранитель.

Повисает тяжёлая тишина.

У меня есть несколько вопросов. Пожалуй, их можно ужать в один боле ёмкий:

— Какого...

— Айден давно работает на меня, — спешно перебивает меня папа. — Это тот человек, которому я могу доверить твою безопасность.

С трудом удерживая самообладание, я пытаюсь переформулировать всё тот же вопрос:

— Зачем...

Кажется, губы телохранителя дёргаются в намёке на улыбку. Всякое подобие эмоций тут же пропадает с его лица, будто смахнутое прочь. Ему что, смешно?..

Как бы не трепала меня жизнь, перспектива ограничения свободы никогда не будет радовать мою своенравную душу. Я стараюсь не делать поспешных выводов, но всё же проникаю

юсь антипатией к этому мужчине заранее. Может, за всеми этими эмоциями прячется простой страх. Однако он так умело ускользает даже от меня, что я и вправду не знаю, испытываю его на самом деле.

— Я подписывал документы на твою выписку, — вновь пускается отец в объяснения, заметив напряжение между мной и своим работником. — И врачи беседовали со мной по поводу твоего состояния. Посттравматическое стрессовое расстройство, физиологические отклонения... да ещё и с признаками депрессивных периодов. Меня убедили, что это серьёзно.

Я сохраняю внешнее хладнокровие, хотя за время речи отца внутри меня трижды всё перевернулось. Почему-то обсуждение подобной темы в присутствии чужого человека ощущается сродни тому, если бы они стояли и обсуждали мои анализы. Гадость.

— И я бы хотел сам проводить с тобой как можно больше времени, но не смогу. Я редко бываю дома. — Он вздыхает и кивает в сторону телохранителя. — Поэтому мне будет спокойнее, если ты всегда будешь в компании надёжного человека.

Поверить не могу. Неужели отец всерьёз опасается, что как только он от меня отойдёт, я тут же натворю глупостей? Только в таком случае я поняла бы идею о найме этого... надзирателя.

— Айден призван охранять, наблюдать и минимизировать ситуации, которые могут негативно повлиять на твоё состояние. И, уже в качестве бонуса, помогать во всём, где понадобится.

— Как нянька? — вырывается у меня нервной усмешкой.

И тут вдруг Айден решает ответить сам. От его тихого низкого голоса моя усмешка почему-то обрывается.

— Как специалист своего дела, — тихо и вежливо поправляет он. — Но если Вам потребуется сиделка, я предоставлю и такие услуги.

Из-за этого выверенного бесцветного тона невозможно понять, шутит он или нет. Я сжимаю губы в тонкую линию, признав поражение — ответную колкость мне не подобрать. В напряжённом молчании я сверлю его взглядом, будто пытаюсь проколоть крепкий орешек, а Айден с прежним непробиваемым спокойствием наблюдает за мной, будто бы уже приступив к работе. Под его закрытым, неясным взглядом я вдруг ощущаю себя подопытным кроликом.

Кашлянув, отец решает разрушить неловкую паузу:

— А ещё я записал тебя на консультации в тот же центр.

Это становится настоящим ядерным ударом под дых. Глаза застилает пеленой. Паника сворачивает внутренности узлами, мысли бросаются врассыпную. Каждая из них вопит: нет, нет, нет, я не вернусь туда больше.

Сквозь пелену перед глазами я замечаю движение телохранителя ко мне. Отец останавливает его взмахом руки — и правильно, иначе меня накрыло бы окончательно. Шумно выдохнув, я отступаю на несколько шагов назад и постепенно возвращаюсь в реальность.

Так. Нужно унять крупную дрожь во всём теле. Нужно перестать так шумно дышать, я же не астматик. А ты, чёртово сердце, прекрати прорывать грохотом всю грудную клетку...

— Шелл? — зовет меня отец чуть громче. Кажется, несколькими секундами ранее он уже предпринимал попытку привлечь моё внимание.

— Не надо... никаких врачей больше, — выдавливаю я из себя хоть какие-то звуки.

Отчаяние, сочащееся в каждом моём слове, лишает отца прежней решимости. Отец и Айден обмениваются взглядами. Я зажмуриваю глаза, ощущая себя всё тем же подопытным кроликом, эксперимент над которым показал негативные результаты. Смотри, Айден, насколько сложной будет твоя работа...

— Я думал, тебе это необходимо, — бормочет папа. — Я ведь не специалист. Я тебя понял. Но если я замечу ухудшения в твоём состоянии, спрашивать не буду. Учти это.

Отлично. Вот и прекрасный аргумент в пользу того, чтобы всегда держать маску хорошей девочки, если в поле зрения будет отец.

Чувствую, как начинаю задыхаться, но не подаю виду. Вспоминаю, что лестница на второй этаж находится прямо позади меня и оглядываюсь, зачем-то лишний раз убеждаясь.

— Куда ты? — как-то устало спрашивает отец.

— Пойду найду свою комнату. Хочу... немного отдохнуть, ладно?

Папа хмурится. Похоже, он разочарован моим поведением. Но, видят небеса, если я останусь здесь ещё хоть ненадолго, будет ещё хуже. Я чувствую, как *это* наступает. Как давит на затылок, спускается вниз по шейным позвонкам и сковывает каждую клеточку цепкой хваткой. Как воздух застревает где-то в груди, а лёгкие будто бы дают сразу несколько сбоев за раз.

— Совсем скоро подадут ужин, я думал, мы поедем вместе.

— Я... не голодна.

И здесь я ничуть не вру. Сейчас мне точно кусок в горло не полезет. Когда перед глазами проплывает первая темнеющая пелена, я разворачиваюсь и почти бегом взбираюсь по лестнице. Слышу, как позади раздаётся тихий приказ отца:

— Приступай к обязанностям, Фланаган.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Только бы он не...

Ну конечно! Он идёт за мной. Нужно успеть закрыться в комнате... только где она?! Я ведь даже не спросила...

Вторая тёмная пелена мешает обзору, окутывает мысли омутом. Сердце болезненно бьётся о ребра и кажется больше, чем те могут уместить. Слыша шаги позади, я резко разворачиваюсь. Нужно любым способом избавиться от этого надзирателя.

— Уйди, — выпаливаю я единственное, что могу членораздельно произнести.

Телохранитель останавливается и смиряет меня внимательным взглядом. Какой же он высокий...

— Я могу покинуть пост только когда буду уверен, что с вами всё в порядке, — так же сдержанно поясняет он. — А пока я вижу обратное. Позвольте помочь.

Если этот клоун сделает хоть шаг в мою сторону...

А ведь именно это он и делает.

Отдав контроль над телом рефлексам, я будто бы со стороны наблюдаю за тем, как взмывает в воздух моя рука, занесённая для удара. Айден ловко перехватывает её, не причиняя боли, а просто удерживая. Мне совсем не больно, и при этом я не могу податься рукой ни в одну из сторон. А он даже не напряжён.

— Не стоит, — безмятежно просит Айден. — Если вам не хватает груши для битья или другого спортивного инвентаря, обратитесь к своему отцу.

Хах. Он полагает, будто бы я выпускаю на нём пар. Может, это лучше, чем если бы он понимал мой страх. И лучше, чем если бы он знал, почему я так пытаюсь скрыться от чужих глаз.

А он узнает. Прямо сейчас. Паническая атака наносит свой сокрушительный удар – невидимая клетка захлопывается, выбивая из меня воздух. Я судорожно пытаюсь вдохнуть, надсадно вгоняю кислород в лёгкие, но его никогда не будет достаточно. Успеваю заметить секундный ступор телохранителя – он не был готов столкнуться с такой ситуацией в первый же рабочий день.

К счастью, меня отключает быстро: онемение охватывает затылок и шею, а после подступает спасительная темнота.

Как и всегда. Никаких улучшений. Успеваю испытать чувство вины и самоуничтожения, пока начинаю складываться. Клянусь, я была готова встретить затылком пол. И я не сразу понимаю, почему этого не происходит, пока не слышу сквозь ватную пелену громкий голос:

— Мистер Мэйджерсон! Сюда!

Когда я прихожу в себя, ощущение и понимание пространства приходят не сразу. Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы понять, что я лежу на большой двуспальной кровати. Атласное покрывало холодит кожу, большая тяжелая подушка удобно находится под головой. Я медленно разлепляю глаза, и тут же мутная картинка перед ними отзывается тошнотворной волной. Я сжимаю губы, дабы подавить рвотный позыв – желудок всё равно пуст.

Не сразу, но я замечаю отца, сидящего в напряжённой позе в кресле совсем рядом с кроватью.

— Принеси холодной воды, — отдаёт папа приказ.

Айден тенью направляется прочь из комнаты и скрывается за дверью. Оставшись наедине со мной, отец тяжело вздыхает и потирает лицо ладонью.

— И ты будешь продолжать делать вид, что с тобой всё нормально? — тихо спрашивает он.

Губы сами собой выдают слабую улыбку. Ответить я не могу – горло сводит от жажды. Но я бы ответила...

Да, похоже, что буду. Потому что привыкла, что эта борьба – единственное моё спасение. Даже когда в ней нет никакого смысла.

Глава 2: Широкий спектр услуг

Когда возвращается Айден, папа отдаёт приказ присматривать за мной, а сам уходит, сославшись на дела.

Телохранитель подходит к кровати и протягивает мне бутылку с водой. Намеренно игнорирую этот жест, при этом тяжело смотря ему в глаза. Айден, не растерявшись, молча ставит бутылку на прикроватную тумбу.

Крепкий орешек.

Бросив попытку прожечь его взглядом, я наконец обращаю внимание на саму комнату. Рассматриваю огромный шкаф-купе у стены и рабочий стол, переходящий в целый комплекс для хранения и декора. По другую сторону от него прямо в нишу вмонтирован искусственный камин, напротив которого располагается бежевый кожаный диван. Возле него начинается секция стеллажей и закрытых книжных шкафов. Понятия не имею, сколько вещей нужно иметь, чтобы заполнить всё это пространство. Судя по чемодану, сиротливо оставленному у окна, я и вправду буду жить здесь.

Похоже, мне не удаётся скрыть тот живой интерес, с которым я изучаю комнату, так как Айден, вернувшись на исходную позицию у двери, наблюдает за мной с пристальным вниманием. Почему-то я испытываю необходимость оправдаться за проявление эмоций и бурчу:

— Эта комната больше половины квартиры, в которой я жила с мамой. Просто... удивлена.

От его молчания я ощущаю себя ещё более глупо, чем раньше. Вздохнув, я решаю задать хоть один вопрос, чтобы как-то сгладить ощущение неловкости и пополнить свои скудные знания о месте, в котором предстоит жить:

— А где живут работники, которых нанимает папа? Вас много?

— Весь штат охраны располагается в восточном крыле на первом этаже, — бесстрастно отвечает Айден. — В состав входит около десяти человек.

Лучше бы не спрашивала. С ума сойти... Десять человек. И это только состав охраны.

— У моего отца паранойя? — вырывается у меня прежде, чем я успеваю обдумать вопрос.

Айден издаёт вздох, который отдалённо напоминает усмешку. А может, я сама стараюсь различить в его поведении хоть какие-то присущие человеку детали, чтобы его непроницаемость не так сильно нервировала меня.

— Насколько я знаю, Ваш отец полностью здоров. — Айден чуть склоняет голову вбок, наблюдая за мной. — А что касается вас... могу я уточнить о сути вашего заболевания?

Я тяжело вздыхаю. Аккуратно сажусь в кровати и перевожу взгляд на окно, не зная, стоит ли мне отвечать. С одной стороны, к чёрту давать о себе лишнюю информацию, но с другой... какая, в сущности, разница? Уж лучше я отвечу на такие вопросы сама, чем Айден будет беседовать об этом с моим отцом.

— Посттравматическое стрессовое расстройство, жёсткая психосоматика, какие-то проблемы с сосудами и шейным отделом. — Я говорю тихо, отстранённо, будто бы рассказываю о ком угодно, но не о себе. — Это то, что называли врачи. Смешно, но никакие из их заключений даже болезнями не назвать, просто сборник из неопределённой симптоматики и нарушений. — Я в лёгком раздражении поджимаю губы, признав, насколько мне некомфортно говорить об этом. — Разве папа не говорил тебе?

— Говорил. Просто хотел услышать это от вас и понять ваше личное отношение к своему диагнозу. Это поможет мне лучше выполнять свою работу.

— И как, понял?

— Вполне, — спокойно отзывается Айден. — Вы не слишком серьёзно относитесь к своему состоянию.

Комната погружается в тишину. Помолчав, Айден уточняет ещё более бесстрастным тоном:

— Ваши обмороки входят в симптоматику?

— Давай без лишней вежливости, — тихо вздыхаю я. — Ты и так явно старше меня. И да, обмороки... тоже оттуда. При стрессе, особенно при продолжительном, мне просто как будто перекрывает... кровь, воздух, не знаю, как будто всё сразу. Дерьмовое кровообращение, вот что они сказали. — Я горько усмехаюсь. — Для этого обтекаемого вывода им потребовалось три недели мучить меня в стационаре.

Я не знаю, почему вдруг из меня лезут эти откровения. Почему выдаю слово за словом, вытягивая из себя эту титанически тяжёлую цепочку давно подавляемого отчаяния.

В комнате снова воцаряется неловкое молчание. Я жалею о том, как много рассказала незнакомому человеку, и ещё хуже то, что я совсем не понимаю его реакции. Меня нервируют люди, которых невозможно прочесть, а Айден занимает среди них, пожалуй, первую позицию. Телохранитель остаётся всё так же непроницаем и закрытым, будто не живой вовсе.

Хорошо, что Айден не стал спрашивать о том, что было «до». ПТСР подразумевает конкретную причину, и я рада, что телохранитель не задаёт прямых вопросов на этот счёт. Но лучше бы я вообще ничего не говорила.

От его внимательного, изучающего взгляда становится не по себе. Айден в молчании сканирует меня, а потом вдруг спрашивает:

— Почему ты стыдишься того, о чём рассказала?

Я резко поднимаю голову. Неужели меня так легко прочесть?

— Не знаю, — отвечаю я после долгого молчания. — Наверное, я никогда не умела принимать свои слабости. Всё это звучит как-то... глупо, что ли. Словно я просто требую особенного внимания к себе.

Айден неоднозначно покачивает головой.

— В детстве твои проблемы часто обесценивали, не так ли?

Смешок вырывается сам собой. Эту схему я хорошо знаю.

— Вот только не надо включать психолога, ладно? А то больно широкий у тебя спектр услуг.

На удивление, Айден молча кивает и прекращает попытки провести сеанс поддержки.

Утром отец уезжает в город ради срочных дел — так мне передаёт невысокий мужчина из персонала. Мысленно я обозвала его «лакеем» — уж больно комично на нём смотрится белый строгий фартук, будто бы мужчина сбежал из ресторана прямо перед подачей блюд в зал.

За неуместным юмором привычно скрывается волнение. Я не была готова остаться в доме отца без него, даже если наше первое общение было далеко от идеального. Постоянное присутствие телохранителя, тенью следующего за мной, отнюдь не добавляет спокойствия. Мне удаётся пройтись по дому и прогуляться по прилегающей территории, изучая оранжерею, сад, тенистую аллею и почти диковатые участки дальше. Вся территория обнесена высоким каменным забором с линией черепицы, а единственный выход — только главные ворота. Ну или белой по деревьям.

Лёгкое урчание живота подкидывает мне неплохую идею — можно попробовать приготовить себе перекус. Кухню я нахожу не сразу. Приходится спросить Айдена о том, как туда попасть, и телохранитель без лишних вопросов проводит меня в нужное помещение. Пока я осматриваю кухню, больше похожую на часть ресторана, Айден что-то тихо говорит местному

повару, и вскоре мне предоставляется возможность похозяйничать здесь самостоятельно. В помещении остаюсь только я и телохранитель.

Не то чтобы я особый ценитель кулинарии... но приготовление пищи странно успокаивает. Поиск ингредиентов в незнакомой кухне также оказывается интересным квестом, и сосредоточенность на рецепте помогает мне победить скованность и тревогу. К моему счастью, Айден ничем не выдаёт своего присутствия, почти слившись с мебелью подальше от меня.

Может, всё будет не так плачевно, как я боялась.

Критически оглядываю подготовленные ингредиенты и вздыхаю, преступая к самой нелюбимой части – нарезке. Признаться, в свои двадцать один я так и не умею толком пользоваться ножом. Но если раньше меня смущала только природная неловкость в обращении с такими вещами, то теперь...

Мне становится банально страшно от одного взгляда на простые кухонные ножи.

Ведь в её руках был похожий.

Блокирую эту мысль, не дав ей развиться, и с излишним упрямством берусь за небольшой хлебный ножик. Он не так пугающе выглядит на фоне своих собратьев, да и порезать хоть что-то кроме своих пальцев я могу только таким.

Раз, два, три. Ножик тихо стучит по деревянной дощечке, а сок сладкого перца слегка растекается по её поверхности. Я концентрируюсь только на результате, а не на мысли, что в моих руках покоится нож. Нет ничего страшного в этом ерундовом кухонном предмете, чёрт возьми, да он скорее давит этот несчастный перец, нежели режет его.

Но кухня вокруг меня почему-то начинает знакомо темнеть. Я чуть встряхиваю головой, зажимаюсь и раскрываю глаза, прогоняя волну гнёта.

Нет. Ничего. Страшного. Что за ерунда со мной происходит? Неужели меня будет вот так накрывать даже от вида простых предметов, которые так или иначе связаны с тем случаем? Это уже просто смешно.

Когда лезвие задевает палец, сначала я даже не понимаю, что что-то произошло. Когда вспыхивает совсем ерундовая боль, сознание будто бы прошибает током – испытыв скачок ничем не оправданного испуга, я отскакиваю прочь от кухонной панели, выронив несчастный ножик.

Прижав к губам порезанный палец, я слышу позади себя тихие шаги. Резко оборачиваюсь на Айдена и в упор смотрю ему в глаза, одним взглядом предупреждая, что лучше бы ему остановиться. Телохранитель покорно замирает всего в двух шагах от меня. Он скользит внимательным взглядом по моей руке, пытаюсь рассмотреть порез с расстояния.

— Отбой тревоги, — бросаю я.

Айден вежливо кивает, отчего я ощущаю себя виновато.

— Если понадобится моя помощь, дай знать.

— Обойдусь как-нибудь, — бурчу я скорее в попытке отвлечься, чем всерьёз продолжить глупый конфликт.

Я оглядываюсь вокруг, прикидывая, может ли где-то на кухне храниться аптечка, или в таких богатых домах на это отведён свой собственный медпункт.

Слышу позади себя тихий вздох. Айден покидает кухню и возвращается всего парой минут позже, держа в руках новую, ещё не вскрытую аптечку. Он молча ставит её на кухонную столешницу и надрывает плёнку, одним движением снимая её с бокса.

— Спасибо, — тихо выдавливаю я то, что, как мне кажется, должна.

Айден никак не реагирует на благодарность и, раскрыв аптечку, в такой же тишине возвращается на своё излюбленное место недалеко от окна. Телохранитель частенько поглядывает в него – то ли разглядывая пейзаж, то ли проверяя территорию. Вот и сейчас его взгляд скользит по чистому стеклу, а потом вдруг возвращается на меня. Я прерываю секундный зрительный контакт и начинаю рыться в аптечке.

А голову снова одолевают тревожные мысли. Я совсем не хочу, чтобы обычные бытовые вещи приводили меня в такое состояние. Я не хочу сталкиваться с этими проклятыми приступами. Я не хочу быть... такой.

— Порез сначала нужно обработать, а потом уже...

Я сжимаю в ладони пачку пластырей и перебиваю:

— Жила же я как-то до тебя, представляешь?

То ли из-за отсутствия других реакций от природы, то ли из-за поразительного профессионализма, но Айдэн лишь миролюбиво кивает. Я глубоко выдыхаю, стараясь больше не давать волю эмоциям. В глубине души я прекрасно понимаю, что обхожусь с этим человеком несправедливо грубо.

Наклеив пластырь на порез, я тихо произношу:

— Давай договоримся. Без моей прямой просьбы просто не лезь ко мне, ладно? Сливайся с мебелью дальше, и я не буду на тебя орать. Обещаю.

Мне кажется, будто бы его губы подрагивают в тщательно скрываемой улыбке.

Этим вечером, наконец оставшись в одиночестве в своей новой комнате, я бросаю попытку разобрать чемодан и снова списываюсь с Софи. Общение с лучшей подругой действует лучше любых успокоительных.

«Ты не представляешь, какой это кошмар», — начинаю я с тяжёлым сердцем.

«Звучит многообещающе. Я слушаю»

И я рассказываю ей всё. И об отце, в общении с которым я уже умудрилась ошибиться, и о телохранителе, который смог вывести меня на откровения, и о моих попытках минимизировать его присутствие, и о многом, многом другом, что тревожит меня.

Софи читает мои многострочные сообщения и отвечает на все сразу голосовым. Я с улыбкой слушаю подругу, закрываю глаза и падаю спиной на мягкую кровать. Впервые за весь этот бесконечно долгий день я ощущаю себя в безопасности.

Голосовое сообщение Софи заканчивается неожиданным вопросом:

— А этот твой телохранитель, он хотя бы симпатичный?

Я в удивлении раскрываю глаза. Поворачиваюсь на живот, беру телефон в руки и набираю быстрое сообщение:

«Ну... наверное да. Но какая разница?»

В ожидании ответа я гадаю, к чему клонит подруга, и ни один из возможных вариантов меня не обнадеживает.

«Судя по твоему ответу, он так же роскошен, как и всё в доме твоего папы», — гласит новое сообщение от Софи.

Я в растерянности перевожу взгляд от экрана в темноту комнаты. Тем временем подруга присылает новое голосовое, и его я воспроизвожу уже с некой долей опаски.

— Вообще, я тебе даже завидую. Нет, не пойми меня неправильно, я знаю, что события, из-за которых ты попала туда, более чем просто отвратительные, но... слушай, может, поверишь мне на слово? Мне кажется, всё не так плохо, как ты воспринимаешь.

Я в задумчивости прикусываю губу. Отрицать слова Софи бессмысленно — я и сама знаю, что грешу излишним пессимизмом. Но как бы взять и перепрограммировать своё восприятие, изменить команду, всякий раз обращающую мой страх в агрессию и фатализм? В какой код сознания нужно пролезть, чтобы всё это исправить?

Закрыв глаза, я блокирую экран телефона и утыкаюсь лицом в мягкий плед.

Глава 3: Начало цепочки

О переводе на домашнее обучение я узнаю уже от преподавателей.

Спустя несколько дней после моего прибытия в дом отца я получаю письмо на электронную почту. Если опустить всевозможные тревоги и пожелания скорейшего выздоровления, суть послания предельно проста: меня просят найти время, чтобы приехать в университет, уладить пару моментов и взять необходимые для самостоятельной учёбы материалы на семестр.

Около часа я сижу в комнате в полнейшей тишине, переваривая свалившуюся на меня информацию. Чуть позже я узнаю о том, что домашнее обучение было оформлено моим отцом, пока я находилась в клинике. У меня нет возможности поговорить с ним хотя бы об этом — папа уезжает ранними утрами и возвращается, когда я уже сплю. Как и сегодня.

Вот так просто перечёркивается ещё одна сфера моего привычного существования.

Не то чтобы я очень любила учёбу. Скорее, ровно наоборот. Раньше я бы восприняла такие новости с большей долей облегчения, если вовсе не с радостью. Но теперь перспектива таких перемен предрекает всё меньшие возможности возвращения к жизни, которая хотя бы отдалённо напоминала бы мне мою.

А ещё это означает, что от общества телохранителя будет избавиться ещё сложнее. Хотя домашнее обучение в этом случае вовсе к лучшему. Если бы он бродил за мной каждый день ещё и на пары, это было бы невыносимо стыдно и просто странно.

Я встряхиваю головой и стараюсь взять себя в руки. Составляю примерный план на сегодняшний день, и этот мыслительный процесс помогает мне вырваться из оцепенения. Подняв с пола рюкзак, я шарю рукой по карманам и наконец касаюсь холодного металла. Подцепляю пальцем колечко и достаю ключи от машины. *Моей* машины.

На губах сама собой мелькает улыбка. Я ужасно скучаю по своей малышке. Если бы только была возможность забрать её с собой сразу же... А теперь неизвестно, когда я смогу доехать до дома матери.

Возникает закономерный вопрос, как теперь добраться до университета. В памяти всплывают воспоминания о километрах глухих лесов, которые мелькали за окном, пока меня везли сюда. Вряд ли даже на ближайшем шоссе ходит общественный транспорт в город.

Конечно, у отца наверняка есть водители. Но он уехал ещё ранним утром, поэтому придётся навязываться самостоятельно... Хотя к чёрту контакт с незнакомыми людьми. Доберусь до шоссе, а там и узнаю, ходит ли какой-нибудь транспорт. В крайнем случае вернусь и буду дожидаться возвращения отца. Конкретных сроков мне не назначили, поэтому без разницы, приеду я в университет сегодня или в другой день. Но сейчас мне необходимо прогуляться и проветрить голову.

Главное не наткнуться на этого... телохранителя. Он точно навяжется в незванные помощники.

В задумчивости я покидаю свою комнату и вздрагиваю, когда краем зрения замечаю высокий силуэт совсем рядом с дверью. От испуга душа ныряет в пятки, а я почти шарахаюсь в сторону. Аиден, стоя в расслабленной позе со сложенными назад руками, слегка поднимает брови.

— Прощу прощения. Не хотел пугать.

Его внимательный взгляд прикован ко мне, будто бы телохранитель опасается, что я снова могу сложиться в обморок. С моих губ срывается нервный смешок.

— С каких пор ты под дверью ошиваешься? — спрашиваю я грубее, чем хотела бы.

— Это мой обычный пост.

Я глупо открываю рот, даже не зная, как сформулировать мысли, несущиеся в голове.

— И давно ты тут? — выдаю я один из наименее интересующих меня вопросов, но один из самых безобидных.

— Мой рабочий день начинается в пять утра. Если потребуется, я в твоём распоряжении и раньше.

Я подавляю тяжёлый вздох. Отчего-то я ощущаю необъяснимый укол вины и тут же напоминаю себе: этот человек сам нанимался на такую работу, вряд ли его кто-то заставлял.

— Могу чем-то помочь? — нарушает Айден затянувшееся молчание.

Я поглядываю на него с лёгким недоверием. Отступить и закрыться в комнате было бы глупо, но, чёрт возьми, как велик соблазн это сделать.

— Где ближайшая автобусная остановка до города? — тихо спрашиваю я. — Мне нужно заехать в университет.

— Нет нужды искать автобус, — бесстрастно отзывается Айден. — Я довезу.

Это ничуть не лучше, чем напрашиваться незнакомому водителю. Отчаянно хочется взвыть, но вместо этого я с усмешкой уточняю:

— Так ты ещё и водитель? На полставки подрабатываешь?

— Нет. Но права и машина у меня есть. Поскольку в мои обязанности входит любая помощь, я выполняю то, что нужно в конкретной ситуации.

— И правда широкий спектр, — бурчу я и тихо вздыхаю. — Ладно. Когда ты можешь?

— Когда скажешь.

Видимо, помимо меня дел у него нет вовсе. Опустив взгляд в пол, я медлю, раздумывая, а потом поднимаю голову.

Наши взгляды снова пересекаются. Спокойный, непроницаемый — у Айдена. Лихорадочно метавшийся, холодный и напряжённый — у меня. Эта разница кажется мне смешной и пугающей одновременно. Было бы намного проще, понимай я эмоции этого человека.

— Тогда прямо сейчас, — решаю я.

Вместе со мной Айден спускается на первый этаж. В холле он сворачивает в северное крыло особняка и оттуда проводит меня в просторное, холодное помещение, которое я признаю не сразу.

Тихим щелчком Айден зажигает свет, и моё сердце останавливается.

Это гараж. Гараж, полный машин.

Дорогие внедорожники, полуспортивные люксы, простые паркетники и седаны... здесь намешано слишком много всего. От машин, встречаемых на каждой улице, до настоящего представительского класса. В неярком освещении поблескивает начищенный металл каждой красотки, и у меня захватывает дух.

Мои ребята отдали бы души, если бы им позволили оказаться в таком месте.

— Здесь свой транспорт держат все работники дома, — поясняет Айден.

Я делаю несколько неспешных шагов вдоль ряда припаркованных машин. Прохожу мимо чёрного тонированного Geländewagen, оглядываю совсем новую Mazda CX-5. Изучающе засматриваюсь на brutальный Rolls Royce, улыбаюсь столь узнаваемой Tesla Model S.

А потом я останавливаюсь возле серой BMW. Если не ошибаюсь, передо мной настоящая M8 в версии Gran Coupe. Эта красotka заставляет моё сердце биться чаще, настолько мне нравится в этой машине буквально всё. Сбалансированный и утончённый внешний вид, строгость изгибов, естественность каждой её детали. Эта малышка — настоящий венец творения самых талантливых дизайнеров. По крайней мере, на мой вкус. Не удержавшись, я почти ласково касаюсь ладонью капота.

— Чья она? — решаю я спросить.

Может, удастся прокатиться на ней хотя бы один раз. От моего внимания не укрывается то, как телохранитель медлит с ответом, и спустя секунду я понимаю, почему.

— Моя.

Кровь приливает к лицу. Я тут же одёргиваю руку от капота, пока Айден неспешным шагом приближается к своей машине. Из кармана пиджака он достаёт сенсорный ключ, зажимает его в пальцах, и мгновение спустя BMW мигает фарами, освобождённая от сигнализации.

— Похоже, отец неплохо платит своим работникам, — бормочу я.

Настолько неплохо, что я даже не представляю, почему они до сих пор работают на него, а не заняты своими бизнесами.

— Да. Не жалуюсь.

Айден подходит к двери со стороны пассажира и открывает её, после чего отступает чуть в сторону. Я не сразу понимаю, чего он от меня ждёт, а потом, спохватившись, сажусь в машину.

До чего же приятно пахнет в салоне. Кожаная обивка сидений, отголосок цитрусового стеклоомывателя – вероятно, недавно залитого. И всё это примешивается едва уловимым ароматом, природу которого я понимаю только когда Айден садится за руль.

Это его одеколон. Чуть терпкая древесная основа, кориандровые добавки и нотки эстрагона. Вот уж не думала, что такой закрытый человек, как Айден, обладает хорошим вкусом.

Нажатием на кнопку возле руля он заводит двигатель. Я на автомате вспоминаю про ремень безопасности и тяну его к замку, но, потыкавшись, так и не могу попасть язычком ремня в держатель.

Когда Айден, решив помочь, случайно соприкасается с моими руками, я отстраняюсь настолько, насколько позволяет салон машины. Телохранитель кидает на меня непроницаемый внимательный взгляд и легко справляется с замком ремня безопасности.

— Всё хорошо? — так же бесстрастно спрашивает он и намеренно не смотрит на меня. Будто от этого мне проще.

— Угу.

К счастью, больше вопросов он не задаёт, а я стараюсь концентрироваться только на том, какой приятный звук издаёт тихо урчащий двигатель и как мягок ход этой машины, когда мы выезжаем из гаража.

Возле главных ворот Айден слегка притормаживает, опускает стекло и кивает человеку на посту. Пока ворота плавно открываются, телохранитель выдаёт краткую сводку:

— Путь займёт около полутора часов. На задних сидениях есть вода и снеки. Если захочешь, скажи.

Я тут же отмахиваюсь от предложения.

И зря, водичка бы пригодилась. Ведь когда серая BMW набирает скорость и мягко лавирует по витиеватой трассе, меня начинает укачивать. Поначалу – несерьёзно, в пределах терпимости. Но этот чёртов серпантин никак не кончается, и я сталкиваюсь с угрозой опозориться ещё сильнее, чем успела за прошлые дни.

Похоже, в тот раз, когда я впервые ехала сюда с незнакомым водителем, я слишком сильно нервничала, и это меня спасало. Сейчас же... будь проклят утренний завтрак.

Моё упрямство не позволяет мне попросить сбавить скорость или остановиться. Айден водит уверенно и аккуратно, но это никак не спасает меня от чудовищно поворотливой дороги. В какой-то момент мне становится настолько паршиво, что я впираюсь пальцами в ложе дверной ручки.

И это не укрывается от внимания телохранителя. Прежде, чем он успевает задать вопрос, я сдаюсь и выдавливаю из себя тихое:

— Останови...

Айден резко прожимает тормоз. Я крепко зажмуриваю глаза и задерживаю дыхание, упираясь рукой о бардачок. Когда машина съезжает на обочину и наконец останавливается, я не с первого раза открываю дверь, отстегиваю ремень и выбираюсь на свежий воздух.

Наконец-то. Я медленно вдыхаю и выдыхаю спасительную прохладу, стараясь подавить позывы. Не нужно нам этого позора, спокойно. Терпи, Мэйджерсон, терпи...

Я даже не понимаю, как Айден успевает оказаться возле меня. Замечаю лишь его внимательный взгляд и зажатую в руке бутылку с водой.

— Уйди, а? — бурчу я, зажмурившись, лишь бы не видеть его.

— Прошу прощения. Нужно было ехать медленнее.

Мне хочется ответить грубостью, но тошнота сдавливает горло так, что я предпочитаю промолчать. Чтобы как-то отвлечься, я начинаю медленно идти вперёд по обочине. Позади я слышу тихий хруст гравия – Айден тенью следует за мной.

Глухое раздражение прокатывается по венам. Я резко останавливаюсь, разворачиваюсь к телохранителю и, как мне кажется, буквально прожигаю его взглядом. Но Айден спокойно встаёт возле меня и в той же присущей ему безмятежности смотрит мне в глаза. Я снова сталкиваюсь со стеной его непроницаемости и понимаю, что все мои глупые гляделки похожи на детский сад. Вдохнув, я резковатым движением отбираю у него несчастную бутылку с водой.

Когда здание университета оказывается совсем рядом, я начинаю нервничать ещё сильнее. Зная, чем это может закончиться, я заставляю себя взять эмоции под контроль. Однако от одной только мысли, что теперь придётся постоянно находиться рядом с телохранителем на глазах у всех, хочется просто выскочить из машины и позорно сбежать. Но отступить уже поздно.

В этот раз мне везёт: по пути к декану я не встречаю знакомых с курса. Это заметно облегчает мне жизнь, и в какой-то момент я почти перестаю накручивать себя бесконечными вопросами о том, как я объясню наличие странного мужика в костюме, который таскается за мной по пятам.

В кабинет декана я почти влетаю, желая поскорее разобраться с делами. Но, к моему ужасу, Айден не остаётся ждать меня в коридоре, а проходит к декану вместе со мной. И, что самое катастрофичное, этот параноик прямо на глазах у уважаемого мистера Хэйджесона берёт и обходит весь его кабинет, будто бы проверяя на наличие «угроз». Так неловко, как сейчас, мне не было уже давно.

Убедившись в безопасности, Айден покидает кабинет, оставляя меня один на один с ошарашенным деканом. Я кисло улыбаюсь:

— Так и живём, представляете?

Двадцать минут полоскания мозгов в кабинете взбешённого мистера Хэйджесона – и я наконец свободна. Вдохнув с облегчением, я выхожу в коридор и сталкиваюсь с выжидающим взглядом Айдена. Я интуитивно догадываюсь о его вопросе и слегка раздражённым кивком головы даю понять, что всё в норме.

Когда я уже собираюсь направиться к лестнице, случайно замечаю впереди знакомую кислотно-зелёную толстовку. В груди трепетом бьётся надежда на то, что я не ошиблась. Ускорив шаг, я лишь убеждаюсь в капельке удачи, которая решила мне улыбнуться. Приближаюсь к юноше со спины и крепко обнимаю своего друга.

Питер вздрагивает от прикосновения и тут же разворачивается ко мне. Его худое лицо озаряется сначала удивлением, а следом и радостной улыбкой. Парень тут же сжимает меня в крепких ответных объятиях.

— И года не прошло! Где ты была столько времени?!

— Если расскажу, не поверишь, — с улыбкой отвечаю я и отпускаю Питера.

Юноша осматривает меня с головы до ног, будто бы убеждаясь, что я в самом деле стою перед ним. Вдруг он переводит взгляд куда-то за моё плечо и в удивлении приоткрывает рот.

— А это с тобой? — в лёгком опасении уточняет Питер.

Я даже не оборачиваюсь, чтобы лишний раз не видеть непроницаемую маску Айдена.

— К сожалению, да, — фыркаю я. — Не обращай на него внимания. Это мой... вроде как телохранитель.

— Чего? — Питер во все глаза смотрит на меня.

— У меня был примерно такой же вопрос, когда папа всучил мне его.

Но от моих попыток кратко объясниться у Питера возникает всё больше вопросов.

— Папа? — ещё более изумлённо переспрашивает он. — Ты что, виделась с отцом? И я только сейчас об этом узнаю?

— Я никому не говорила о последних событиях, — лукавлю я, заглушая голос совести, который шепчет имя Софи.

Питер уже собирается что-то спросить, но его отвлекает ехидный голос:

— Опа, омежка снова пытается выйти из френдзоны.

Нейттан Пирс. Как жаль, что он ещё не издох.

Прямо на моих глазах всякие эмоции на лице Питера обращаются в затравленное, смиренное выражение. Эта перемена происходит в нём так быстро, что мне всерьёз становится страшно за друга.

Я медленно поворачиваюсь назад и сталкиваюсь с улыбкой-оскалом. Нейт ничуть не изменился с того времени, как я видела его в последний раз. Всё те же зачёсанные назад блондинистые волосы, трижды проколота бровь и колкий, скользкий взгляд чуть прищуренных глаз. Нейт всегда пользовался популярностью за счёт своей на редкость красивой мордашки. Но, небеса мне свидетелем, я была бы очень не прочь размазать это личико по кафельному полу.

Потому что Нейт травит моего друга с самого первого курса.

— Эти уроды снова цепляют тебя? — прямо спрашиваю я у Питера, лишь слегка повернув к нему голову. При этом я не свожу глаз с Нейта, на что он фыркает от смеха.

Пусть веселится.

Я лишь раз кидаю взгляд в сторону телохранителя, незаметно стоящего в стороне. Айден коротко кивает, ожидая приказа. Меня несказанно радует, что он не лезет, куда не просят. Пожалуй, впервые с момента нашего скомканного знакомства я нахожу его существование не совсем сугубо негативным. Вот бы он всегда держал свою самостоятельность при себе, а не как это было с кабинетом декана.

— Всё хорошо, Шелл, — тут же вступается Питер позади меня. — Пойдём отсюда.

— Значит, цепляют, — вздыхаю я. — Стоило только пару-тройку недель тут не появляться, а эти шакалы снова распоясались.

Гнев скользит по моим венам, предавая сил. Я криво улыбаюсь и направляюсь прямо к Нейту. Он выше меня на целую голову, и когда я оказываюсь почти вплотную, мне приходится смотреть снизу вверх. Однако нечто внушительное плескается в моих глазах, отчего Нейт теряет прежнюю самодовольную улыбку.

О да. Нет зрелища более жуткого, чем человек, который готов выгрызть тебе глотку от того, насколько ему страшно просто находиться так близко.

Я могла бы сказать, что не боюсь Нейта за его выходки и издевательства, которыми он и его компания травят младших или слабых. Могла бы уверять себя, что не боюсь Нейта за его влияние, наглость и обеспеченную за счет богатых родителей безнаказанность. Могла бы верить, что не боюсь Нейта за то, что он парень.

Но всё это ложь. Мне знаком страх. Он часто управляет мной в последние добрых полгода. Но, если быть честной, как же я устала бояться.

В человеческом страхе, чувстве столь низменном и пристыженном, есть один неоспоримый плюс: его легко превратить в гнев. А гнев прекрасно трансформируется в силу. Она — в защиту. А та — в безопасность. И тогда страх медленно, но исчезает, словно сгоревшее в дви-

гателе топливо. Эту цепочку я прознала ещё с малых лет, но владеть её элементами в совершенстве научилась совсем недавно.

Главная сложность этого метода заключается в непредусмотренных последствиях при привыкании. Если ошибёшься хотя бы в одном элементе, переборщив или не справившись... всё может пойти под откос. Так и рождается неконтролируемая агрессия, срывы и социопатия.

Поэтому я всегда стараюсь держать свои эмоции в узде.

Ведь никто.

И никогда.

Не должен видеть.

С чего начинается эта цепочка.

Никто не должен видеть мой *страх*.

— Давно проблем не было, Нейт? — ядовито улыбаюсь я, чуть наклонив голову вбок, будто бы разглядываю юношу с любопытством.

Нейт возвращает свою излюбленную усмешку и наклоняется вперёд, чтобы приблизиться к моему лицу. Его дыхание обдаёт меня ароматом мятной жвачки.

— Не дерзи так, будто бы можешь их обеспечить, — почти ласково советует Нейт.

Страх сдавливает виски. Я улыбаюсь диковато, почти скалюсь, и собираю в кулак всю преобразованную силу.

Но её никак не хватает.

Когда оскал начинает спадать с моих губ, я бросаю быстрый взгляд на Айдена. Его поза кажется напряжённой, а взгляд неотрывно прикован ко мне.

Ну уж нет. Я не позволю этому истукану вмешиваться за меня, как за малолетнюю обиженную девочку.

Я возвращаю взгляд на Нейта, растягиваю губы в улыбке и делаю голос погромче. Пусть меня слышат как можно больше людей.

— Причём тут я, Нейтан? Ты и сам прекрасно справляешься. Ты собрал вокруг себя армию драных шлюшек и искренне веришь, что они рядом с тобой не из-за твоих полных карманов. — Я улыбаюсь ещё шире, почти ласково, и протягиваю: — Потому что на самом деле, Нейт, ты пустое место без денег своих родителей. Ты – та самая проблема.

Вокруг нас раздаётся смех – находящиеся поблизости студенты с интересом наблюдали за нашим столкновением. Кто-то прыскает даже за спиной Нейта – кажется, один из его извечной компании. Парень, стоящий по другую сторону, смеряет меня внимательным взглядом и кривит губы в усмешке. Реакцию третьего я не вижу – он почти скрыт за спиной лидера их компашки. Но настоящим призом для меня становится гнев, мелькнувший в глазах самого Нейта. Впрочем, он быстро возвращает свой самодовольный вид и цедит с улыбкой:

— Этот раунд за тобой, детка.

Он будто бы и не выглядит проигравшим. Я крепко сжимаю челюсть, пока Нейт разворачивается и уходит прочь. Его свита следует за ним, заставляя студентов расступаться.

Меня начинает колотить мелкой, пока ещё незаметной дрожью. Я опускаю взгляд в пол, сконцентрировавшись на управлении своим телом. Не знаю, насколько заметно моё состояние, но Айден медленным шагом подходит ко мне.

Я разворачиваюсь к Питеру и выпаливаю:

— Почему ты не обратился к нашим? Парни могли тебе помочь.

Питер в растерянности бродит взглядом по моему лицу и осторожно отвечает:

— Да и не стоило, я уже привык...

Я смотрю ему в глаза и тяжело вздыхаю. Кажется, сколько бы лет не прошло, Пит никогда не меняется.

Наше с ним общение насчитывает уже тринадцатый год. Насколько я знаю с малых лет, наши отцы когда-то работали вместе. Не знаю, так ли это до сих пор – после развода моих

родителей мама помешана на том, чтобы оградить меня от любой информации об отце. Она всегда была против моего общения с Питером, постоянно сетовала на то, что ничего хорошего от этой дружбы ждать не стоит, но не могла заставить меня прервать контакт с Питом. Мне всегда помогали утверждения о том, что он ни разу ничего не рассказывал мне про отца, даже если и знал. Я заверяла, что сама никогда не буду пытаться ничего выяснить, а моя дружба с Питером не приведёт меня ни к чему плохому. На этом мама чаще всего успокаивалась.

Я не знаю, что является корнем маминой ненависти к отцу. И, честно говоря...

Я не хочу узнавать.

Глава 4: Лишнее звено

Всё больше о своём отце я узнаю по несчастливой случайности.

Утром, когда его уже давно нет дома, я спускаюсь в северную гостиную, где теперь завтракаю – всё-таки сидеть в одиночестве за огромным столом в обеденном зале слишком жутко. Айден всё так же всюду следует за мной. Всё больше его звание телохранителя превращается в моих мыслях в надзирателя.

— Ты хоть когда-нибудь ешь? — мрачно спрашиваю я, занимая место возле подоконника.

— Да, — отвечает он со своей излюбленной серьёзностью. — Утром перед выходом на рабочее место и вечером перед сном.

Я моргаю и в изумлении поглядываю на Айдена.

— И как ты при этом... ну... ладно, что не сдох ещё можно понять, но как ты умудряешься сохранять хорошую форму? Ты должен быть тощим, как палка.

— Я пошутил.

— Неужели? — я фыркаю, не удержавшись. — Знаешь, с таким таблом у тебя не получается.

Его губы подрагивают в подобии улыбки.

— Ты часто запираешься в своей комнате, территорию дома покидаешь совсем редко. Времени на обеденные перерывы у меня даже слишком много.

Я задумчиво покусываю губу. Раз уж Айден сегодня щедр на ответы, я могу поинтересоваться чем-то более весомым.

— Почему ты такой?

— М? — он вопросительно приподнимает бровь.

Отчего-то мне становится даже неловко.

— Ну, почему ты большую часть времени строишь из себя истукана, у которого нет голоса, эмоций и своего мнения? Ты как будто прикидываешься неживым.

Айден долго молчит, обдумывая ответ. Когда он решает заговорить, голос его звучит так же спокойно и сухо, будто бы наш разговор напомнил ему о каких-то только ему известных правилах:

— Я проходил серьёзную подготовку. Охрана объекта подразумевает строгое выполнение прямых обязанностей. Всё остальное – лишнее. Именно благодаря этому я остаюсь на службе мистера Мэйджерсона. Он ценит профессионалов.

По моей спине пробегает неприятный холодок.

— Понятно, — бурчу я в ответ, не зная, что ещё сказать.

Вскоре, когда лакей приносит на подносе обширный завтрак на все вкусы и аллергии, я ощущаю недетский аппетит. От еды отвлекает вибрация телефона. Я в лёгком замешательстве оглядываюсь вокруг и замечаю на одном из кресел сиротливо брошенный смартфон. По неброскому серому чехлу я сразу узнаю вещь.

— Папа телефон забыл, — киваю я на оставленное устройство.

Айден поглядывает на наручные часы.

— Мистер Мэйджерсон скоро вернётся. Сегодня он уезжал ненадолго.

Даже мой телохранитель знает о делах отца больше, чем я. Тихо вздохнув, я уже собираюсь вернуться к пище, как вдруг папин телефон издаёт ещё одно оповещение. Будь трижды проклято моё почти идеальное зрение и взгляд, который неосознанно, без моего контроля, обращается к экрану телефона.

Внутри всё обрывается. Леденеет. Сжимается в узлы.

«Удачи тебе сегодня. Верю в тебя! Люблю»

«Почему ты не отвечаешь, родной? Я волнуюсь... Напиши мне, пожалуйста. Или позвони. Целую»

Подпись контакта кратка: «Шарлотта».

Маленькая вилка выпадает у меня из рук. Айден подаётся в мою сторону, но вовремя останавливается, видимо помня суровые предостережения касавшие его вмешательства. Хорошо, что он остаётся в стороне.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Сосредотачиваюсь только на работе лёгких, представляю, как кислород проникает в кровь и насыщает организм столь простым и необходимым элементом.

Прежде чем экран папиного телефона темнеет, Айден успевает взглянуть на причину моего ступора. На его лице не отражается ни единая эмоция, лишь взгляд, вернувшийся ко мне, становится более настороженным.

— Не собираюсь я истерить, — бросаю я глухо. — Это просто... неожиданно. И ожидаемо одновременно.

Получается, папа вовсе не один. Не то чтобы это вообще должно меня волновать... но почему-то возникает ещё более стойкое ощущение, будто бы в этой опере у меня лишняя роль. Почему он ни словом не обмолвился о том, что мне предстоит познакомиться с его избранницей? Неужели собирался вовсе скрывать от меня подобную частную жизнь? Это бы сделало меня ещё более чужой, чем раньше.

Впрочем, отец и так не проявлял инициативы в общении со мной за все эти дни, с того самого момента, как я вообще появилась в его доме. О причинах мне стоит только догадываться, и я ой как не хочу тыкать пальцем в небо, не зная правды. Я надеюсь только на то, что причина всего кроется не во мне. Не в моих ошибках. Не в моей природе.

Телохранитель предпочитает не нарушать тишину. Я опускаю взгляд на тарелку, полную еды, но аппетита больше не испытываю. Голос совести напоминает, что оставить завтрак почти нетронутым означает наверняка оскорбить человека, который его готовил, но я не могу заставить себя проглотить ни кусочка.

К счастью, мне и не приходится долго уговаривать себя. Благодаря приоткрытому окну я отчётливо слышу, как к дому подъезжает машина отца. Колеса мягко шумят по дорожке из гравия, пока белая Tesla паркуется возле главного крыльца. К моему лёгкому удивлению, отец водит сам, а не пользуется услугами своих подчинённых. Я украдкой наблюдаю за тем, как он ставит машину на сигнализацию, хотя в этом нет особой нужды – территория особняка охраняется. Возможно, многое в его действиях осталось делом старых привычек.

Потому что отец из моих покрытых пылью детских воспоминаний не был настолько богат. Как интересно сравнивать их с матерью пути: жизнь распорядилась с ними двумя абсолютно противоположными образами.

И я искренне надеюсь, что никто из них не повлиял на нынешнее состояние другого. Хочется верить, что кому-то просто везёт, а кому-то нет, хотя я прекрасно понимаю, что дело чаще всего в мышлении и стойкости каждого отдельного человека.

Когда отец заходит в дом, я поднимаюсь на ноги.

— Если увидишь повара, пожалуйста, передай ему от меня мои извинения, — тихо прошу я Айдену.

Я спускаюсь вниз, в обеденный зал, где отец уже занимает свое место во главе стола. Он с улыбкой кивает мне в знак приветствия, и на секунду я сомневаюсь, стоит ли позволять моим вопросам вырваться наружу.

— Ты уже завтракала? У меня, конечно, уже скорее обед, но мы можем поесть вместе.

Я неоднозначно покачиваю головой и занимаю место неподалёку от отца. Он что-то ищет в своём строгом кожаном портфеле, шаря рукой по всем отделениям.

— Телефон? — как-то невпопад догадываюсь я.

Отец поднимает на меня удивлённый взгляд.

— Да.

— Ты оставил его дома. Он в гостиной... в северной.

На лице папы появляется облегчённая улыбка. Он ставит портфель на пол и поудобнее устраивается за столом. Я снова не знаю, как подступиться к разговору, и нервно тереблю пальцами край кофты.

— Ты же только недавно встала? — непринуждённо интересуется отец. — Как спалось?

Я не могу сосредоточиться на его речи. Всё моё сознание поглощено мыслями и догадками, которые не дают мне покоя.

— Шелл?

Вздыхнув, я собираю в кулак всю свою смелость, чтобы тихо, осторожно спросить:

— Пап, скажи, а у тебя есть кто-нибудь?

Отец отвечает не сразу. Он ждёт, пока повар поставит на стол перед ним поднос с обедом, а после, поклонившись, скроется в дверях кухни. Разложив на коленях тёмную салфетку, отец поднимает на меня внимательный взгляд.

И врёт.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

На моих губах появляется болезненная улыбка. Почему-то я перевожу взгляд на Айдена, стоящего неподалёку от дверей в обеденный зал. Кажется, будто бы он всё это время пристально смотрел на меня. А может, взглянул только в момент, когда понял, что мой отец лжёт.

Скорее всего, он делает это во благо. Вот только кого папа пытается защитить? Больно от мысли, что опасается он как раз меня. Оберегает себя и своих близких, как от сумасшедшей.

Но это же сделала не я.

— Почему ты скрываешь её? — почти шёпотом выдыхаю я, опустив взгляд в стол.

— О чём ты? — теперь голос отца приобретает напряжённые нотки.

— Шарлотта. — Имя незнакомки камнем застревает у меня в горле.

За столом воцаряется тишина. Слышно, как отец прекращает помешивать горячий чай, опускает ложку на край чайной тарелки, а потом вдруг вкрадчиво спрашивает:

— Ты лазала по моему телефону?

— Нет, — тут же выпаливаю я. — Я увидела на экране уведомлений, когда она писала тебе.

— Зачем ты смотрела?

Я сглатываю, внезапно ощутив острый укол вины.

— Я неосознанно...

— Шелл, мне очень неприятно от твоего поступка, — медленно произносит отец.

Хочется просто взять и провалиться сквозь землю. До боли в пальцах стиснув кулаки, я тихо говорю:

— Прости. Если бы... если бы я знала, что ты не один, я бы не приехала сюда. Я бы не стала мешать тебе и... ей.

Отец устремляет на меня тяжёлый, но всё ещё спокойный взгляд.

— Вот именно поэтому я собирался представить вас друг другу, только когда ты будешь готова. Когда избавишься от этих глупых предрассудков и перестанешь считать себя временной гостьей в моём доме.

Этой тихой фразой он говорит куда больше, чем мог бы передать огромной гневной тирадой. Я застываю, снова и снова прокручивая в голове каждое его слово. Мне требуется около минуты тишины, чтобы разобрать все мысли по полочкам. Около минуты на то, чтобы на душе утихла буря вопросов и противоречий. Я поднимаюсь со своего места и быстро подхожу к отцу, решив поддаться порыву. Я слегка наклоняюсь и осторожно обнимаю его, опустив голову на плечо.

Папа немного улыбается и чмокает меня в волосы. Этот простой жест с его стороны кажется мне невероятно ценным.

С момента выписки из клиники я почему-то стала ложиться рано – возможно, сохранился больничный режим. Забавно, что при этом продирать глаза мне удаётся лишь ближе к полудню, будто бы в процессе сна мой организм пытается восстановить всё и сразу.

Однако этим вечером мне особенно тяжело заснуть. Туманные размышления медленно крутятся в сознании, складываются в бесконечный, замкнутый цикл. Я ворочаюсь с бока на бок, но никак не могу даже провалиться в дрему.

В какой-то момент я сдаюсь. Медленно сажусь в кровати, провожу рукой по растрёпанным волосам и зачёсываю их назад, прочь с лица. Поглядываю на электронные часы, горящие в темноте комнаты, как маяк.

22:48. Ребята наверняка только собрались.

Безумная идея прокрадывается в мою голову и по-хозяйски устраивается там, потеснив кричащий голос рассудка. Я встаю с кровати, быстро накидываю поверх майки укороченную толстовку, натягиваю джинсы и наскоро обуваюсь.

К окну я подхожу с некой долей опаски и неуверенности. Я не знаю, имеет ли моя безумная идея шансы на реализацию, но я хотя бы попытаюсь.

К счастью, окно открывается без проблем. Прямо под моей комнатой расположена крыша террасы, выходящей аккурат на задний двор. Тут же, около дорожек, оставлены два прогулочных велосипеда – один из них является ключевым звеном в моей затее.

Внимательно оглядываю прилегающую к заднему двору территорию. На моё счастье, никакой охраны здесь нет, но она наверняка будет у главных ворот. Значит, мне нужен другой путь. Скептически оглядываю сплошной каменный забор с черепицей наверху, и вдруг замечаю на другой стороне открытого пространства небольшой домик – будто бы маленький склад для инструментов и садовых принадлежностей. Его крыша лишь ненамного ниже линии забора.

Я бесшумно перелезаю через подоконник и спускаюсь на крышу террасы. Аккуратно прикрываю за собой окно, но не до конца – чтобы можно было при необходимости вернуться тем же способом. Чуть припадаю вниз, дабы не привлечь случайный взгляд, и медленно подбираюсь к краю крыши. Высота небольшая, да и к тому же, внизу установлены пышные клумбы. Мысленно попросив прощения у садовника, я бесшумно спрыгиваю вниз. Приземление на мягкую почву клумбы оказывается безболезненным, и я поскорее выбираюсь из неё на газон. Поправляю слегка примятые растения и снова оглядываюсь по сторонам. Пока что мне везёт – гневных окриков не слышно, меня никто не заметил.

На углу дома висит одна из камер, её наличие я подметила ещё вчера. Мне трудно судить о её поле зрения, поэтому я обхожу этот угол по огромной дуге. До велосипедов приходится добираться почти окольными путями между аккуратно подстриженными цветниками. Небольшой передышкой от нервного напряжения становится теплица, за которой я прячусь и провожу дух. Отсюда я осматриваю место, где припаркованы велосипеды, и, убедившись в отсутствии ненужных глаз, лёгким бегом направляюсь к своей цели.

На моё счастье, велики оказываются не пристёгнуты к перекладине, на которую опираются. Я осторожно откатываю один – тот, что выглядит попроще, и тут же замуриваю глаза от громкого стрекота цепи, который возникает от прокрутки колеса. Чертыхнувшись, я поднимаю заднее колесо велосипеда и качу его так, почти на весу.

Чувствую себя вором, но упрямо подавляю призывы совести всё бросить и вернуться в комнату. Раз решила, нечего пытаться отступить.

Добравшись до невысокой пристройки, я не с первого раза затаскиваю велосипед на три металлических бочки, покрытые сверху дощечкой. Забираюсь на крышу сама, а потом затаскиваю свой транспорт – не без труда, но всё же успешно. К моменту, когда я сбрасываю велосипед на землю по другую сторону забора, я успеваю взмокнуть и устать.

Парни не простили бы мне такой девчачьей слабости. Обязательно бы завалили шутками и подколами. Я живо представляю, как Лиам корчит рожу, сетуя на то, что я сдала позиции за последнее время, а Лео живо соглашается с ним и поторапливает меня, подталкивая со спины.

Я улыбаюсь и спрыгиваю на землю чуть дальше велосипеда. Отряхиваю ладони от грязи и оглядываюсь, убеждаясь в относительной успешности моей задумки, а потом сажусь на велосипед и наконец начинаю долгий путь.

Нельзя сказать, что я общительный и успешный в социуме человек. Но есть у меня одна тёплая компания... И если бы отец узнал о ней, он наверняка пришёл бы в ужас.

Каждому родителю было бы трудно свыкнуться с мыслью, что его дитяtko водится в банде подростков-нелегалов, промышляющих вандализмом и мелкой кражей. А особенно такому родителю, как мой отец. Ко всему прочему, я являюсь лидером и основателем этой шайки. И теперь... теперь, кажется, пора возвращаться к моим ребятам.

К заброшенной автомастерской я приезжаю лишь в первом часу ночи – и это при том, что я гнала на издыхании, дабы проветрить голову и изнурить тело так, чтобы не оставалось лишних сил на тревожные размышления. Всё-таки не слишком спокойно на душе, когда тебя окружают километры леса, и неизвестно, что хуже: если дорога под колёсами останется всё так же пуста, или если на ней появится кто-то ещё.

Когда знакомое двухэтажное здание, брошенное на отшибе пригородного района, показывается впереди, я издаю облегчённый выдох. Расположенные слишком высоко окна источают тёплый свет, а значит, ребята всё ещё там.

Я оставляю велосипед возле припаркованной машины Лиамы – настолько яркой, что режет глаза даже в темноте улицы. Я улыбаюсь, восстанавливая дыхание после долгой поездки, а потом прохожу в просторное, обустроенное под наше убежище помещение.

Ребята оказываются в полном составе. Сидят, как и всегда, на сдвинутых к центру старых диванчиках и пуфиках, а низкий столик из старых поддонов заполнен коробками с пищей и пакетами фастфуда. Джексон – самый старший из нас, занимает одинокое кресло, косящееся на одну ножку. Его смуглое загорелое лицо выглядит слегка усталым и сонным. С течением времени мексиканский колорит его внешности заточился, стал изящнее и естественнее. Парень все так же не изменяет своей излюбленной чёрной безрукавке, которая позволяет разглядеть его подкаченные руки.

Неизменный Лиам, душа нашей компании и её главная проблема, разваливается на диване и пытается поймать ртом подбрасываемые вверх сырные шарики. Судя по пустым банкам пива, сложенным с его стороны столика, сегодня он опять уснёт прямо здесь.

Ноа – мозг всех наших «операций», генеральный штаб логики и кафедры совести, удерживающий нас от самых глупых затей. Сегодня он выглядит чуть мрачнее, чем обычно, и пялится взглядом в телефон, не переняв общего веселья.

Даже Питер сегодня здесь. Он сидит спиной ко мне и пытается подобрать кусочек пищи так, чтобы сыр не растёкся соплями по всему пути от коробки до его рта.

И наконец, Лео, самый младший из нас. Его присутствию я несколько удивлена – ему ещё четырнадцать, поэтому такие ночные тусовки могут вызвать вопросы у его семьи. Впрочем, раз здесь Джексон, думаю, всё под контролем. Ему ведь недавно уже стукнуло двадцать три... а я всё пропустила.

Окидывая взглядом компанию своих ближайших друзей, я счастливо улыбаюсь. Остаюсь в тени, не спеша выходить в центр помещения, и держу небольшую паузу перед тем, как показаться ребятам. Сердце сбивается с ритма и сжимается от распирающей меня нежности.

Как же сильно я скучала.

Нашу шестерку объединяет любовь к машинам, желание научиться мастерски в них разбираться, общие взгляды и комфорт, как-то сам собой возникший в нашем кругу. Эти ребята – мой оплот спокойствия, безопасности, надёжности и энергии.

Даже после того, что произошло.

Как же я рада, что не испытываю приступа страха, видя их. Как же счастлива, что всё ещё ощущаю себя частью нашей компании.

Первым меня замечает Джексон. Юноша прерывает свой оживлённый рассказ на полуслове и замирает, уставившись на меня. Он вдруг поднимается с кресла, отчего то покачивается, не решаясь, на какую сторону закоситься снова. Во взгляде Джексона я читаю удивление, смешанное с лёгкой тревогой, но обе эти эмоции перекрываются облегчением. Его улыбка кажется мне достойным призом за мой рискованный побег.

Остальные ребята в недоумении оглядываются назад и тоже замечают меня. Лео издаёт восторженный визг, и в попытках перелезть через откреплённое сиденье из машины едва ли не наворачивается вместе с ним. Ноа отнимает взгляд от телефона и в удивлении вскидывает брови. Он смотрит на меня с долей недоверия – то ли сомневаясь, что я вправду здесь, то ли беспокоясь, *почему* я здесь спустя столько времени отсутствия.

Возможно, они думали, что я решила покинуть нашу «банду», ничего никому не сказав. Чёрт, это было бы самым худшим раскладом.

Наконец, своё внимание обращают на меня Питер и Лиам. И если мой старый друг лишь улыбается, не слишком удивлённый моим появлению, то Лиам, издав несколько ругательств, поднимается с дивана и застывает.

— Да ладно, — именно он первым нарушает молчание. — Плюнь мне в глаз, если я один это вижу!

Парни наперебой приветствуют меня и задают целую череду вопросов, а я стою посреди помещения и улыбаюсь, пока по моему лицу вниз устремляются слёзы.

— Эй-эй-эй, отставить нюни! — угрожающе требует Лиам и протягивает мне заранее открытую бутылку пива. Его мягкие тёмные волосы как всегда чуть растрёпаны. — На вот, расслабься. И, будь любезна, расскажи, какого хрена?

Я глупо рассматриваю островатые черты лица Лиамы, будто бы в попытках отыскать изменения. Его подбородок покрыт лёгкой щетиной, но в целом это всё тот же Лиам, каким я его знаю. Конечно, прошло недостаточно времени, чтобы я не узнавала своих ребят, но определённо в их лицах появилось что-то новое.

Они будто бы... чуточку возмужали. От этой мысли по спине пробегает лёгкий холодок, но я с таким рвением прекращаю поток мыслей, что наверняка со стороны выгляжу забавно.

— Чего пялишься? — бурчит Лиам, всё ещё пытаюсь всучить мне бутылку. — Загрузка оперативной памяти?

Опомнившись, я забираю пиво из его руки и, запрокинув голову, делаю один большой глоток. Хмельной вкус обжигает горло – ненавижу эту марку, но сейчас слишком сильно хочу пить.

— У-у-у, — присвистывает Ноа. — Похоже, нас ждёт долгий и увлекательный рассказ.

Я медленно отнимаю губы от бутылки и обвожу всех ребят беглым взглядом. Вдохнув, я тихо, без особой надежды произношу:

— Было бы классно... если бы мы обошлись без этого.

— Ты издеваешься?! — тут же вспыхивает Лиам. Ему вторят разочарованные мычания Лео и Питера, пока парень буквально прожигает меня взглядом. — Думаешь, можно вот так без объяснений взять, исчезнуть отовсюду на полтора с хреном месяца, а потом появиться снова, будто ничего не бывало? Где тебя черти носили, Мэйджерсон?!

— Лиам. — От одного только тона Джексона парень замолкает. — Остынь.

Полагаю, именно Джексон занимал позицию лидера в моё отсутствие. Что ж, может, и не стоит менять новый порядок. В прошлом мне не удавалось так просто повлиять на вспыльчивого и неконтролируемого Лиам. Наш черноволосый пожар – пожалуй, самое сердце нашей компании. Главная задница, набирающая на себя всевозможные приключения и втягивающая остальных в целые цепочки неприятностей. Я не представляю нашу мастерскую без него.

Как и без кого-то другого. Кроме, пожалуй, себя.

— Садись, Шелл, — Джексон кивает на теперь пустующий диван. — Пицца ещё осталась.

Лиам демонстративно фыркает, пока остальные провожают меня внимательными взглядами. Я занимаю местечко с краю, дотягиваюсь до пепперони и с наслаждением откусываю кусочек. Несмотря на то, что пицца давно остыла, её насыщенный острый вкус никуда не девается.

— Так ты... возвращаешься? — неуверенно предполагает Питер.

Занятая едой, я только киваю. Пожалуй, это единственный вопрос, в ответе на который я ничуть не сомневаюсь.

Среди ребят поднимается одобрительный ропот. Лиам плюхается на диван по другую сторону от меня и открывает новую бутылку пива.

— А вот за это уже можно приударить, — объявляет он. — Гоним стаканы. Ноа, твою мать, ты из чего пить будешь?

— Я свой выбросил, — невозмутимо отвечает Ноа. — Не хочу больше.

Лиам смотрит на него в упор и вдруг заявляет:

— Тогда из горла давиться будешь.

Как же я люблю их.

— Эй, между прочим, наш лидер снова в строю, прояви хоть каплю уважения, — Лео толкает упрямого Ноа в бок, и в итоге наш умник сдаётся и кивает. Его белокурые волосы спадают ему на лицо.

Когда после первого тоста за моё возвращение за столом воцаряются привычные беседы, я никак не могу перестать улыбаться. Я с интересом слушаю рассказы ребят про то, что я успела пропустить, и от гордости за свою команду у меня распирает грудь. Зря времени они не теряли и совершили три успешных вылазки, пополнив наши запасы паршивых, но всё ещё живучих комплектующих для тачек. Ноа и Джексон, наши главные механики, успешно совершенствуются в своём деле. Лиам не изменяет себе в лучшей покраске, разработке виниловых дизайнов на корпусах и прогрессе в умениях общего внешнего тюнинга. Питер всё также совершенствуется в разведке, выискивая рыбные местечки для наших вылазок, и продолжает обустройство нашей мастерской как под рабочее, так и под жилое помещение. Малыш Лео с улыбкой хвастается помощью и тем, и другим.

Наконец Джексон поворачивает ко мне голову и задаёт вопрос, от которого у меня болезненно сжимается сердце:

— Кстати, где твоя машина? Я не слышал её.

— Осталась у маминого дома, — едва слышно отзываюсь я.

Возможно, тон моего голоса и общий подавленный вид подсказали ребятам, что с этой темой что-то не так. Догадливый Джексон метает на Лиам предостерегающий взгляд, а Питер тем временем осторожно поясняет:

— Я так понял, Шелл переехала к отцу.

В компании воцаряется тишина. Я ощущаю на себе пристальный взгляд Лиам, заинтересованный — Лео, и встревоженный — Джексона. Впрочем, никто из них не лезет с расспросами, и за это я жутко благодарна парням.

— Мы можем подогнать, если кинешь точный адрес, — предлагает Джексон, отчего я тепло улыбаюсь.

— Спасибо, правда, — искренне благодарю я и тихо вздыхаю. — Но я хочу сама.

Это испытание я должна пройти одна.

Глава 5: Прошлое и настоящее

Ближе к рассвету я направляюсь в сторону маминого дома. Благодаря медленно светлеющему небосводу, поездка на велосипеде кажется уже не столь напряжённой. Единственное, что заставляет меня волноваться – мысли о том, что я не успею вернуться домой вовремя. Вряд ли меня станут искать в комнате, да и второй этаж обычно вовсе пустует, если не считать живую статую у моей двери в виде Айдена. Я бросаю быстрый взгляд на экран телефона и пытаюсь рассмотреть время. 4:47. Значит, телохранитель скоро заступит на пост, если, конечно, в тот раз он не шутил, говоря про начало своего рабочего дня. В любом случае, столкновения с ним я намерена избежать если не в лёгкую, то точно без особых трудностей. Пугает только перспектива встретиться с машиной отца где-нибудь по пути домой...

Эти размышления заставляют меня поторопиться. К дому, в который я искренне надеялась больше никогда не возвращаться, я приезжаю, когда небо на горизонте окрашивается в первые оттенки апельсинового рассвета.

Передо мной возвышается простой, ничем не выделяющийся на фоне других многоквартирный дом. Я поглядываю на окна восьмого этажа, и темнота в них одновременно несколько успокаивает, но и давит комом в горле. Какая-то часть меня ожидает, что сейчас на кухне загорится свет, и мама одёрнет старенькие шторы, чтобы лучше разогнать мрак. Она обязательно выйдет на балкон и закурит сигарету, даже не позавтракав. На ней будет старенький малиновый халат, наспех подвязанный поясом.

Но окна продолжают безжизненно темнеть, возвращая меня в реальность. Мамы здесь нет и быть не может.

Это тяжелее, чем я думала.

Я упрямо отталкиваю волну воспоминаний, грозящуюся закрутить меня в целый водоворот переживаний. Быстро опускаю взгляд от окон и улыбаюсь, поглядывая на свою машину. Чёрная KIA Cerato GT стоит в углу парковочной полосы, к счастью, не закрытая другими машинами. Я нажимаю на брелок ключей, и мой зверь приветливо моргает фарами. Слышен тихий щелчок снятой блокировки дверей. Несмотря на 2019 год выпуска, эта крошка требует поразительно частые визиты в автосервис. Не удивительно, с учётом того, какой путь она проделала, чтобы оказаться на рынке подержанных и конфискованных машин в Сиэтле. А если прикинуть, насколько дёшево она мне обошлась, стоит радоваться, что у неё вообще есть колёса. В этом плане меня выручают только мои ребята. Но к чести моего зверя, в последнее время он совсем не капризничал.

Ровно до сегодняшнего дня.

Когда я складываю велосипед в багажник и сажусь за руль, в моей голове не возникает даже подозрения, что машина не заведётся. Но именно это она и делает.

Тихое холостое ворчание раздаётся где-то под капотом на мои отчаянные попытки вернуть ключ зажигания снова и снова. Поначалу я стараюсь игнорировать такие капризы, но когда двигатель не заводится и с десятой попытки, я в отчаянии выдыхаю и опускаю голову на руль. Закрываю глаза, ощутив неожиданную пустоту в мыслях. Возможно, я слишком устала, чтобы сетовать на неудачу.

Вздохнув, я достаю телефон и набираю сообщение Джексону.

«Ты ещё не уехал домой? Просто у меня тут небольшая проблема...»

На моё удивление, Джексон тут же появляется в сети. В ответ на его вопросительный знак я виновато закусываю губу, но всё же печатаю:

«Машина не заводится. Нужен кто-то с тросом»

«Уже выезжаю», — кратко отвечает парень, отчего я не могу сдержать благодарную улыбку. Я быстро скидываю Джексону свою геометку и со вздохом откидываюсь на сиденье.

На своём внедорожнике он добирается до места назначения всего за полчаса. Я взволнованно поглядываю на время, и чем больше становится цифра, тем сильнее во мне укореняются подозрения, что мой ночной побег может всплыть на поверхность.

Лишь бы никто не заходил ко мне в комнату.

— Что там у тебя произошло? — Джексон приветливо улыбается и приближается к моей машине.

Я открываю дверь и выхожу, слегка разминая затёкшие ноги.

— Не знаю, в движке ли дело, или форсунки полетели, — со вздохом делюсь я. — Если они, то ремонтировать дорого...

— Открой-ка капот, я посмотрю.

Джексон снимает безрукавку и небрежно закидывает её в свою машину. Мои мысли хаотично метаются в попытках придумать достоверное оправдание, почему нам нужно спешить.

— Мне... у меня мало времени, — тихо признаюсь я. — Чем быстрее я доберусь домой, тем больше шансов того, что я смогу вернуться в мастерскую ещё раз.

Парень внимательно смотрит мне в глаза. Он не спешит заваливать меня вопросами и требованиями объясниться – это никогда не было в его вкусе. Вот и сейчас я готова разорваться от переполняющей меня признательности, ведь Джексон просто понимающе кивает, похлопывает меня по плечу и направляется обратно к своему внедорожнику. Он переставляет машину задницей к моей, а потом возвращается с крепким тросом и сам закрепляет его под передним бампером чёрной Cerato. Когда точно такую же махинацию Джексон проводит со своим внедорожником сзади, он возвращается к моей машине и наклоняется к бамперу.

— Готова? — Парень поднимает на меня взгляд, проверив крепление.

Я киваю и сажусь за руль. Со слабой надеждой проворачиваю ключ зажигания, но зверь всё также упрямится. Когда внедорожник Джексона начинает движение, трос натягивается, приводя мою машину в почти бесшумное движение.

Так начинается наша неторопливая и тихая поездка. Небо, скрытое у горизонта городскими высотками, светлеет всё сильнее, наполняясь оранжевыми, жёлтыми и розоватыми оттенками. На западе небосклон ещё сохраняет темноту, но пройдёт совсем немного времени, прежде чем и он уступит рассвету.

В такие моменты я могу признаться себе в любви к Сиэтлу. Даже несмотря на то, что моё прошлое не вызывает никаких положительных ассоциаций с этим городом. Наверное, мне повезло, что отец живёт в глуши в собственном доме – переезд стал неплохим переключением и помог мне вдохнуть полной грудью. Могу признать, что не все перемены последних нескольких месяцев привели меня к худшему.

Внезапный телефонный звонок заставляет меня вздрогнуть. Я отвлекаюсь от дороги и с замиранием сердца хватаюсь за устройство. Укол страха успевает пронзить всё тело, пока я с ужасом гадаю, не отец ли хватился меня.

Но это всего лишь Джексон. Похоже, ему скучно ехать в тишине. Я облегчённо выдыхаю и принимаю входящий вызов.

— Давай поболтаем, иначе я точно усну, — слышится голос парня, пока я ставлю его на громкую связь и креплю телефон у руля.

— Давай.

Воцаряется неловкое молчание. Я тщетно пытаюсь придумать, о чём заговорить с Джексон, но он опережает меня и касается темы, которую я собиралась старательно избегать:

— Мы все очень переживали за тебя. — В голосе парня появляется улыбка. — Даже Лиам, хотя в этом он, конечно же, никогда не признается.

Я нервно сглатываю и с искренним раскаянием отвечаю:

— Прости. Мне не хотелось вот так пропадать, но... короче, обстоятельства от меня почти не зависели.

В разговоре снова повисает молчание. Я закусываю губу, всё ещё ища темы, на которые можно мягко и незаметно увести разговор, но, как на зло, в голове сплошное перекаати-поле.

— Не хочешь рассказать, что всё-таки случилось? — предпринимает Джексон осторожную попытку.

Вот чёрт. Я совсем не готова к таким вопросам. С одной стороны, я не хочу вскрывать тот ящик Пандоры, который заперт под семью замками где-то глубоко в моей душе, но, с другой стороны, Джексон — тот самый человек, которому можно без страха открыться... и всё же я сталкиваюсь с пониманием, что на данный момент для меня это прыжок выше головы.

— Сложилось так, что теперь я живу с папой, — решаю я поделиться хоть какой-то информацией. — Не знаю, как ко всему этому относиться. Но... это совсем непохоже на мою прошлую жизнь. Так что, наверное, всё это к лучшему.

— Я не стану лезть тебе в душу и расспрашивать, что произошло, — внезапно успокаивает меня Джексон, заметив, что свой рассказ я начала с конца. — Я понимаю и буду ждать, когда ты сама захочешь поговорить. Если что, выбирай любой момент. Если он вообще нужен.

Насколько же он прекрасный человек. Я даже немного жалею, что не решилась на откровения. Лучшего момента и слушателя трудно представить. То ли из-за возраста, то ли из-за совокупности его черт характера, Джексон кажется разумнее и дальновиднее всех нас вместе взятых. От чувства благодарности мне снова давит грудную клетку. Я улыбаюсь, совсем не зная, что ответить. На ум приходит только банальное «спасибо».

— Да не за что, — мягко посмеивается Джексон.

Ох, неужели я сказала это вслух? Я неловко метаюсь взглядом по пустой дороге и шурюсь от первых лучей солнца.

— Но я попрошу кое-что, — тихо предупреждает парень. — И очень надеюсь, что мою просьбу ты исполнишь. Я, наверное, даже в долгу буду.

— М? Я слушаю.

Джексон молчит, прежде чем вздохнуть:

— Не исчезай так больше, Шелл.

Мне требуется несколько мгновений, чтобы скрыть улыбку в голосе.

— Я постараюсь.

Ближе к шести часам утра мы пригоняем мою машину к мастерской. Я вверяю капризную леди в надёжные руки Джексона и Лиамы — последний остался в здании даже после разъезда остальных по домам. Похоже, у нашей задницы снова проблемы с отцом, а значит, ночевать в мастерской он будет ещё несколько дней. Недовольный тем, что его разбудили, Лиам огрызается парой ласковых и почти сразу же засыпает снова. Джексон предусмотрительно находит старенькое колючее одеяло и бросает его поверх парня, на что тот сопит что-то невнятное, но, кажется, не слишком злое.

На моё счастье, у Джексона с утра какие-то дела за чертой города, и путь по шоссе у нас общий, поэтому я не отказываюсь от предложения подвезти меня до развилки. Оттуда до дома отца останется лишь сорок минут по пустой, свежесфальтированной дороге. Честно говоря, я ужасно устала, а полный путь до дома вряд ли бы осилила. Пока чёрный внедорожник Джексона несётся по шоссе, я успеваю провалиться в тревожную дрему. Когда парень плавно тормозит на обочине около съезда с шоссе и выходит из машины, дабы самому достать из багажника мой велосипед, я неохотно протираю глаза. Как же сильно хочется спать... Стоит признаться, раньше я куда легче переносила бессонные ночи.

— Спасибо, что подвёз, — произношу я, выходя из машины. Шум шоссе заставляет меня слегка поморщиться.

— Да брось, нам же по пути, — Джексон отмахивается, закрепляя механизм складной рамы велосипеда. — Я бы и до дома докинул, но нет так нет.

— Да тут недалеко, — уклончиво роняю я.

Джексон фыркает и демонстративно оглядывается вокруг. Кроме узкой однополосной дороги, уходящей в глубину леса, вокруг нет никаких следов жилых территорий.

— Допустим, я верю, — Джексон поворачивает голову ко мне и внимательно рассматривает, будто бы разгадывая сложную задачку.

Я осторожно забираю велосипед и старательно смотрю на руль, делая вид, что проверяю скорости.

— Я бы хотел, чтобы ты больше доверяла мне, — вдруг тихо вздыхает парень. Слегка запнувшись, он добавляет: — Всем нам. С самого своего возвращения ты как будто ожидаешь, что на тебя нападут и разорвут, если ты не ответишь на вопросы.

— Ну, Лиам выглядел вполне правдоподобно для такого, — пытаюсь я отшутиться и нервно посмеиваюсь.

Но Джексон внимательно смотрит на меня, и от его взгляда я вдруг испытываю чувство вины. Нетрудно догадаться, что парень прекрасно помнит прошлую версию меня. Не было ничего, что я могла бы утаить от нашей шестёрки.

— Ты изменилась, — тихо произносит Джексон. — Раньше ты напоминала мне дикую лошадь. Своенравную, безрассудную, с кучей необузданной энергии. А сейчас ты словно выброшенный на улицу котёнок, дезориентированный и сжатый в комочек в ожидании пинка.

Почему-то от его слов ком встаёт у меня в горле. Я прикрываю глаза и заставляю себя сосредоточиться на шуме шоссе, считая, сколько машин успевает проехать мимо нас.

— Ладно, — вдруг говорит Джексон. Он подходит ближе и ободряюще приобнимает меня. — Я очень рад, что ты в строю. Будем на связи?

— Да, — я улыбаюсь, пускай и слабо.

— Если что, наша беседа ещё активна. Тебе будет что почитать на досуге.

Джексон снова хлопывает меня по плечу и направляется к машине.

— Спасибо, — говорю я погромче ему вслед.

Парень отмахивается от благодарности и садится за руль. Я наблюдаю за тем, как его Ford F-150 трогается с места и упрямо вливается в стремительный поток машин. Вздохнув, я сажусь на велосипед и устремляюсь вперёд по пустой дороге. Новый асфальт приятно гудит под колёсами, отчего я снова и снова борюсь с ужасной сонливостью.

На моё удивление, по пути я не встречаюсь с машиной отца. Либо он уехал ещё раньше, либо же ещё дома. Напряжение не покидает меня вплоть до момента, когда впереди показываются далёкие главные ворота. Я сворачиваю в лес, спускаюсь с велосипеда и прохожу остаток пути к заднему двору пешком по сильной дуге.

Серьёзным испытанием становится процесс перекидывания моего скромного транспорта через каменный забор. Предварительно я карабкаюсь сама, найдя удачно подвернувшийся валун. Внимательно оглядываю территорию особняка, убеждаюсь в отсутствии нежеланных зрителей и спрыгиваю обратно. А после... начинаю натурально горбатиться. Тащу ещё несколько камней, чтобы на неустойчивой платформе из них подняться настолько, чтобы можно было перебросить велосипед. Зажурившись от довольно заметного шума, с которым транспорт переваливается через забор, я напряжённо прислушиваюсь, но по ту сторону не раздаётся больше ни звука. Порадовавшись щедрой удаче, я с трудом подтягиваю своё тело наверх.

Клянусь, я была готова к тому, что Айден стоит там и в молчании наблюдает за моими потугами. Я почти в точности представила его пристальный взгляд и скрещенные на груди руки.

Но рядом с забором не оказывается никого. Я моргаю, не совсем понимая, с чего вообще мне в голову пришли подобные мысли. Не слишком грациозно спрыгиваю на мягкую стрижен-

ную траву и с мучительным вздохом поднимаю велосипед. От усталости он кажется мне слишком тяжёлым. Огромное облегчение я испытываю, когда оставляю его на месте, откуда взяла.

Когда я без проблем забираюсь обратно в свою комнату через окно, меня охватывает победное ликование. Если бы не характерный запах, исходящий от меня после всех этих велосипедных марафонов, я бы тут же завалилась спать. Но сначала душ. А вот где взять ванные принадлежности в виде шампуней и бальзамов... тот ещё вопрос, ибо те мелкие тюбики, привезённые мной из больницы, кончились ещё позавчера. По-хорошему, придётся спускаться и искать комнату с хозяйственными запасами.

Воодушевлённая скорым отдыхом, я распахиваю дверь, поворачиваю в сторону лестницы и... с размаху врезаюсь в Айдена. Ойкнув, я бурчу извинения и отступаю назад. Телохранитель придерживает меня под локоть и тут же отпускает. Я мельком поглядываю на него и замечаю его взгляд, моментально приковавшийся к моим рукам.

На которых виднеются следы лесной грязи.

Меня прошибает ледяной пот. Я даже не заметила, как замаралась, пока таскала камни. Мозг соображает так судорожно, что я бы не удивилась, если бы у меня из ушей пошёл пар.

— Неудачные эксперименты с косметикой, — выпаливаю я первый попавшийся бред и лучезарно улыбаюсь. — Как раз иду в душ. Но мне нужны шампуни и гель. Всё кончилось. Подскажешь, где взять?

Айден поднимает взгляд на моё лицо. Боже, он наверняка легко читает на нём следы усталости и наигранной бодрости. Напряжение между нами сковывает каждую клеточку моего тела. В груди застывает даже дыхание.

— Ты сегодня рано.

Это всё, что он говорит.

— Да, — выдыхаю я наконец. — Мне... нужно в университет. Чем раньше, тем лучше.

Почти правда. Я сделала часть семестровых заданий и уже могу что-то сдать, пускай и слишком заранее. Вот только ездить ради этого каждый раз вовсе не нужно, однако ничего лучше такого прикрытия мне в голову не пришло. Что ж, покатаемся лишний раз, ничего страшного.

Айден смотрит мне в глаза, не мигая. В какой-то момент я почти убеждена, что он раскусит меня и потребует объяснений. Однако несколькими мучительно долгими мгновениями позже он просто кивает.

— Хорошо. Попрошу заправить машину.

Глава 6: Долг

Я едва ли не засыпаю в душе. Стоя под горячими струями в попытках сконцентрироваться на нанесении шампуня, я ловлю себя на том, что могу уткнуться лицом в стену, и её гладкая поверхность вполне сойдёт усталому мозгу за подушку.

Сегодня, мне удаётся позавтракать вместе с отцом. Кажется, нам суждено видаться только здесь, в обеденном зале. В любом другом месте папу почти не выловить.

Отец приятно удивлён моим появлением и тут же подзывает лакея, дабы тот уведомил повара об ещё одной порции завтрака. Я до сих пор не понимаю, как мне относиться к прислуге дома – появление этих людей каждый раз сбивает меня с толку. Кажется, будто бы мы в каком-то ресторане, а не на собственной территории. Хотя, может, дело как раз в том, что я до сих пор не могу как-то ассоциировать это место с собой.

Я украдкой наблюдаю за папой. Его общество остаётся мне непривычно, и лёгкое напряжение противными путами сковывает мои плечи. Я совершенно не знаю, о чём говорить. Судя по тому, как отец листает новостную ленту в планшете, он тоже не особо привык разделять приёмы пищи с кем-то кроме прислуги.

— Чего решила так рано встать? — невзначай интересуется он, принявшись нарезать охотничьи колбаски на белоснежной тарелке.

— Нужно в университет, — повторяю я удобную легенду и для пущей убедительности корчу слегка недовольную рожицу. Симулировать не приходится разве что сонливость.

Папа важно кивает, будто бы одобряя моё рвение к знаниям, особенно в свете моего формата обучения. Когда лакей приносит вторую порцию завтрака, папа, не обращая на него внимания, снова устремляет на меня внимательный взгляд.

— Думаю, в Сиэтле у тебя много друзей. Но я ни разу не слышал, чтобы ты ездила гулять или на тусовки. Ты говори, если что, не стесняйся. Я всегда оставляю одного водителя дома. И, насколько я знаю, у Айдена тоже есть машина.

Во рту пересыхает. Я торопливо отпиваю горячий чай и стараюсь сосредоточиться на составлении ответа. Слова складываются в мысленные наброски моей речи, но все они кажутся недостаточно хороши для озвучивания.

— Мне пока не хочется шумных компаний, — осторожно отвечаю я. — Хватает и учёбы.

— Ты очень ответственно к ней относишься.

Я не могу различить, чего в голосе отца больше: одобрения или удивления. Подняв на него свой взгляд, я замечаю, как папа в задумчивости ковыряет вилкой салатный лист.

— В твои годы я был заядлым тусовщиком, — говорит он вдруг.

Я в удивлении вскидываю брови, а потом невольно улыбаюсь. Трудно представить папу шумным взбалмошным юношей. Но он наверняка был душой любой компании среди таких же дышащих жизнью подростков.

— Неужели тебе не хочется всего этого? Выпивка, гулянки до утра, безумные поездки на чьих-то битком набитых тачках, спонтанность и веселье?

Я прикусываю губу. Когда-то всеми этими словами можно было описать любые мои выходные. Но сейчас...

— Нет.

Папа пожимает плечами, и на этом наш немного неловкий разговор обрывается. Я доедаю завтрак в молчании, а потом, когда отец начинает собираться, тихо говорю:

— Хорошего дня тебе, пап.

Подняв на меня слегка удивлённый и мягкий взгляд, он отвечает тем же пожеланием. Почему-то он ещё долго улыбается.

По дороге в университет я просто вырубаясь. Как бы я ни старалась запугивать себя присутствием Айдена, который в любой момент может что-то заподозрить, организм всё равно предаёт меня. Глаза просто закрываются. Пообещав себе отдохнуть всего пару минут, я облокачиваюсь затылком на подголовник сиденья. Мысленно повторяю себе, что ещё немного – и я открою глаза, взбодрюсь, но звуки окружения то и дело пропадают, заглушаются, а в какой-то момент исчезают вовсе.

— Шелл.

Ровный, лишённый эмоций голос телохранителя врывается в мой сон. Совсем глупо всхрапнув, я распахиваю глаза. Тут же сажусь ровно и в лёгкой панике всматриваюсь в окно, за которым вижу один из корпусов университета. Кидаю быстрый взгляд на Айдена, но тот делает вид, что ничего только что не слышал. К моему лицу приливает краска, отчего я спешно выхожу из машины.

К счастью, этот ужасно постыдный момент приводит меня в чувство. Былую сонливость будто бы смывает ледяным душем, и в здание университета я почти влетаю. Ловко лавирую между компаниями студентов и поднимаюсь на третий этаж. Нужный мне кабинет таится где-то в самом конце крыла.

Я не оборачиваюсь, чтобы убедиться, что телохранитель поспевает за мной. Тешу себя надеждой, что он решил подождать меня в холле, но удивлённые взгляды немногочисленных студентов, изредка стреляющие куда-то за мою спину, подсказывают ровно обратное.

Чёрт, он же сегодня в этом своём идиотском строгом костюме. Настоящий секьюрити, будь он проклят. В следующий раз стоит заставить его одеться во что-то попроще – может, сойдёт за студента.

В пустующую аудиторию миссис Нитсен я влетаю, задев носком кроссовка высокий порог. Совсем не грациозно взмахиваю руками в воздухе и шумно переступаю, сбившись с шага. При этом, к счастью, умудряюсь не растянуться на полу вовсе. Резко выпрямляюсь, и, пока Айден не успел навести на меня ещё больший позор своей учтивой помощью, почти бегом устремляюсь к столу преподавательницы.

Миссис Нитсен удивлённым взглядом провожает папку, которую я с шумом опускаю ей на стол. С широкой улыбкой я выдаю:

— Добрейший денёчек. Вот задания за семестр.

— Уже? — Миссис Нитсен поправляет очки в толстой оправе и неторопливо раскрывает папку. — Похвально, похвально... Но к чему такая спешка, миледи?

От её излюбленного обращения мне хочется передёрнуться. Я удерживаю на губах максимально доброжелательную улыбку и отвечаю:

— Делать было нечего, вот и решила заняться Вашим предметом.

И я почти не вру. Правда дело было не в искренней тяге к физике, а всего лишь в простоте нахождения ответов в Интернете. Миссис Нитсен будто бы искренне верит, что её верный друг Google, с первых же ссылок которого она берёт все задания, не работает точно так же со стороны студентов.

— Хорошо, я проверю все задания к концу недели и пришлю результаты по электронной почте, миледи, — медленная речь пожилой преподавательницы заставляет меня вслушиваться, чтобы уловить смысл.

— Хорошо! — бодро отзываюсь я и отступаю от стола. — Тогда до встречи, миссис.

— Погоди, погоди, голубушка, — скрипит преподавательница, едва ли я разворачиваюсь, чтобы уйти. — Раз ты у нас такая прыткая... есть у меня ещё одна папочка, для углублённого курса.

Я сдерживаю мучительный вой и разворачиваюсь обратно к преподавательнице с самой жизнерадостной улыбкой, на которую только способна. Наверняка она напоминает оскал.

Как только я покидаю аудиторию с толстой папкой в руках, с губ срывается тяжёлый вздох. Айден в молчании стоит возле двери, и его мрачный силуэт действует мне на нервы.

Если бы я не столкнулась с ним в коридоре дома, не пришлось бы прикрываться поездкой в универ. Я всучиваю ему папку с новыми заданиями, которую он едва успевает схватить. Пусть хоть чем-то полезен будет.

— Всё из-за тебя, — бурчу я.

— М? — телохранитель изгибает бровь в вопросительном выражении, но даже это его действие контролируется и сдержанно, вежливо.

Несколько долгих мгновений я смотрю в его тёмные непроницаемые глаза.

— Знаешь, я бы многое отдала, лишь бы тебя не было, — тихо произношу я и направляюсь вперёд по коридору.

В душе селится надежда, что Айден этих слов не слышал. Всё же нельзя забывать, что в ночной вылазке и её итоге виновата только я. Мне ещё повезло, ведь дело обошлось малой кровью. Лишний том нудных заданий, которые даже списывать невыносимо мучительно – не самая высокая цена за мою ночную затею.

В холле этажа я сверяюсь с расписанием текущих лекций и временем. Не слишком уверенная в своей правоте, я нахожу аудиторию литературоведения и вздрагиваю, когда звенит звонок. Потоки студентов устремляются прочь из ближайших аудиторий, заполняя собой коридоры. К счастью, я оказываюсь права: из кабинета литературоведения выходит Питер. Расплывшись в искренней улыбке, я вылавливаю друга из потока студентов и тащу его в сторонку, где нас не собьют с ног. Айден тенью следует за нами, пристально наблюдая за людьми, что оказываются близко ко мне. Его ледяной внимательный взгляд будто бы сканирует одного человека за другим, и я задумываюсь: неужели он делает это постоянно?

Наверное, всё это было бы даже мило, если бы не было так жутко.

Встряхнув головой, я останавливаю Питера около шкафчиков и крепко обнимаю его.

— Шелл! А ты зачастила, — нервно посмеивается он и похлопывает меня по спине. — Твой верный охранник тоже тут? Ну и рожа у него протокольная, хе-хе...

Да Питер знатно волнуется.

Почуввав неладное, я отступаю назад и сразу же понимаю, в чём дело. Под правым глазом юноши красуется свежий синяк, не слишком аккуратно замаскированный каким-то дешёвым тональным кремом. Становится понятно, почему парень не слишком искренне обрадовался нашей встрече.

— Что за фигня? — в лоб спрашиваю я и, помедлив, добавляю так тихо, чтобы слышал только Пит: — Ещё ночью всё нормально было. Где успел?

Питер мнётся, взгляд его бежит по коридору.

— Да ерунда... правда.

— Пит, — я раздражённо вздыхаю. — Давай честно и по порядку. Кто это сделал?

На лице Питера отражается ещё большая паника. Моя проницательность наверняка ставит его в тупик, ведь врёт Пит ещё хуже, чем пытается что-то скрыть.

— Да всё уже нормально, — заверяет меня друг. — Ты что, собираешься каждый раз, как приезжаешь сюда, в моих проблемах копать?

— Мы одна команда, — вполне серьёзно отвечаю я. — Твои проблемы – наши проблемы. Давай говори, что случилось.

Питер устремляет на меня умоляющий взгляд.

— Пожалуйста, давай забудем об этом. — Юноша виновато улыбается. — Это лучшее, чем ты можешь мне помочь.

Как же сильно это напоминает мне меня саму. В праве ли я злиться на друга, если точно так же скрываю события последних месяцев даже от самых близких? С тяжёлым вздохом я отступаю, бросив попытки допытаться до правды, и даже не догадываюсь, какую критическую ошибку совершаю.

Получасом позже, проведя с Питером весь перерыв за бесцельными разговорами, я собираюсь возвращаться домой. Несмотря на довольно специфичный облик Айдена, он будто бы решает смиловаться надо мной и сегодня не доставляет никаких проблем или неудобств. Держится на почтительном расстоянии, ни разу не пытается влезть в разговор или поторопить меня. Ну просто лапушка, если бы не этот его леденящий душу взгляд, с которым он продолжает коршуном наблюдать за людьми вокруг меня.

Как бы то ни было, с Питером я прощаюсь на доброй и даже весёлой ноте. Убедившись, что друг успешно добирается до следующей лекции, я киваю Айдену и направляюсь к лестнице главного корпуса.

Однако на парковке мне на глаза попадает знакомая спортивная тачка. Её владелец, облачённый в свою любимую кожанку, стоит в компании своей верной свиты, в которой прибавилось обожателей – три красавицы с третьего курса так и липнут к богатому выродку.

Нейтан Пирс.

Мои ладони сами собой сжимаются в кулаки, а в груди расцветает злоба. Я не удивлюсь, если раскрашенная физиономия Питера окажется его работой.

Именно это я решаю выяснить. В случае подтверждения своих догадок – выбить из гадины последнее дерьмо. Как? А вот в этом я собираюсь разобраться уже по ходу событий.

Однако есть одна проблема. И прямо сейчас она неотступно следует за мной, коршуном наблюдая за моим окружением. Чёрта с два он позволит мне выяснять с кем-то отношения, наверняка всё испортит.

Поэтому разберёмся сначала с этим.

Призвав все свои актёрские способности, я делаю вид, что меня не держат ноги. К счастью, театрально падать на асфальт не приходится – Айден тут же оказывается рядом и поддерживает меня со спины. На мгновение это уверенное прикосновение вызывает во мне неожиданный ступор.

— В чём дело? — напряжённо спрашивает Айден, рассматривая моё лицо. — Тебе плохо?

Актёрское мастерство. Не зря же я ходила в театральный кружок ещё в пять лет. Талант, его годами не пропьёшь...

— Сегодня очень душно, — бормочу я. — Сходишь за водой? Кафетерий на первом этаже. — Вспомнив, что в машине Айдена и так хранится не меньше пяти бутылок с водой, я тут же добавляю: — Только возьми холодную. Из холодильника.

Телохранитель пристально смотрит мне в глаза. Мне тут же кажется, будто бы эта глупая затея не сработает: он же видит меня насквозь. Однако я не сдаюсь. Чтобы выглядеть более убедительно, хмурюсь и упрямо бросаю:

— Ладно, схожу сама.

— Я принесу, — перебивает меня Айден. — Только пообещай никуда не уходить от машины.

— Угу, — бурчу я, стараясь скрыть ликование.

Айден доводит меня до своей машины и отпускает. Когда я уже надеюсь поскорее остаться в одиночестве и приступить к второй части плана, телохранитель вдруг расстёгивает пиджак и снимает его. Айден остаётся в белоснежной рубашке, ворот которой украшает строгий чёрный галстук. Я украдкой поглядываю на пояс мужчины, но, к счастью, кобуры с пистолетом там не нахожу. Под моим удивлённым и настороженным взглядом телохранитель расстилает пиджак на нагретом солнцем капоте и кивает, предлагая сесть.

— Иначе слишком горячо.

— А машину в таком случае открыть не хочешь? — не удерживаюсь я от язвительного комментария. — Там есть кондиционер.

— Для него нужен заведённый двигатель. Я не хочу, чтобы у тебя была возможность угнать машину и отправиться восвояси.

Я возмущённо фыркаю. О нет, дружище, сегодня у меня совсем другой план. Однако идея заманчивая, стоит взять на заметку на будущее.

— От тебя можно ожидать чего угодно. Так что жди здесь.

Он внимательно смотрит на меня, не двигаясь с места, пока я со вздохом не присаживаюсь на покрытый пиджаком капот.

— Вернусь через две минуты.

Какая пунктуальность. Я провожаю телохранителя напряжённым взглядом и нервно прикусываю губу. Чёрт, мне может банально не хватить времени на разборки с Нейтом.

Ладно. Хотя бы что-то у меня уже есть.

Проследив, чтобы Айден скрылся в здании университета, я поднимаюсь. Пиджак норовит соскользнуть с капота и оказаться на пыльном асфальте, но я вовремя подхватываю его. Не найдя ему места, я накидываю пиджак на плечи. Отголосок парфюма окутывает меня ненавязчивым шлейфом, и я против воли вдыхаю побольше воздуха.

А после быстрым и уверенным шагом направляюсь в сторону Нейтана Пирса.

— Эй, красавчик, — я с такой силой хлопаю Нейта по плечу, что тот вздрагивает и резко разворачивается ко мне.

Как же сильно хочется с размаху влепить ему смачную затрещину. Но я натягиваю улыбку-оскал и киваю ему за плечо, указывая на притихнувших девушек.

— Каждый день новый эскорт? Поразительное расточительство.

Красавицы оскорбительно изгибают губы и смеряют меня возмущёнными взглядами. Одну из них я узнаю – Кортни прожигает меня своими ярко подведёнными глазами. Мы и раньше всегда находились по разные стороны баррикад, а теперь, кажется, я нажила себе ещё одного врага. Парни из вечной свиты Нейтана усмеваются и переглядываются. Сам он искривляет рот в улыбке и хранит молчание, будто бы пропуская ход в этой игре.

— Ну хоть твои старые подсосники в неизменном составе, — подмечаю я, приковав к себе ещё три пары злобных взглядов.

От резкого смеха Нейта я непроизвольно дёргаюсь.

— Браво, мышка, — протягивает он и широко улыбается. — С каждым разом язычок всё острее и острее. Я восхищён, мне даже нечем ответить.

От того, с какой силой я сжимаю челюсть, скрипят зубы. Нейтан чуть поворачивает голову к девушкам и мягко произносит:

— Увидимся после пар, девочки. Спасибо за компанию.

Разморённые его улыбкой и бархатистым голосом, девушки без вопросов кивают и прощаются с остальными парнями. Кортни демонстративно чмокает Нейта в щёку, отчего даже он сам удивлённо вскидывает брови.

Я закатываю глаза, ожидая, когда эта ревнивица успокоится. Наконец Кортни вместе с двумя оставшимися девушками скрываются в направлении кампуса, и я остаюсь наедине с Нейтом и его свитой. Только сейчас я понимаю, что присутствие этих кукол делало обстановку менее напряжённой.

Нейт переводит на меня изучающий взгляд, складывает руки перед собой и будто бы ждёт объяснений.

— Лицо Питера – твоих рук дело? – резко спрашиваю я.

В глазах Нейта отражается секундное замешательство, тут же скрытое наглой улыбкой.

— Не думаю, что его идиотскую рожу может что-то испортить, — фыркает он как-то неоднозначно.

— Так да или нет? — я повышаю голос, отчего парни позади Нейтана заметно напрягаются.

Безмятежным и уверенным остаётся только он сам, что выводит меня из себя всё сильнее.

Нейт смотрит на меня с издевательским удовольствием, будто бы наслаждается спектаклем. Он опирается одной рукой о крышу своего спорткара и подаётся немного вперёд, ближе ко мне. Нейтан оказывается так близко, что я замечаю едва заметную щетину, тронувшую его подбородок.

Слишком близко. Он явно испытывает меня на прочность.

— Что, омежку зажали в углу, а ты, великий мститель, ищешь виноватых? — почти ласково спрашивает Нейтан.

— Если это твоих рук дело... — шиплю я сквозь плотно стиснутые зубы.

Во взгляде Нейта плещется ленивая, притворно добрая заинтересованность. Он подаётся ещё ближе, опираясь рукой о машину совсем рядом с моим плечом.

— ...то что? — подыгрывает он мне и широко улыбается.

Я чувствую запах сигарет, исходящий от его рта. Тошнота поднимается где-то в груди, а в моей цепочке бесконечной силы и храбрости выходит из-под контроля самый первый её элемент.

Страх.

И о нём никто никогда не должен знать.

Почему перед глазами начинает так предательски темнеть? Я глупо моргаю, запоздало ощущая глухую боль в затылке. Холодок вместе с онемением пробегает по спине, когда я понимаю, что это такое. Каждый приступ начинается одинаково.

Нет, только не сейчас. Когда угодно, но только не сейчас...

— Ты что, боишься, Мэйджерсон? — приторно ласково спрашивает Нейт.

И в этот момент у меня просто срывает планку.

Нейтан подлез слишком близко. И дело не только в том, как мало расстояния между нашими лицами. О, это меньшее из всех зол, потому что этот самодовольный выродок сковырнул мою защиту и ткнул пальцем в небо, попав в правду. В правду о том, на чём держится вся моя оборона.

Я глотаю ртом воздух, и самое опасное звено моей цепочки взрывается в груди, трансформируясь в ничем не контролируемую ярость. Я настолько молниеносно вскидываю руку для удара, что сама испуганно вскрикиваю, когда со всей силы вписываю в лицо Нейтана звонкую пощёчину. От удара его голова откидывается в сторону, и сам он, пошатнувшись, едва ли удерживает равновесие. Когда парень в растерянности поворачивает голову обратно ко мне, я смотрю на него с точно таким же шокированным выражением.

А потом я диковато улыбаюсь, когда адреналин помогает мне выдержать ещё одну волну темноты. Впервые на моей памяти я так успешно сопротивляюсь подступающему приступу. Кто-то из свиты Нейтана возмущённо бормочет пару ласковых и направляется в мою сторону.

Возможно, дело закончилось бы настоящей дракой. Отчасти я ждала и хотела именно такого развития событий. Пускай я бы не вышла из этой бойни победителем, Нейтан точно успел бы отхватить ещё несколько ударов по своей ухоженной роже.

Но вдруг на капот спорткара Нейта опускается бутылка с холодной водой. Тут же сильная рука крепко обхватывает моё плечо и заставляет рывком отойти назад. Нейт в ещё большем ступоре переводит взгляд куда-то за мою спину и брови его взлетают вверх.

Айден в молчании волочит меня прочь от компании Нейта, и я, как бы ни старалась затормозить или вырваться, просто тащусь за ним, как псина на поводке. Взвизгнув, я начинаю колотить телохранителя по руке и спине, но он даже не вздрагивает, продолжая целена-

правленное движение к своей машине. Свита Нейтана насмешливо улюлюкает нам вслед, и эту унижительную картину могут наблюдать все студенты, случайно оказавшиеся на парковке.

— Отпусти меня сейчас же! — рявкаю я, взбешённая его действиями. — Что ты себе позволяешь?!

— Я выполняю свои прямые обязанности, — спокойно, как ни в чём не бывало отвечает мне телохранитель.

Вот же сволочь.

Прежде чем я успеваю выкрикнуть ещё одну гневную тираду, боль взрывается где-то в затылке, будто бы под коркой мозга. Новая волна темноты заставляет меня споткнуться, и я даже не помню момента, когда оказываюсь перекинута через плечо Айдена, как мешок с овощами. Мои руки запутаны в его пиджаке, как и мысли, скованные липким оцепенением. Однако в себя я прихожу быстро, хотя лучше бы продолжала болтаться, не осознавая полноты позора – десятки пар глаз прикованы к происходящему. Задохнувшись от возмущения, я начинаю извиваться и биться, но телохранитель непоколебимо доносит меня до машины.

Айден легко спускает меня со своего плеча на руки, но только для того, чтобы запихать меня в салон. Выбиваясь, я успеваю заехать ему по губам, но телохранитель даже не морщится. Он умудряется ловко пристегнуть меня ремнём безопасности, и, пока я пытаюсь отстегнуть защёлку обратно, он уже закрывает дверь.

— Сволочь! — кричу я, ударив ногой по переднему сиденью ровно в тот момент, когда Айден садится за руль и блокирует все двери.

Не обращая внимания на мои не прекращающиеся попытки вырваться на свободу, он заводит двигатель и выезжает с парковочного места. Я скидываю с себя треклятый пиджак, нещадно мну ткань. Кидаю взгляд в тонированное окно машины и замечаю, как студенты провожают серую BMW удивлёнными взглядами.

Жгучий стыд захлёстывает меня до кончиков ушей. Сколько людей видели эту ужасную картину?.. Наверняка кто-то успел снять всё на телефон...

Последняя волна темноты погружает меня в спасительную темноту. Не знаю, сколько длился обморок – когда я открываю глаза, городские улицы за окнами машины уже ничем не напоминают район университета. Отчаяние возвращается ко мне вместе с сознанием и воспоминаниями о произошедшем.

— Ненавижу, — шёпотом выдыхаю я, а потом снова пинаю водительское сиденье и повышаю голос до крика: — Ненавижу тебя!

Но спокойствие и отрешённость Айдена не пробивается, видимо, ничем. Он кидает взгляд через зеркало заднего вида и произносит:

— Я обязан минимизировать все ситуации, оказывающие негативное влияние на тебя. В том числе и твоё девиантное поведение. Я и так позволял тебе больше, чем должен был.

От ярости мне трудно дышать.

— Девиантное поведение?! Эти уроды издеваются над моим лучшим другом! И не только над ним!

Его голос ровен, но впервые звучит напряжённо:

— Мне всё равно, кто прав, а кто виноват. Я делаю то, что должен.

Как же сильно я его ненавижу. Сев ровно, срываю защёлку ремня безопасности – как единственный свой жалкий протест.

— Ты телохранителем нанимался, а не воспитателем! — выплёвываю я с презрением.

Айден резко тормозит на светофоре. От внезапно сброшенной скорости я съезжаю немного вперёд, и в момент, когда мужчина поворачивает ко мне голову, я оказываюсь ближе, чем должна быть. В его непроницаемых глазах застывает серьёзное и мрачное выражение. На губе виднеется ссадина, уже переставшая кровоточить.

— Вот именно, — медленно произносит Айден. — Поэтому не вынуждай меня становиться нянькой злобного ребёнка, который не контролирует свой гонор из-за собственного же страха. И, будь добра, пристегни ремень безопасности.

В груди селится ледяное, колющее ощущение. Оно разрастается и комом застревает в горле. Не знаю, подозревает ли Айден о том, насколько сильно уязвили меня его слова, но он поворачивает голову обратно к дороге и даже после зелёного сигнала светофора не двигается с места. Сзади начинают настойчиво сигналить.

Я с такой силы загоняю язычок ремня безопасности в крепление, что оно надрывно хрустит. Только после этого Айден плавно нажимает на газ.

— Ты пожалеешь, что взялся за эту работу, — едва слышно клянусь я.

Глава 7: Сопротивление

Я с грохотом захлопываю дверь в свою комнату. Не знаю, занял ли Айден свой пост в коридоре, но сама мысль о том, что этот бездушный истукан совсем рядом, травит душу. С размаху швыряю сумку к столу и падаю на кровать. От отчаяния и злости хочется кричать, но я молча стискиваю зубы и зажимаю глаза, пока все эти эмоции не сменяются ожидаемым и столь знакомым опустошением. Некоторое время спустя я потираю лицо руками и со вздохом медленно сажусь в кровати.

Пора взять себя в руки.

Посидев немного в тишине, я перебираюсь за стол, открываю ноутбук, бездумно просматриваю ленты новостей и заглядываю в сохранённые вкладки. С надеждой открываю переписку с лучшей подругой. На моё счастье, Софи оказывается в Сети. Именно на видеозвонок с ней я трачу следующие несколько часов – без шуток, за это время я успеваю не только выложить подруге гневную тираду о событиях последних суток, но и раз десять сменить место дислокации. Стол, диван, кровать, пол и нечто среднее между последними двумя вариантами. Когда ноутбук начинает разряжаться, я со вздохом перемещаюсь обратно в исходную позицию за столом. Подтягиваю колени к груди и почти сворачиваюсь калачиком на компьютерном кресле.

В нашем разговоре повисает усталая пауза. Софи растягивается на кровати поверх нежно-розового покрывала, а её каштановые волосы кудрявым ореолом разбрасываются вокруг головы. В задумчивости она вытягивает один из локонов, и я подозреваю, что именно из-за этого передние пряди возле её лица всегда более прямые, чем остальная непослушная грива.

— Иногда мне кажется, что я попала в день сурка, — тихим вздохом я прерываю молчание. — Утро, завтрак с папой, прогулка по территории и снова комната. Да, иногда это разбавляется поездками в универ... но и там как будто происходит одно и то же. Этот придурок Нейт, Питер со своими загадками... — Я устало опускаю голову на сложенные на столе руки. — А ещё этот... истукан. Ненавижу его постоянное присутствие, ненавижу его непроницаемую рожу, ненавижу его постоянные вмешательства, ненавижу его эту заботу!

От внезапного смеха Софи я даже поднимаю голову. Я, конечно, никогда не забывала, каким непобедимым оптимистом является моя подруга, но такой реакции на свои откровения точно не ожидала.

— Знаешь, вот этот его образ звучит буквально как «идеальный парень», — сквозь смех выговаривает она. — Всегда рядом, молчит, истерик и сцен не закатывает, стоит себе тихонько, да ещё и любую прихоть выполняет. Эх, мне бы такого найти. — Софи поглядывает на экран телефона и смеётся с моего оскала. — А ещё я никогда не видела, чтобы человек, который тебя раздражает, выживал так долго. Моё ему уважение. Упрямец.

— Уважение? — возмущённо фыркаю я. — Ему? Он оттащил меня от ребят, как бешеную псину на поводке! На глазах у всех.

— А что ему оставалось делать? Лезть в драку первым, раскидать там всех, чтобы ты потом обвинила его за то, что он сделал всё за тебя? Тебе не угодить, принцесса.

— Было бы неплохо, если бы он просто не лез, — бурчу я тихо.

— Об этом мы уже говорили. Ты же сама прекрасно понимаешь суть его работы. Кто захочет терять место под солнцем, лишь бы угодить недотроге вроде тебя? Мисс самостоятельность, вам придётся потерпеть, ибо ваш папа платит нехилые деньги, раз этот бедолага до сих пор держится.

— Угу, — сдаюсь я с тихим вздохом.

— Эй, — Софи мягко тыкает пальцем по экрану, и звук её ноготка заставляет меня вяло улыбнуться. — А ну прекращай уже накручивать себя. Клянусь, всё не так плохо, как тебе

кажется. Так что давай приводить твою голову в порядок, может ты и мир увидишь без чёрно-белого фильтра.

Я кривлюсь от мысли, что всё снова сводится к «проблемам головы». Как же удручает, что, даже покинув психиатрическую клинику, я всё равно сталкиваюсь с этой паршивой темой в повседневности. Софи явно не имела в виду ничего плохого, но моё сознание охотно подбрасывает мне воспоминания о пустынных коридорах и запахе лекарств.

— И как ты предлагаешь это сделать? — спрашиваю я, лишь бы спрятаться от мыслей.

— Хм-м. Как насчёт спустить ещё парочку часов на артефакты? Не знаю, как тебе, а мне жутко нужна Симэнава.

Софи невинно моргает, и её янтарные глаза приобретают почти лисье выражение.

— Вся эта вдохновляющая речь была ради того, чтобы затащить меня в Геншин? — я изгибаю одну бровь, не проникаясь милейшим выражением её лица.

— Конечно же нет! — не слишком правдоподобно возмущается Софи, но почти тут же перестает прикидываться и мягко смеется. — Разве что я надеялась, что ты не откажешь. Так что?

— Пойдём, — капитулирую я и дважды нажимаю на знакомую иконку рабочего стола.

Софи издаёт победное «ехе» и признаётся:

— Я уже давно загрузилась. Жду.

«Ты пожалеешь, что взялся за эту работу».

О своей клятве я помню. Тяжёлым грузом она опускается мне на плечи, а потом, так и не найдя своей реализации, проваливается куда-то в желудок. Я не позволяю себе забыть о своём намерении, но всякий раз, уже приготовившись к открытым действиям, сталкиваюсь с до боли банальной проблемой: а что я, собственно, могу сделать? Поцарапать его машину? Жалко, да и эта красотка не виновата в том, как ведёт себя её хозяин. Обвинить в плохом исполнении работы? Нужны доказательства, а такой упрямец, как Айден, не даст поводов для их появления.

Да, можно пожаловаться отцу на домогательства со стороны телохранителя, тут и доказательства никто не потребует — его просто вышвырнут. Но на место одного уволенного надзирателя поставят другого, и совсем не факт, что с ним не будет еще хуже.

Моё отношение к Айдену не изменилось. Однако той решимости, которая кипела во мне в момент стресса, теперь оказывается недостаточно. Сложно намеренно враждовать с человеком, от которого в любой ситуации не исходит ни единой эмоции. Это всё равно что бить в ворота, у которых нет ни сетки, ни штанг.

К тому же, будто бы чутко ощущая ситуацию, Айден настолько профессионально скрывает своё постоянное присутствие, что я даже иногда всерьёз забываю, что телохранитель всё ещё где-то неподалёку. Это не отменяет самого факта его существования, но серьёзно облегчает мне будни.

Софи уверена, что я стала заложником наконец проснувшейся совести. Может, так и есть. Всё же я не вселенское зло воплоти и, наверное, это нормально, что я сдаю по тормозам в своих пылких намерениях. Однако этим диагнозом всё ещё трудно объяснить апатию, которая наваливается на меня с каждым днём всё сильнее.

Так или иначе, вскоре мне становится совсем не до глупой мести. Потому как одним из вечеров, когда мне удаётся поужинать в компании отца, он вдруг заявляет:

— Завтра к нам приедет Шарлотта. Думаю, пора познакомиться вас.

Кусок стейка комом застревает в гортани. Я насильно проглатываю его и медленно тянусь к бокалу с водой. Только отпив несколько глотков, я тихо отвечаю:

— Чудесно. Постараюсь показать себя с лучшей стороны.

Отец благодарно улыбается и возвращается к поеданию своей порции.

— У неё тоже есть дочка, — рассказывает он как бы между делом. — Я подумал, будет неплохо, если она тоже приедет. Она чуть младше тебя, но вы же найдёте общий язык, верно?

Дурное предчувствие холодком пробегается по спине. Моё воображение тут же рисует жуткие картины девушки-бунтарки, одетой в кожаное, с гитарой наперевес, которая сотрёт меня с лица земли, едва ли я покажусь ей дерьмовым и скучным человеком. А именно таким я и являюсь.

— Конечно, — я натягиваю согласную улыбку.

— Тогда будь готова к двум.

— Получается, у тебя будет выходной? — тихо спрашиваю я, чтобы хоть чем-то заполнить тишину вокруг и пустоту, воцарившуюся внутри.

— Да. — Папа улыбается и облакачивается на спинку стула. — Ради такого случая попросил коллегу покопаться в одиночестве. Теперь я должен ему добротный коньяк.

Я не могу отделаться от мысли, что за всё это время он ни разу не взял выходной для знакомства со мной. Я быстро отметаю глупую детскую обиду и напоминаю себе о том, что весь окружающий нас достаток не мог появиться просто так. Хорошая работа всегда подразумевает минимум личного времени. Не мне судить, стоит оно того или нет.

В глубокой задумчивости я провожу весь остаток ужина. Когда папа встаёт из-за стола и желает мне доброй ночи, я вяло киваю и бормочу в ответ что-то похожее. Домучиваю уже давно остывший стейк, допиваю горьковатый чёрный чай и виновато поглядываю на так и не тронутый десерт. Поднявшись из-за стола, я медлю, сомневаясь, нужно ли мне относить посуду на кухню. Отец оставил тарелки на столе, значит, этим занимается лакей. Отчего-то я испытываю жуткую неловкость, но прийти на кухню с кучей посуды тоже было бы крайне странно, раз в этом доме другие порядки.

На выходе в коридор я настолько погружаюсь в туманные размышления, что с размаху сталкиваюсь с кем-то, внезапно отлипшем от стены. Сначала я инстинктивно бурчу извинения, но когда поднимаю взгляд и сталкиваюсь с непроницаемым лицом Айдена, меня охватывает отголосок глухого раздражения.

— Я могу чем-то помочь? — спрашивает он безмятежно.

Я кисло усмехаюсь. Наверняка моё состояние заметно со стороны — особенно для человека, наблюдающего за мной постоянно.

Вздыхнув, я всерьёз задумываюсь о том, может ли мне помочь Айден. Вряд ли он накидает мне информации, какой человек эта загадочная Шарлотта, как мне вести себя, чтобы понравиться ей и не разочаровать. Вряд ли он узнает, стоит ли мне опасаться её дочери, о чём мне с ней говорить и какие фандомы срочно изучать, чтобы быть с ней на одной волне.

— Нет, — тихо отвечаю я и прохожу мимо, направляясь в холл.

Я не слышу его шагов, но почти кожей чувствую, что Айден следует за мной. Как и всегда.

Ночью я почти не сплю. Даже давно знакомым кошмарам недостаточно того времени, на которое я успеваю провалиться в дрему — едва ли туманные картинки начинают появляться перед мысленным взором, я вздрагиваю от вибрации телефона. Я так быстро хватаю устройство, будто бы будильник сиреной орёт на весь дом, хотя его тихая, мягкая мелодия едва ли способна разбудить нормального человека.

Сказать, что я ощущаю себя совершенно разбито — это не сказать ничего. Поэтому я не поддаюсь соблазнительной идее опустить голову на подушку ещё на пару минут и заставляю себя выбраться из постели. Душ спасает меня и приводит в относительный порядок, а попытки найти одежду возвращают мне привычную ворчливость.

В коридоре я встречаюсь с внимательным взглядом Айдена. Он будто бы всякий раз, когда я появляюсь, ожидает указаний и списка дел, которые я с удовольствием водрузила бы на его плечи, если бы не простая гордость и стремление сохранить остатки самодостаточности. Представляю, насколько скучна его рутинная работа из-за меня. Что ж, ничем не могу помочь.

После завтрака я поднимаюсь обратно в свою комнату, встаю перед раскрытым шкафом и с тяжёлым вздохом прикидываю, что из этого не выйдет балахоном бомжа. В голове мелькает шальная мысль сорваться прямо сейчас в город и попытаться навести рейд на магазины одежды. Однако такие мероприятия я избегаю, как только можно. Терпеть не могу выбирать одежду и отдавать за неё те немислимые суммы, которые запрашивают более-менее сносно сидящие вещи.

На создание образа нормального человека у меня уходит всё свободное время вплоть до назначенного часа. Из комнаты я выхожу заранее уставшей и выбитой из колеи, и в сочетании с чёрной блузкой наверняка выгляжу так, будто бы собираюсь ехать на похороны. Хорошо, если не в главной роли.

В любом случае, это лучшее, что у меня было. Однако столкнувшись с напряжённым взглядом Айдена я, кажется, впервые различаю в его взгляде нотку тревоги.

Значит, я выгляжу *очень* паршиво. Остаётся надеяться, что улыбка спасёт положение.

— Отец звал тебя к столу, — оповещает телохранитель и освобождает проход по коридору. — Они ждут.

Сглотнув, я направляюсь к лестнице. Если я скажу, что у меня не дрожат коленки, пока я спускаюсь в обеденный зал – я совру. Я натягиваю на лицо такую доброжелательную и яркую улыбку, на какую только способна.

Ещё из холла я слышу её тихий смех. Слова отца неразборчивы, но голос его звучит весело и мягко. Я застываю на ступеньках в нерешительности и вздрагиваю, когда ладонь Айдена касается моего предплечья.

— Можем войти вместе, — тихо и бесстрастно предлагает он.

Наверное, я впервые испытываю к телохранителю что-то, похожее на благодарность. Кидаю быстрый взгляд на его лицо и сталкиваюсь с непроницаемо спокойным выражением тёмных глаз. Пожалуй, этот человек начинает ассоциироваться у меня с постоянством и ощущением, будто бы всё под контролем. Пускай и не у меня.

В обеденный зал я захожу вместе с Айденом. Телохранитель отступает от меня и занимает место возле дверей, как и всегда. Когда я решаюсь оторвать взгляд от пола, глаза сами собой приковываются к Шарлотте, хотя вот так открыто пялиться на человека наверняка не совсем вежливо.

Я сразу же замечаю её чистую, неподдельную красоту. Светлые волосы мягкими волнами спадают ей на плечи, а аккуратная чёлка оттеняет мятно-голубые, светящиеся добротой глаза. Шарлотта оказывается таким неожиданным воплощением мягкости и открытости, что я глупо застываю, забыв заранее продуманное приветствие. Готовившись к бою, я не была готова к мирным переговорам.

Шарлотта поднимается из-за стола и с улыбкой кивает мне. Папа наблюдает за нами с нескрываемым удовольствием и радостью. Удивительно, что без тревоги за то, что я облажаюсь. Именно она переполняет меня.

— Здравствуй, — голос Шарлотты оказывается неожиданно нежным, что вызывает в моей голове внезапную мысль: эта женщина редко повышает его. — Я Шарлотта Кэррингтон. Очень приятно познакомиться с тобой, Шелл. Это твоё полное имя?

— Да, — отвечаю я после глупой паузы и тут же, спохватившись, добавляю: — Приятно познакомиться.

Шарлотта с улыбкой кивает мне на место напротив себя и отца, сервированное для меня. Забыв пожать ей руку или хоть как-то отреагировать на то, что ради меня она вставала, я неловко опускаюсь на стул и нервно тереблю край тканевой салфетки.

— Папа говорил, у вас тоже есть дочь.

— Да, она должна совсем скоро приехать, — мягко отзывается Шарлотта, занимая своё место. — У Сэм были курсы в колледже, поэтому твой папа отправил за ней водителя.

Значит, сама Шарлотта приехала ещё раньше. Не удивительно, что я ничего не слышала — в этом доме запросто можно потеряться.

— Можешь рассказать что-нибудь о себе, Шелл, — вступает в разговор папа, перемешивая вилкой сытный салат.

Потрясающе. Я? Что я, чёрт возьми, могу рассказать? Привет, я недавно лежала в психиатрии с ПТСР, а как ты проводишь выходные?

— Э-э, — издаю я хоть какой-то звук в этой неловкой тишине. — Да мне в принципе особо и нечего рассказывать...

— Чем ты увлекаешься в свободное время? — выручает меня Шарлотта более конкретным вопросом.

Я судорожно перебираю в голове свои «хобби» и озвучиваю наиболее безобидные:

— Рисованием, чтением... машины люблю.

— О, ты водишь? — с искренним любопытством спрашивает Шарлотта, приступив к еде.

— Да. У меня есть машина. — Я слегка расслабляюсь, ступив на знакомую мне тему. — С ней я и вожусь большую часть времени.

Папа в удивлении поднимает на меня взгляд. Я слишком поздно осознаю, что он о таких нюансах не знал.

— Машина сейчас у моих друзей, — спешно добавляю я уже скорее для него. — В мастерской. Они о ней позаботятся.

Шарлотта внимательно наблюдает за моим отцом. Догадалась ли она, что он сам понятия не имел о таких, казалось бы, очевидных вещах? По моей спине пробегает холодок, ведь я чуть не проговорила, что перевезла машину друзьям совсем недавно. От лица отливает кровь, когда я вспоминаю, что Айдэн находится позади меня, у дверей, и наверняка отчётливо слышал каждое слово. Сложит ли он два на два?

К счастью, Шарлотта берёт инициативу на себя и непринуждённо болтает о себе и о Сэм. От волнения и концентрации на еде я мало что улавливаю, сформировав в голове лишь примерную картину о Шарлотте. Она много лет работает в той же компании, что и мой отец, и, судя по всему, их знакомство именно там и произошло. Напрямую Шарлотта не упоминает, как давно они с папой знакомы, но из её рассказов я делаю вывод о по меньшей мере нескольких годах.

Я не знаю, сколько времени проходит за этими тихими разговорами. Отец окончательно теряется в разглядывании Шарлотты и расплывается в улыбке настолько нежной, что я ощущаю себя лишней за столом. Однако она продолжает втягивать меня в беседу, при этом умудряясь не давить и не казаться навязчивой. Я и сама начинаю отвечать более охотно, постепенно расковываясь.

Саманта Кэррингтон врывается в наш дом, как самый настоящий ураган. В главном холле слышится грохот, за которым следуют спешные извинения. Звонкий девичий голос оповещает:

— Мам! Артур! Я приехала!

Меня прошибает холодный пот. Сэм уже знакома с моим отцом. От мысли, что дочь моей потенциальной мачехи знает моего отца лучше, чем я, меня вдруг пробирает нервным смешком.

— Заходи, солнце, — Шарлотта слегка повышает голос, чтобы дочь услышала её.

Я в напряжении застываю, когда ураган по имени Саманта влетает наконец в обеденный зал. Роскошные тёмные волосы, будто бы только выпущенные из рук стилиста, вихрем выпадают на плечах девушки. Губы, подведённые бардовой матовой помадой, изгибаются в широкой улыбке. Такие же светлые глаза, как и у Шарлотты, всё те же изгибы лица и фигуры. От Сэм буквально лучится жизненная энергия – она явно из того типа людей, которых можно назвать ходячими батарейками.

Никакого рокерского прикида. Никакой враждебности во взгляде. Пожалуй, сегодня все мои ожидания с крахом проваливаются. Но это только к лучшему.

Мой отец приветствует Сэм первым. Она несколько раз кивает, а потом заключает поднявшуюся из-за стола Шарлотту в крепкие объятия.

Втроём они кажутся настоящей семьёй. Простой и такой привычной, насколько это возможно в богатом окружении. Тёплой и единой, несмотря на разную кровь. Пока я наблюдаю за ними, в груди колет что-то, похожее на тоску.

Почему-то в это мгновение я слегка оборачиваюсь и бросаю беглый взгляд на Айдена. Я не удивляюсь, когда понимаю, что всё это время он смотрел в мою сторону.

Интересно, испытывает ли он нечто подобное, проводя так много времени в доме моего отца? Или работа не вызывает в нём никаких эмоций благодаря отточенному профессионализму? В любом случае, я всё ещё уверена, что папа перебарщивает, нанимая телохранителя на круглосуточное наблюдение. Это явно лишнее. За всё то время, пока Айден приставлен ко мне, он в лучшем случае борется со скукой, а в худшем – устраивает мне неприятности.

Наконец взгляд Саманты обращается ко мне. Я моментально деревенею, боясь лишний раз пошевелиться, и осторожно улыбаюсь.

— Привет! Я Сэм, но ты, наверное, и так знаешь, — девушка занимает место рядом с Шарлоттой, и я оказываюсь единственной, кто сидит напротив них всех.

— Привет, — тихо отвечаю я.

— Как жизнь? — Сэм приступает к еде с явным аппетитом, а вопрос задаёт так, будто бы мы давно знакомы.

— Нормально, — я немного улыбаюсь, на этот раз искренне.

Внезапно Сэм смеряет меня внимательным, настороженным взглядом. Я теряю всякую улыбку и растерянно смотрю на неё, пока девушка окидывает взглядом моего отца и Шарлотту. Будто бы сделав какой-то вывод, она вдруг поднимает две свои тарелки и кивает мне:

— Пойдём-ка в твою комнату. Давай-давай, бери с собой.

Я так и застываю с приоткрытым ртом и недоверчиво наблюдаю за тем, как Сэм встаёт из-за стола, целует Шарлотту в щёку и заявляет:

— Мы потусуемся вдвоём, ладно? А вы тут поболтайте, мы ещё за едой вернёмся попозже. Горячее же скоро?

— Да, минут через пятнадцать, — отвечает ей мой отец.

Я во все глаза смотрю на папу, но он только кивает, будто бы удивлённый, что я ожидаю запрета на покидание семейного застолья. Сэм уже ждёт меня в дверях, пока я поспешно встаю и забираю одну тарелку с салатом.

Когда мы выходим в холл, Саманта тихо шепчет мне:

— Ты при них прямо как зажатый кролик. Пойдём-ка отсюда.

Прежде, чем я успеваю ответить, Сэм замечает следующего за нами Айдена. Фыркнув, она легонько подталкивает меня локтем и подмигивает:

— А это тот самый твой телохранитель? Я наслышана.

Я теряюсь с ответом и выдавливаю что-то совсем не к месту:

— Ты хорошо общаешься с моим отцом, раз всё знаешь.

Несмотря на мои опасения, Сэм мягко смеётся и кивает:

— Да, мы давно знакомы. Он классный. — Сэм замечает мою задумчивость и, пока мы поднимаемся по лестнице, вдруг протягивает: — О, только не говори, что ты обижаешься, что тебя так поздно с нами познакомили. У твоего папы особо вариантов не было, ты знаешь.

— Знаю. — Вздыхнув, я открываю дверь в свою комнату и пропускаю Сэм. — Просто... вы все друг друга знаете, хорошо общаетесь. А я как инвалид, двух слов связать не могу, на дыхании спотыкаюсь. Ощущение такое, будто бы я максимально инородное звено.

Сэм резко разворачивается ко мне, отчего я едва не сталкиваюсь с ней и с трудом удерживаю тарелки в руках. В светлых глазах девушки полыхает праведный гнев.

— Ещё чего! Чтобы я больше такого от тебя не слышала, Шелл, — отчеканивает она и почти сразу смягчается, похлопывает меня по плечу, а после проходит к дивану.

Пока я в растерянности застываю около двери, Сэм опускает наши запасы на журнальный столик и надкусывает тарталетку с икрой.

— Между прочим, твой папа постоянно говорит о тебе, — бурчит она с набитым ртом. — Все уши нам с мамой прожужжал, даже когда ты ещё жила с матерью.

Почему-то я улыбаюсь. В груди трепетно бьётся согревающая надежда, и, когда я сажусь напротив Сэм, всё же решаюсь спросить:

— Что он рассказывал обо мне?

— Да всякое. Он сам мало что о тебе знал, поэтому для нас с мамой ты была как какой-то мифический зверь, — Сэм смеётся, и я невольно улыбаюсь в ответ. — Постоянно приплетал тебя. «Шелл бы это понравилось», «жаль, что Шелл с нами нет», «видела бы это Шелл».

Я в удивлении застываю.

— Но он ведь почти не знает меня, — осторожно замечаю я. — Как он может догадываться, что мне нравится, а что нет?

— Он помнит тебя совсем ребёнком. Тем, что он знал о тебе тогда, он и апеллировал. К слову, к этим знаниям он относился очень, очень ревностно. Я иногда начинала с ним спорить, например однажды доказывала, что девчонкам не нравятся выставки «Трансформеров». Но он был непреклонен, постоянно повторял, что в твоём детстве вы с ним засматривали первые два фильма до дыр.

Я опускаю взгляд, стараясь унять колотящееся сердце. Мои скудные представления об отце в момент наполнились такими неожиданными и тёплыми деталями, что я совершенно не понимала, что с ними делать. Я как художник, застывший возле чёрно-серого полотна с яркими, живыми красками.

— Ты, может, нас совсем не знаешь, — с улыбкой говорит Сэм. — Но вот мы будто бы всё время жили с тобой вчетвером.

Глупая пелена возникает перед глазами. Я принимаюсь выбирать кусочек нарезанного кубиками сыра, чтобы сконцентрироваться на чём-то кроме сдерживания слёз.

Но Сэм без труда замечает моё состояние.

— Эй-эй, ну ты чего? — от мягкости её голоса я не выдерживаю, откладываю несчастный кусочек сыра и закрываю лицо руками.

Будто сорванная платина, накопленные эмоции вырываются из меня слезами. Я давлю рыдания, чтобы не напугать Сэм ещё сильнее, однако она сама подсаживается ближе и заставляет меня выпить холодной колы.

— Прости, — сконфуженно произношу я сквозь слёзы. — Это... само собой, я не могу...

— Брось, — отмахивается Сэм и настойчиво пропихивает мне маленькую тарталетку. — А ну ешь.

Я начинаю смеяться с глупости ситуации. Сидя на диване в слезах и с покрасневшими глазами, я набиваю рот тарталеткой с икрой и давлюсь рыданиями. Смешно, но так похоже на меня.

— Что с тобой такое вообще? — осторожно спрашивает Сэм, наблюдая за мной долгие несколько минут. — Я имею в виду, в целом. Ты выглядишь очень забитой.

Я могла бы рассказать ей о том, что произошло. Рассказать, почему я попала в клинику, почему теперь живу с отцом и почему потеряла все навыки коммуникации с людьми. Но первая встреча – явно не лучший момент, чтобы грузить человека такими мрачными подробностями.

А может, я просто снова сбегая от прошлого, рассказать о котором едва ли не страшнее, чем снова пережить его. Поэтому я решаю поделиться только крохой правды.

— Прости, — снова извиняюсь я будто бы за всё сразу и виновато улыбаюсь. — Наверное, я просто не привыкла к окружению, где люди так искренны и добры. Ты и Шарлотта... оказались такими хорошими. — Сквозь смех я признаюсь: — Я ожидала суровую мачеху и её дочь-бунтарку, которая устроит мне шоу на выживание. А вы... вы совсем другие. Это прозвучит глупо, но когда всё идёт хорошо, мне всегда кажется, что где-то есть подвох, что что-то пойдёт не так. Особенно из-за меня...

Сэм возмущённо фыркает и перебивает меня:

— Не знаю, что у тебя там такое случилось, но не все люди в мире созданы для того, чтобы портить тебе жизнь. Тебе стоит это запомнить, чтобы... ну, хотя бы не сталкиваться с трудностями в общении.

Как ловко она скрыла под этими словами «чтобы не просрать ещё больше, чем ты уже успела». Я киваю и протираю лицо ладонями, слишком поздно вспомнив о макияже. В ответ на мой растерянный взгляд на тёмные следы на пальцах, Сэм отмахивается и бросает: «да забей».

Пока я успокаиваюсь окончательно, она подходит к ноутбуку и включает его. Когда Сэм спрашивает пароль, я без раздумий называю комбинацию цифр и поворачиваюсь, гадая, что она задумала. Издалека я различаю открытое приложение Spotify и улыбаюсь, когда в колонках начинает играть «Maneskin – Close to the Top».

На первых же нотах песни Сэм делает погромче и начинает отплясывать что-то абсолютно импровизированное, двигаясь в такт бодрой музыки. Пока я думаю, что мне удастся отсидеться на диване, Сэм протягивает ко мне руки и недвусмысленно намекает на то, что мне необходимо поднять свою задницу и встряхнуть костями. Помедлив всего мгновение, я поддаюсь её очаровательной беззаботности и энергии, поднимаюсь и хватаюсь за руки Сэм. Вместе мы начинаем танцевать так, как только умеем – в моём случае, крайне топорно и глупо, но именно это заставляет меня смеяться и улыбаться.

В какой-то момент Сэм начинает подпевать громко и уверенно, и такую свободу, с которой она поёт свою любимую песню, такую энергию, которая делает Сэм по-настоящему живой, я не видела ещё никогда.

Как же хорошо, что сегодня не сбылось ни одно из моих ожиданий.

Глава 8: Набег

Ночные кошмары – мои старые верные друзья. Они и раньше с завидной регулярностью навещали меня под утро, когда глубокий сон прерывался первой рассветной дымкой и вечным шумом машин за окном. Теперь, когда моя жизнь буквально вывернулась наизнанку, ни одна моя ночь не проходит без их настойчивого визита, даже когда за окном круглосуточно гремит лишь тишина леса.

У кошмаров скверный, садистский характер. Проще говоря, они те ещё паскуды. Будто верные проводники, они раз за разом окунают меня в события прошлого, как в чан с ледяной водой. Почти всегда они демонстрируют смазанные обрывки воспоминаний со всевозможными извращениями, за одним единственным исключением: все они показывают события задом наперёд. От итога, который впоследствии привёл меня в настоящее, к началу, откуда берёт корни вся эта отвратительная история.

Так происходит и этой ночью. Моё сознание, охваченное агонией сменяющихся образов и ощущений, не подозревает о ловушке простого кошмарного сна и уверено в достоверности происходящего так, будто бы я всерьёз заново проживаю мгновения прошлого. Как бы не было забавно, но при этом я отчётливо осознаю, что всё это происходит не впервые.

Мама с перекошенным от ярости лицом. Её заплаканные глаза с разводом дешёвой туши, комками свалившейся на щеках, метают молнии нечеловеческого гнева. Её рука до побелевания костяшек сжимает простой кухонный нож, но при этом трясётся так сильно, будто бы она боится его сама.

А ведь какая-то часть её сознания наверняка вопила о том, что она творит непоправимое. Я никогда не поверю, что в тот момент в ней не осталось ничего от той женщины, которую я знала в детстве. Какая-то крупница, капелька, щепотка... но была. Именно она сотрясала всё тело мамы в этой испуганной, отчаянной дрожи.

Какой-то посторонний звук нарушает ужасную картину ночного кошмара. Этот тихий скрип паркетного пола звучит в моих ушах настолько неестественной, неправильной деталью, что меня охватывает паника ещё большая, нежели была до этого.

Я резко открываю глаза, наконец осознав, что всё это время метаюсь по кровати. Поначалу окружающая меня комната кажется до ужаса незнакомой и чужой, отчего я едва не поддаюсь настоящей истерике. Резко сажусь в постели, зажигаю прикроватную бра и судорожно восстанавливаю в памяти события последних недель. Когда я поднимаю взгляд, становится наконец понятно, откуда доносился этот тихий скрип паркета.

Айден застывает посреди комнаты, не решаясь приближаться. На нём только наспех застёгнутые брюки и белая облегающая майка, нет даже обуви – будто бы он сам только вскочил с кровати. На поясе виднеется почти не закреплённая портупея с кобурой для пистолета. Руки телохранителя слегка приподняты, будто бы он лишний раз демонстрирует, что не собирается им воспользоваться. Как будто это должно меня успокоить, с учётом того, что он посреди ночи какого-то чёрта делает в моей комнате!

Заметив гнев, смешанный с испугом на моём лице, Айден тихо произносит:

— Полагаю, тебе снился кошмар. Я услышал крик, обязан был проверить.

Я в растерянности оглядываюсь вокруг. В сознании мелькают обрывки кошмара, и я наконец полностью возвращаюсь в реальность. Простынь и одеяло смешаны в один сплошной комок, а мои щёки возле глаз почему-то покрыты свежей корочкой подсохших слёз. Спохватившись, я хватаю край одеяла и натягиваю его едва ли не до подбородка, отползая назад так, чтобы опереться спиной на изголовье кровати. Я не свожу пристального взгляда с Айдена, и то, что я держу его в поле зрения, внушает иллюзию, будто бы у меня всё под контролем.

Но кто бы знал, насколько мне страшно. Он не должен находиться здесь. Кем бы Айден ни работал, он остаётся мужчиной, причём нехило так сильнее меня. Это не пацан, которого можно будет отшить пощёчиной или парой едких оскорблений. Нетрудно прикинуть, сколько лет своей жизни Айден отдал тренировкам и обучению своей профессии. Если ему что взбредёт в голову, мне остаётся надеяться лишь разозлить его сопротивлением так, чтобы он меня вырубил.

Похоже, все эти судорожные размышления как-то отражаются на моём лице.

— Шелл.

Я вздрагиваю, не ожидая услышать в его голосе капельку негодования. Поразительно, как меня пугает проявление хоть чего-то живого в Айдене — хотя в добром здравии я наверняка бы не упустила возможность подколоть его за потерю прежней выдержки. Видимо, сегодняшняя ночь не с меня одной срывает маску.

— Я не собираюсь причинять тебе вреда, — уже тише произносит Айден. — Подумай сама. Я понесу за любой проступок ответственность куда большую, чем любой другой человек. Я похож на того, кто любит влипнуть в неприятности?

Скорее, он похож на того, кто от них избавляет. Но я молчу, стиснув зубы, и лишь отрицательно качаю головой. Я не могу отвести взгляда от кобуры на его поясе, в которой покоится оружие. Проследив за моим взглядом, Айден нарочно медленно и аккуратно отстёгивает портупею вместе с кобурой и так же бесшумно наклоняется, чтобы опустить оружие на пол.

— Всё в порядке, — зачем-то говорит он и снова слегка приподнимает руки.

Страх, сковавший меня спросонья после ночного кошмара, довольно быстро рассеивается, и теперь излишняя осторожность Айдена раздражает. Он обращается со мной как с диким, загнанным в угол зверем... неужели я так и выгляжу?

— Раз всё нормально, — вырывается у меня, — почему ты до сих пор здесь?

— Жду прямого приказа, — с прежним непробиваемым спокойствием отвечает Айден.

Мои губы вздрагивают, едкие слова уже готовы сорваться с них. Но почему-то я молчу. Да, стоило бы отправить телохранителя восвояси и попытаться уснуть, однако перспектива нырнуть обратно в череду кошмаров кажется более мрачной, нежели беседа. Пускай даже с врагом.

Мне не стоит забывать, кто такой Айден. Как он опозорил меня на глазах половины кампуса. И мне уж точно не стоит забывать о своей клятве. Иначе чего стоят мои слова?

Однако мне так и не удаётся выдать из себя необходимое «уходи». Такое простое, короткое слово, но оно костью застревает у меня поперёк горла. Злость на себя саму зреет гнилым плодом где-то в груди и прокатывается по всему телу отвратительной волной. Я закрываю глаза и прислоняюсь затылком к прохладной стене. Слышу, как Айден садится в кресло возле камина, всего в пяти шагах от кровати. Приоткрыв глаза, я украдкой наблюдаю за ним, пока мужчина обращает свой взгляд на выключенный камин.

В тусклом свете прикроватной бра видны мышцы его плеча. От силуэта тела Айдена где-то в моём животе сворачиваются узлы. Отнюдь не те крылатые бабочки, о которых я столько слышала.

— Эти кошмары как-то связаны с тем, почему ты попала в клинику?

Тихий вопрос Айдена застаёт меня врасплох. Пробежавшись взглядом по комнате, я неохотно признаю, что кроме моей детской неприязни к этому человеку, у меня нет ни единой достойной причины, почему я могла бы соврать или уклониться от ответа.

— Да. — Вздыхнув, я пытаюсь сложить слова из хаотичных мыслей. — Это связано с недавними событиями... с мамой, точнее. В общем, долгая история.

Когда я уже готова рассказать дальше, предательский ком застывает в горле. К счастью, Айден не настаивает на продолжении. Я благодарна ему за то, что он не принимается изображать ложную заинтересованность и не пытается состроить из себя вид благородного слуша-

теля, которому можно выговориться. Айдено телохранитель, не более того. Мне не стоит об этом забывать.

— Неважно, что там произошло, — вдруг нарушает он тишину. — Теперь ты здесь. Это главное.

Я в лёгкой растерянности смотрю прямо перед собой. Не таких слов я от него ожидала, однако они наводят меня на новые туманные размышления. В голову с поразительной настойчивостью лезет вопрос, а чувствую ли я себя здесь, в этом доме, в безопасности? Чувствую ли я себя здесь *дома*? Я мельком вспоминаю лица людей, с которыми успела пересечься на территории особняка. Холодок дурноты прокатывается по рукам.

— Ты же знаешь всех, кто работает в доме отца? — задумчиво спрашиваю я.

— Можно сказать, что да.

Я медлю, прежде чем задать новый вопрос. Сомневаюсь, не слишком ли странно и абсурдно он будет звучать, но раз уж начала...

— Ты хорошо разбираешься в людях, — осторожно подмечаю я. — Как думаешь, кого из местных следует опасаться?

Только сейчас Айдено поворачивает голову в мою сторону. Взгляд его скользит по тёмному полу, но так и не перемещается на меня.

— С учётом моего постоянного нахождения рядом, никого.

— Ну мало ли. — Мне становится стыдно за свой вопрос, поэтому я пытаюсь свести всё к шутке. — Между прочим, твоё присутствие как раз и наводит на мысли, вдруг тут кто с катушек слетать собирается.

Айдено ничем не отвечает на мою неловкую шутку. Когда я уже решаю, что разговор снова сошёл на нет, он вдруг произносит:

— Тебе не доводилось пересекаться с людьми, которые могут вызвать опасения. В этой части дома находятся только те, кому твой отец доверяет. Все они вполне хорошие люди, знающие каждый своё дело.

Только сейчас я задумываюсь о том, сколько работников я видела вообще. Садовник, один из водителей, лакей в обеденном зале, повар, одна уборщица, да и та только в пятницу... и, собственно, всё.

Догадка пронзает меня, как разряд электричества. Если отец намеренно держит людей на расстоянии от меня, может ли он точно знать о том, что случилось в доме матери? Эта мысль настолько пугает меня, что я насильно заглушаю её, заставляя себя думать о чём-то другом. В голове вертятся глупые и бесполезные вопросы, и всё же из их взволнованной карусели я умудряюсь выхватить стоящую.

— Я так и не знаю, сколько тебе лет, — растерянно произношу я. Забавно, что такую банальную информацию я запрашиваю только сейчас. — Папа говорит о тебе так, будто бы вы знакомы по меньшей мере десяток лет.

— Мне двадцать семь. Только последние пять лет я работаю у мистера Мэйджерсона.

Я невпопад киваю, не зная, как мне относиться к такой информации. Разница в нашем возрасте составляет всего шесть лет, но кажется, будто бы нас разделяет целая жизнь. Думаю, стоит ли спрашивать, чем Айдено занимался до моего появления, но вопрос телохранителя опережает меня:

— Я тоже хотел бы кое-что спросить. Почему ты так меня ненавидишь?

Когда я в замешательстве поднимаю голову, наши взгляды пересекаются. Как-то я упустила момент, когда именно он начал наблюдать за мной. И почему это вопрос Айдену так меня удивил? Это ведь правда.

— Хм, с чего бы начать? — не удерживаюсь я от горькой усмешки. — Может, с того, что тебя наняли без моего ведома и согласия? Или с того, что ты вытворил на парковке перед

универом? С того, что я и шагу не могу сделать без твоего пристального внимания? Хм, или с того, какой ты безэмоциональный истукан, которого невозможно прочесть?

«Или потому, что я постоянно забываю, что должна отомстить?» — этого я вслух не произношу, удержав слова на кончике языка, и плотно поджимаю губы.

Айден пару раз моргает, неотрывно смотря на меня. Похоже, такого чёткого и полноценного ответа он и не ждал.

— Никогда бы не подумал, что моя сдержанность окажется пунктом в списке моих промахов, — всё также бесстрастно произносит он. — Но раз так, я приношу свои извинения. За все пункты. Но не выполнять свою работу я не имею права.

— Угу. Забей, я знаю. Просто... За последние пару лет я всегда наготове. Защищаться, разбираться, с чем-то бороться... в одиночку. И я привыкла отвечать только за себя, полагаться на свои знания, умения и выдержку. Очень трудно взять и смириться с ровно противоположным вариантом, понимаешь?

Я без особой надежды перевожу взгляд на Айдена, но он, к моему удивлению, кивает.

— Вполне.

Такой простой, но в то же время важный для меня ответ селит в душе множество противоречий. Я молчу, разглядывая его лицо в полумраке комнаты. Я испытываю чувство вины за то, что клялась заставить этого человека жалеть о своей работе, и в то же время корю себя за то, что вообще чувствую что-то подобное и отступаюсь от своих прежних убеждений и обещаний. Как же с ним всё сложно...

— Почему ты просто не найдешь нового заказчика? — как-то совсем отчаянно спрашиваю я.

Прекрасно осознаю, насколько глупо звучат мои слова. Айден долго медлит с ответом.

— Сейчас с этим трудно. По многим причинам. И главная из них — мой провал с прошлым клиентом.

— То есть, ты мне жизнь просто от безвыходности портишь? — усмехаюсь я горько.

— Я не порчу её, а оберегаю, — поправляет Айден и добавляет тише: — По крайней мере, пытаюсь.

В комнате становится очень тихо. Я не нахожусь с ответом и опускаю взгляд на свои руки. Слышу, как Айден поднимается со своего места, и кресло тихонько поскрипывает от его движения.

— Пойдём, — вдруг произносит Айден.

Я в удивлении поднимаю голову. Телохранитель слегка оборачивается на меня и едва заметно пожимает плечами.

— Спать ты явно больше не хочешь. А на кухне ещё никого нет. Можем устроить набег. У меня нет кулинарных навыков... но там должно быть что-то в холодильниках.

Поначалу я не верю своим ушам. Ещё несколько секунд глупо пялюсь ему в спину, пока Айден, решив, что я отказываюсь, поднимает с пола кобуру и направляется к двери. Спихватившись, что он устроит ночной дозор без меня, я тут же спрыгиваю с кровати, накидываю поверх ночной майки длинную толстовку и семеню следом за телохранителем.

В коридорах дома царит глухая темнота. Я зябко поёживаюсь, скорее от глупого, детского страха, нежели от холода. Слепо вглядываюсь в окружение и едва ли не налетаю на притормозившего Айдена. Он предлагает мне руку, и я цепляюсь за предплечье мужчины. Тёплая кожа оказывается неожиданно мягкой, и в сравнении с ней мои пальцы напоминают замёрзшие жабы лапки.

— Ты в самом деле как маленький ребёнок, — почти шёпотом бурчит Айден. — Боишься ночных кошмаров и темноты.

Почему-то я не нахожу в себе былой злости на подобные заявления. Возможно, всё дело в том, как мягко прозвучал этот укор — так, будто бы эти слова даже при желании нельзя вос-

принять как удар. Или же дело в том, как уверенно и бесшумно Айден ведёт меня по погружённой в темноту дому, позволяя держаться позади.

А может, в самом факте того, что телохранитель тайком пробирается вместе со мной на кухню посреди ночи и наводит набег на множество съестных запасов, шикая на меня, когда я излишне громко роняю коробку с замороженными куриными наггетсами. Вдвоём мы упираемся взглядами в тихо шумящую микроволновку, ожидая, когда произойдёт маленькая кулинарная магия.

К себе в комнату я возвращаюсь лишь через час, лопаюсь от сытости. Я бы покатила по полу шариком, если бы не Айден, упрямо проводивший меня до самой двери. Я берусь за ручку и медлю, с тяжёлым сердцем проматывая в голове всю сегодняшнюю ночь. Привычное самокопание ставит меня перед вопросом: куда подевался весь твой нор, Шелл? Куда делся праведный гнев, как получилось так, что сегодня я по собственной воле провела с ним время? Или моя гордость стоила пачки куриных наггетсов?

Так или иначе, сегодня без появления Айдена я бы до самого утра проворочалась в кровати, то и дело проваливаясь в обрывки кошмаров. Ночная вылазка на кухню была явно веселее. Пожалуй, как бы стыдно мне не было это признавать, Айден заслуживает благодарности и этого странного перемирия.

— Спасибо, — шепчу я перед тем, как скрыться в комнате.

В предзвездном полумраке замечаю, как Айден сдержанно кивает. Была ли игрой моего сонного воображения тень улыбки, мелькнувшая на его губах?

Глава 9: Уговор

«Хэй, принцесса из замка, твоя тачка готова».

Это ли не лучшее сообщение, которое можно получить с утра? Особенно, когда это самое утро начинается далеко за полдень. Пока я тщетно протираю глаза и нежусь в постели, телефон издаёт тихое уведомление о ещё одном сообщении. Я приподнимаюсь на локтях и посматриваю на экран блокировки.

«Сегодня ночью собираемся как обычно. Ты будешь?»

Я улыбаюсь, беру телефон в руки и переворачиваюсь на спину. Медлю с ответом, задумчиво поглядывая на аватарку Лиам. В сознание закрадывается пугающее подозрение: раз о законченном ремонте мне сообщает именно он, не приложил ли Лиам свои ушлые ручки к моей машине? Виниловых наклеек с полуголыми аниме-красотками я ему точно не прощу. Остаётся надеяться, что это Джексон заставил его связаться со мной и проявить капельку дружелюбия.

Как бы то ни было, ответ даётся мне удивительно легко. На этот раз я не нахожу в себе ни единого сомнения, и без тени страха набираю короткое:

«Да».

Я слишком скучаю по нашей безумной компании. А может, я скучаю по себе самой – прежней, какой меня знают эти ребята. Как будто старая, всем знакомая душа затерялась где-то среди пыльных стеллажей автомастерской.

Пожалуй, это не совсем выдумки.

Этой же ночью я совершаю уже второй свой побег. Я не тешу себя надеждами на то, что моя схема будет работать вечно – рано или поздно меня заметят, и дело кончится скандалом. Но за неимением других вариантов, я обещаю себе придумать что-то более безотказное позже, а пока что пользуюсь тем же методом, что и в прошлый раз.

Путь до мастерской отнимает у меня чуть меньше времени, ибо теперь дорога мне знакома, сил предостаточно, а навыки езды на велосипеде ожидаемо подросли. Хотя мышцы ног и спины сводит от нагрузки, я останавливаюсь всего пару раз, чтобы глотнуть воды и остудить тело.

Когда впереди начинает виднеться родное взгляду здание, я не могу сдержать улыбки. Велосипед оставляю возле поржавевших гаражных ворот и с наслаждением вдыхаю запах бензина – наверняка кто-то недавно заправлялся из канистры.

На первом парковочном месте я замечаю свою машину. Сердце пропускает удар, порыв нежности заставляет меня растроганно улыбаться. Моя красотка намыта и отполирована – будто только недавно покинула автомобильный салон.

К счастью, никак виниловых наклеек с голыми девушками я не нахожу.

— Чё, думала, мы её на запчасти разберём? — раздаётся позади меня голос Лиам.

Я тут же испуганно оборачиваюсь и чертыхаюсь, на что засранец только шире улыбается. Парень стоит, облокотившись спиной о высокую ржавую бочку, которую мы обычно выталкиваем на улицу, чтобы сжечь в ней мусор.

— Нет, я боялась увидеть твой вклад, — признаюсь я с усмешкой, похожей на те, что использует в своём арсенале сам Лиам.

Юноша театрально хватается за сердце, изображая ранение и драматичную кончину. Перестав придуливаться, он с прежней улыбкой поглядывает на меня и фыркает:

— Вообще-то я всего лишь ржавчину убрал с порогов и подкрылок. Могла бы и заметить. Пока я в удивлении оборачиваюсь обратно к машине и наконец замечаю проделанную юношей работу, из нашей «гостиной» раздаётся возглас Лео:

— О, Шелл здесь! Наконец-то! Ноа, вскрывай хавчик!

— Спасибо, — успеваю я искренне поблагодарить Лиам, прежде чем он уходит в направлении общей компании.

Джексон встречает меня крепкими объятиями. Ноа — медленным кивком головы и протянутым кусочком пиццы. Я с удовольствием пробую ещё тёплую пепперони и похлопываю по плечу Лео, пока Питер ограничивается усталой улыбкой. Он выглядит так, будто бы не спал последние несколько суток. На мой встревоженный взгляд он лишь отмахивается, а Лиам поясняет:

— Наш додик решил заранее готовиться к экзаменам. Еле вытащили его от зубрильника.

— Серьёзно? — я удивлённо моргаю, занимая место на диване возле Джексона. — Пит, я тебя прям не узнаю. Ты же никогда не был ботаником.

— Вот поэтому меня спасёт только зубрёжка, — морщится друг, будто слолав кислого червяка. — Мне и так грозит неаттестация. Давайте хоть тут не будем об этом, а? Налетайте. Я зря что ли столько пиццы вёз? Шелл, ты первая на очереди.

— Да, кстати, — восторженно замечает Лиам. — Ты себя вообще видела?

Я в растерянности моргаю, улыбка застывает на моих губах каменным изваянием. Прежде, чем я начинаю загонять себя в попытках осознать, что со мной не так, Лиам наклоняется с кресла, дотягивается до меня и щипает за бок. Я инстинктивно корчусь, уходя от этой пытки, и парень со смехом отступает, наконец пояснив:

— Где твоя знаменитая шикарная сочная фигура? Что за кожа да кости? Фу. Не разочаровывай меня.

Я впервые за долгое время хохочу так искренне. Джексон важно кивает, демонстрируя полную солидарность с претензиями Лиам, и уже протягивает мне второй кусочек пиццы наперевес со стаканом какой-то газировки.

И я не смею с ними спорить. Только не сегодня.

Даже не помню, как всё перешло к танцам. Я едва ли не сворачиваюсь от хохота, когда Лиам и Лео отплясывают нечто среднее между макаренкой и тектоником. Ноа в изнеможении пробивает лицо ладонью, пряча улыбку и давя смех. Питер потихоньку присоединяется к танцу, а Джексон отпивает большой глоток из банки пива, с улыбкой наблюдая за ребятами, как за собственными разбушевавшимися детьми. Смотря на всех них, я ловлю себя на ощущении, что напряжение последних дней наконец-то отступает от меня прочь. Я будто бы вдыхаю долгожданную порцию свежего воздуха.

Забавные танцы под случайную музыку как-то незаметно перетекают на улицу. Ребята выкатывают из мастерской нашу старую ржавую бочку, скидывают туда старую макулатуру и поджигают — возле невысокого пламени всем становится теплее даже в эту прохладную, зябкую ночь. Ради старого медиапроигрывателя Джексон протягивает удлинитель прямо из мастерской, а Ноа, как самый трезвый член нашей компании, становится диджеем. Но каким бы упрямым он ни пытался казаться, я то и дело замечаю, как наш Мегамозг украдкой попивает пиво.

Мы совершенно одни. Под покровом мягкой, прохладной ночи. На километры вокруг — никого, кроме нас, нашей музыки и тепла от горячей бочки. Присев на край бетонного ограждения, я поднимаю голову к небу и всматриваюсь в те редкие, едва заметные звёзды, что виднеются там, далеко-далеко впереди. Их далёкое, вечное сияние дарит мне необъяснимый покой и умиротворение. Кажется, будто бы пока на небе ещё светят звёзды — можно выдержать всё, что угодно.

Нашу шумную тусовку я запоминаю отдельными, яркими моментами. Вот Лиам поджигает конец какой-то кривой палки и с грозными криками носится за Лео, который визжит то

ли от страха, то ли от восторга. Вот Джексон тихонько бренчит на своей старой гитаре, а Ноа наконец-то забывает держать хмурую мину. Вот Питер, явно перебрав с алкоголем, сидит в сторонке, а оказавшийся рядом Лиам не упускает возможности намекнуть ему на выворачивание желудка. Питер сквозь смех морщится и отгоняет Лиам, но тот и без того возвращается к своей прошлой жертве.

Наконец, когда воздух на улице становится совсем уж кусачим, а на танцы ни у кого не остаётся сил, мы всем скопом возвращаемся в мастерскую. Я с наслаждением плюхаюсь в покосившееся кресло. Взгляд лениво скользит по поддонам, служащим нам столиком. Кто-то оставил ещё одну бутылку пива, открытую, но всё ещё полную. Напиток наверняка изрядно выветрился.

Интересно, какое пиво любит папа? Поймав себя на размышлении, я криво улыбаюсь. Можно спросить у него на досуге. А сейчас... можно попробовать и это.

Пока я тянусь за бутылкой, меня, как и всех остальных, отвлекает ненавязчивый, едва различимый звук.

Звук, которого здесь точно быть не должно.

Тихий хруст гравия под колёсами легковой машины, мягкое урчание двигателя. Мой растерянный взгляд метается к Джексону, и я холодею, найдя на его лице отражение собственной тревоги. Лиам, будто бы за секунду протрезвев, садится на диване ровно и в напряжении прислушивается.

— У вас появился кто-то новенький, пока меня не было? — тихо спрашиваю я в слепой надежде.

Джексон отрицательно мотает головой. Он поднимается с кресла и жестом зовёт Лиам следовать за собой. Вдвоём они, как самые бесстрашные, направляются к дверям мастерской. Парни вооружаются чем попало: Джексон подхватывает старый гаечный ключ, а Лиам — монтировку. Меня пугает то, с какой подготовкой ребята встречают чужих.

Во что они успели вляпаться?

Я опасливо кошусь в сторону ворот гаража, но, судя по звуку, незванный гость припарковал машину с другой стороны. На всякий случай я держу темнеющий провал в поле зрения.

Джексон и Лиам занимают позиции по обе стороны от главного входа. В мастерской становится так тихо, что мне кажется, будто бы всем вокруг слышно, как тревожно бьётся моё сердце где-то в шее. Питер стремительно бледнеет, и в глазах его отражается такой затравленный ужас, что я почти уверена: он знает, кто мог пожаловать сюда в такой час. Ноа сохраняет спокойствие и открывает панель набора номера на телефоне, вбивает 911, но пока не нажимает на вызов. Только Лео, проснувшись от дрёмы, без лишней паники удивлённо моргает глазами.

Когда затянувшиеся мгновения тишины кажутся мне вечностью, дверь мастерской раскрывается. Чья-то высокая тёмная фигура скользит вперёд, и Джексон и Лиам не теряют времени даром — атакуют с двух сторон, начиная драку. Даже не знаю, кто из них издал этот воинственный вой перед началом боя.

Однако он так же быстро обрывается. Лиам вместе с монтировкой оказывается на полу ещё до того, как я узнаю нашего незваного гостя.

Только не это.

Пока я застываю от ужаса, Айден с невозмутимым выражением лица заламывает Джексону руку, отбирает гаечный ключ и толкает парня в сторону с такой силой, что тот катится по полу едва ли не кубарем. Всё происходит слишком быстро — ребята замирают в шоке и растерянности, и мастерская снова погружается в тишину. Буквально немая сцена. Лишь Айден отбрасывает подальше гаечный ключ, аккуратно поправляет пиджак на плечах и поворачивает голову ко мне.

Его взгляд скользит по бутылке пива, в которую я до сих пор вцепляюсь до побеления костяшек. Перемещается на банки из-под энергетиков, сиротливо лежащих где-то на полу

возле поддонов, и наконец останавливается на недоеденной пище. Клянусь, в этот момент мне вдруг становится стыдно за все эти пункты. Я тут же мысленно одёргиваю себя: мне не за что стыдиться. Эта мастерская со всеми её элементами – то, что я выбрала сама.

— Что за херня?! — первым от оцепенения оправляется Лиам. Парень подбирает с пола монтировку и угрожающе сощуривается, буквально прожигая Айдена взглядом. — Ты кто такой, чертила?

Не обращая никакого внимания на его негодование, телохранитель проходит помещение мастерской и занимает место аккуратно позади кресла, на котором нахожусь я. Там он и застывает, словно каменное изваяние. Наверняка ещё и руки перед собой складывает.

— Папин подарок, — компенсирую я молчание Айдена и кисло усмехаюсь.

— Твой папа нанял тебе телохранителя? – почти восхищенно пищит Лео. — Крутотень!

— Ты серьёзно? — Джексон так и не двигается с места, бурвя взглядом то меня, то моего надзирателя.

— К сожалению да, — удручённо вздыхаю я. — Надеюсь, что смогу отвязаться от него хотя бы по ночам, но сами видите... — Замолчав, я резко поворачиваюсь к Айдену и прищуриваюсь: — Как ты вообще нашёл меня?

В привычном молчании, будто бы не желая использовать голос там, где без него можно обойтись, Айден достаёт телефон, снимает блокировку и поворачивает устройство экраном ко мне. На обширной карте района мигает всего одна точка, ровно в том месте, где прямо сейчас находится наша заброшенная мастерская. В моих жилах холодеет кровь.

— Жучок на мне?!

— В твоём телефоне, — бесстрастно отвечает Айден.

Как будто от этого мне должно было стать легче. Когда он успел?! Но ответ напрашивается сам собой: у телохранителя было достаточно времени, чтобы установить что-то на моём телефоне. Например, в тот момент, когда он увозил меня с парковки университета на глазах у всех. Пока меня свалил приступ.

— Сука, — тихо вырывается с моих губ.

Лишь его бровь едва заметно вздрагивает, стремясь приподняться, но голос остаётся так же ровен:

— Не стоит благодарности.

Я со вздохом отворачиваюсь от него и в усталом жесте потираю лицо ладонями. Джексон возвращается к дивану, но не спешит садиться – сохраняя прежнее напряжение, он не спускает внимательного взгляда с Айдена. Лиам же выглядит так, будто из его глаз вот-вот выстрелят молнии. Похоже, слишком очевидное поражение сильно ударило его по самолюбию.

— Ты же человек, должен спать по ночам, — бормочу я. — Почему ты здесь?

— Не спалось, — лаконично отвечает телохранитель. — Интуиция подсказала проверить сигнал. Убеждаюсь, что ею никогда не стоит пренебрегать.

— А он в курсе, что это незаконно? — Лиам демонстративно разговаривает со мной так, будто бы самого объекта обсуждения с нами нет.

— Вряд ли это имеет значение, — я слегка морщусь. — Просто забейте, ребят, серьёзно. Сделаем вид, что его тут нет. Лиам, кстати, у тебя неплохо получается.

Пока среди парней поднимается пыльное обсуждение, и они наперебой начинают обосновывать абсурдность такого положения дел, Айден слегка наклоняется ко мне и тихо спрашивает:

— Мистер Мэйджерсон знает про это место?

Страх тонкими коготками впивается в моё тело.

— Нет.

От такой перемены в моём голосе даже среди парней стихает былое обсуждение, и пять пар глаз удивлённо устремляются на меня.

— И если ты хоть словом заикнёшься перед ним о мастерской, я тебе... — я теряюсь, перебирая десятки вариантов жестоких расправ.

— А мы поможем! — лучезарно скалится Лиам, явно поддерживающий любой из них. Для наглядности своих намерений он постукивает концом монтировки по колену. Похоже, он быстро забыл о своём недавнем поражении.

Ребята посматривают на Айдена и почему-то на их лицах мелькает откровенное удивление. Он что, улыбнулся?

— Понял.

Да, я слышу едва заметную улыбку в его голосе. Как же сильно она меняет его. Я усилием воли заставляю себя не поворачиваться, и это неожиданное желание увидеть столь редкое событие меня слегка напрягает.

— Чё ты понял, охранник продуктового? — с вызовом бросает Лиам.

— Я не стану ничего докладывать. Ровно до того момента, пока это место не представляет опасности для Шелл.

Я удивлена, что он не сказал что-то вроде «для моего объекта».

— Пф-ф, — Лиам закатывает глаза.

— Да мы и так сама безопасность, — миролюбиво улыбается Питер.

— Это правда! — вмешивается даже Лео. — Оглянись вокруг, мы сами всё здесь обустроили.

Айден даже не шевелится, полностью игнорируя парней. Лиам пожимает плечами и закидывает на них монтировку – возможно, лишний раз про неё напоминая.

— И чем вы занимаетесь здесь? — вдруг спрашивает Айден без особого интереса.

Вау. Он решил перестать морозить моих друзей.

— Мафия и нар... — тут же начинает Лиам, но Джексон резко взмахивает рукой, кидает на парня раздражённый взгляд и перебивает его:

— Ремонт старых машин.

Сейчас Лиам мог бы навлечь своей шуткой ещё большие неприятности на мою голову. Не думаю, что телохранитель обладает чем-то вроде чувства юмора.

После нескольких секунд молчания, в течении которых парни по очереди переводили взгляды прочь от Айдена, он наконец произносит вердикт:

— Малы вы для мафии. Но судя по тем баллончикам, вы те ещё ценители нелегального искусства.

Я кидаю взгляд чуть в сторону, где на старом верстаке сложена груда пустых и полупустых аэрозольных красок. На моих губах мелькает улыбка – Айден слишком внимателен.

Ребята слегка растеряны его проникательностью. Только Лиам и Ноа выглядят так, будто бы их не интересует разоблачение.

— Много старых машинных деталей и инструментов разной степени паршивости, — продолжает лаконично перечислять Айден. — Полагаю, мелкое воровство. У меня возникают вопросы к тем машинам, что вы бросили около мастерской. Многие выглядят так, будто их угнали со свалки. Интересно будет пробить их номера.

В мастерской воцаряется гнетущая тишина. Питер стремительно бледнеет, Джексон в напряжении застывает, а Лиам заинтересованно наклоняет голову.

Вот и раскрывается неприятная подноготная нашей компании. Не по себе становится даже мне, ведь с этого момента у нас всех официально начинаются проблемы.

Потому что Айден прав. Ремонт старых машин мы и вправду занимаемся, но тщательно скрываем, откуда их вообще берём. Скрываем также, какие вылазки совершаем на заброшенные и не очень объекты, и как именно нам достаются старые запчасти и принадлежности.

Мы мелкие воришки. Ну, как *мелкие*. Так можно сказать только если забыть, что на счету нашей команды как минимум три машины, спёртые с городской автомобильной свалки. Однако я не думаю, что кто-то, кроме наших энтузиастов Джексона и Ноа смог бы вернуть эти консервные банки к жизни. Теперь у них есть шанс найти новых хозяев.

Что ж, по крайней мере, Айден не догадался о...

— А судя по вашим личным машинам, что стоят в помывочной, вы любители ночных гонок. Думаю, таких же нелегальных.

...о стритрейсинге. Чёрт, Лиам, если бы не его вызывающие дизайны! А о чём думали ребята, позволяя ему творить из машин экспонаты для выставки андерграунда?

Лицо Питера приобретает почти зеленоватый оттенок, а Джексон и Лиам быстро переглядываются. Повернув голову обратно, Джексон в мрачном ожидании смотрит на телохранителя.

— Теперь сдашь нас копам? — тихо спрашивает он.

— Пусть только попробует, — почти ласково предупреждает Лиам.

— У нас тоже кое-что имеется, — Ноа мельком показывает экран своего телефона, на котором заметно открытое приложение диктофона. — Ответишь за чрезмерное преследование с использованием незаконного следающего ПО.

Ай да Ноа, ай да молодец. Конечно, это почти ничто по сравнению с нашими заслугами, но бой будет проигран не всухую.

Однако всё это оказывается ни к чему, ведь Айден спустя несколько тяжёлых секунд молчания спрашивает:

— Почему я должен вас кому-то сдавать?

Его голос кажется всё также бесстрастным, но я улавливаю в нём крупицу удивления.

Не выдержав, я оборачиваюсь на Айдена. Мне приходится слегка задрать голову, но на лице телохранителя, конечно же, нет никаких ответов. К счастью, на этот раз он решает пояснить сам:

— Ничто из того, что я здесь вижу, не несёт прямой угрозы моему объекту.

Вот и «объект». Чудно.

— По крайней мере, пока, — продолжает он, по очереди смотря на парней. — И я очень не рекомендую втягивать её в ваши дела. Вы можете заниматься чем угодно. Но если в этом будет замешана Шелл, я не имею права остаться в стороне.

Я в возмущении поворачиваюсь обратно к ребятам. Они же не думают отстранить меня от наших вылазок? Чтобы я приезжала сюда чисто так, потусоваться на пару часов и поесть? Но я же была неотъемлемым членом команды... по крайней мере, раньше.

— Звучит как уговор, — подмечает Ноа и, как и я, поглядывает на Джексона, ожидая его ответа.

Моё сердце успевает остановиться, пока Джексон в тишине принимает самое жестокое решение.

— Хорошо.

— Нет! — не выдерживаю я, вскочив с кресла. — Какого чёрта вы тут решаете мою судьбу в команде? Я вроде как была лидером, разве нет?

Джексон неловко улыбается и опускает взгляд. Конечно, мне не стоит забывать, что он как минимум старший из нас, да и к тому же, уже долгое время тащит на себе бремя лидера. Из-за меня же.

Я в отчаянии перевожу взгляд на Лиам, ожидая хотя бы его поддержки, но парень меня вовсе не замечает, только буравя взглядом Айдена — будто бы уже смирившись и просто злясь. Повернув голову, я смотрю на Ноа, Питера и даже Лео, но все они решают довериться голосу Джексона.

— Вот и снова минус один, — со вздохом подмечает Ноа. — А мы так никуда и не ходили.

Скрипнув зубами, я намереваюсь сесть обратно, но Айден останавливает меня прикосновением к локтю. Он снова слегка наклоняется ко мне.

— Твой отец скоро проснётся. Если не хочешь проблем, нужно вернуться как можно скорее.

Сбитая с толку, я обращаю взгляд к высоким окнам, за которыми и вправду светлеет предрассветное небо.

— Ладно, — с тихим вздохом сдаюсь я.

Машину я решаю оставить здесь – везти её в дом отца почему-то не хочется, да и смысла особого нет. Тайком на машине мне не уехать, а в обычное время Айден использует свою. Тоскливо взглянув в сторону своей крошки, я обещаю себе как можно быстрее разобраться со всей этой неразберихой, в которую превратилась моя жизнь, и вернуться к прежним распорядкам.

Парни тепло прощаются со мной. Питер заключает в долгие крепкие объятия, говоря что-то подбадривающее. Ноа, как редкостный противник лишней тактильности, лишь кивает. Лиам ерошит ладонью мои волосы и приобнимает, напоминая, кому следует звонить в случае чего. Тут же Лео обнимает меня так крепко, что у меня хрустит спина. Я немного посмеиваюсь, погладив его по голове.

И, наконец, Джексон. Впервые глубокий взгляд его карих глаз не вызывает во мне желания улыбнуться.

— Не злись на меня, Шелл, — мягко просит он. — Я делаю всё ради твоего блага.

Он странным образом напоминает мне отца. Я лишь покачиваю головой, надеясь, что он поймёт – я совсем не злюсь. Может, чувствую себя чуточку преданной. Расстроенной. Подавленной. Но я точно не злюсь. По крайней мере, не на Джексона. Потому что своё место в команде я потеряла не сегодня.

А почти два месяца назад.

Когда взяла и пропала из жизни всех этих людей.

Глава 10: Язык музыки

Несколько дней подряд тянутся однообразной чередой. Бесконечные часы, полные нудной, пускай и домашней учёбы. Вереница бессмысленных и раздражающих заданий, переписки по чёртовой электронной почте с преподавателями, и, в качестве отдушины от всего этого, почти постоянное общение с Софи.

Ближе к выходным, едва ли не закиснув совсем, я решаюсь попросить Айдена свозить меня в город – хотя бы ради захода в магазин за вещами первой необходимости. Конечно, можно было бы заказать всё доставкой или обратиться к любому работнику дома. Но я старательно игнорирую эти варианты, желая взять себя в руки и наконец проветриться, иначе моё комфортное затворничество в четырёх стенах рискует стать постоянным.

Как и всегда, Айден хранит молчание. За окнами машины мелькает однообразный лесной пейзаж – до дома остаётся всего ничего. Я то и дело проваливаюсь в поверхностную дрему, но всё равно замечаю, когда телохранитель вдруг тянется к гарнитуре на мочке уха и прикасается к ней, принимая входящий вызов. Из-за того, что Айден продолжает молчать, я уже всерьёз сомневаюсь, не поправлял ли он устройство просто так.

— Понял, — наконец кратко отвечает он и снова касается гарнитур, чтобы завершить звонок. Кинув на меня краткий взгляд, Айден лаконично сообщает: — Когда приедем, тебе стоит сразу подняться в комнату и не выходить около часа. Мистер Мэйджерсон принимает гостей по работе.

Я смотрю вперёд, стараясь разложить мысли по полочкам. Хочу уточнить, почему я буду мешать встрече, если отец уверенно заявляет, что этот дом – и мой тоже, но в итоге решаю промолчать. Такой вопрос всё равно был бы риторическим, а слушать очередное тяжёлое молчание в ответ мне не хочется.

Миновав главные ворота, Айден проезжает мимо основного крыльца и вместе со мной останавливается возле дверей гаража, ожидая, пока они медленно поднимутся. Обычно он паркует машину уже после того, как выпустит меня у крыльца, но сейчас, видимо, ситуация абсолютно иная. Меня всё больше напрягают такие перемены.

Из гаража мы перемещаемся в западное крыло дома. На широкой лестнице, ведущей на второй этаж, я замедлюсь: из обеденного зала доносятся далёкие, едва различимые голоса. Из-за обилия пустого пространства, слышимость в этом доме чудовищная.

Голоса принадлежат трём мужчинам. В одном из них я узнаю отца, а два других оказываются абсолютно незнакомы. Их резкость, раскатистость и хриплость не вызывают ни единой хорошей ассоциации.

— ...чёрта с два, Мэйджерсон! Мы так не договаривались, — один из мужчин заметно повышает голос, отчего я разбираю слова.

Спокойный и твёрдый голос отца что-то вкрадчиво отвечает, а секундой позже слышится хлопок двустворчатых дверей – один из собеседников явно покинул обеденный зал.

Я вижу его. Украдкой, всего на мгновение, когда мужчина мелькает в широком арочном проёме, разделяющем холл и лестницу. Массивное, крепкое телосложение, небритое, бугристое лицо и лысая голова. Но главное – разъярённый взгляд, от которого мой желудок сворачивается тяжёлыми узлами.

Почему-то я представляла работников научной и инженерной отрасли немного иначе. Но с другой стороны, если это механик или разработчик... Да и вообще, с чего бы вешать на профессии ярлыки о том, как должны выглядеть её представители?

Я вздрагиваю от неожиданности, когда Айден прикасается ладонью к моей спине. Только мгновением позже я понимаю, что таким образом он меня потирает. Я не испытываю

ни малейшего желания оставаться на лестнице, поэтому бодрым шагом преодолеваю все ступеньки.

Оказавшись в комнате, я выдыхаю. Лёгкая волна облегчения ложится на плечи, а взгляд падает на электронные часы: 16:49. Значит, я как раз вовремя.

Не успеваю я толком включить ноутбук, как тут же на весь экран всплывает входящий звонок от Софи. Я невольно улыбаюсь, когда вижу подругу.

А она в своём извечном репертуаре. Вокруг неё шум и гам, в кадре мелькает яростно махающий крыльями какаду – один из любимцев Софи. Попугай сидит на её руке, раскрыв клюв в возмущённом крике. Где-то на фоне слышна музыка, будто бы Софи только закончила очередной кавер-денс. Интересно, изучала ли она новую хореографию, или повторяла хорошо знакомые? Сама я не слишком фанатела от корейской музыки, но с точки зрения перформанса, особенно в исполнении Софи, меня это всегда завораживало.

— Почти, немедленно прекрати! — прикрикивает она на попугая. Какаду опускает голову, забавно растопырив перья на загривке. От его заискивающего вида Софи заливисто смеётся и сгоняет проказника с руки.

Моя вечная оптимистка почти неотличима от себя обычной, однако я нутром чувствую – что-то не так. Это читается буквально в мелочах: тёмные тени, пролегающие под глазами, едва опущенные уголки губ и... взгляд янтарных глаз, в котором умело скрывается тоска.

— Что случилось? — решаю я не ходить вокруг да около.

Этот вопрос застаёт Софи врасплох. Помолчав, она сдаётся, тяжело вздохнув, а после нехотя поясняет:

— Неудачное свидание. Ничего нового.

— Тот парень... как его там звали? — я прекрасно помню его имя, но не могу удержаться от намеренного пренебрежения к личности человека, обидевшего Софи. После такого он автоматически становится врагом, недостойным имени. — Трент? Тревис? Дай угадаю, он оказался мудаком?

— Угу.

От этого тихого, обречённого ответа, мне становится не по себе. Я слишком привыкла к Софи-непобедимой-оптимистке, чью непоколебимость и целеустремлённость трудно надломить даже чередой неудач. Что такого сделал этот уродыш, чтобы довести это солнце вот до такого состояния?

Сейчас она особенно сильно напоминает мне Софи того времени, когда мы только познакомились. Сломленная, уверенная в собственной никчёмности и полной безнадёжности будущего. Софи многого стоило трансформироваться в личность, которую я знаю сейчас. И чёрта с два я позволю какому-то ушлёпку сбросить её обратно в то болото.

— Рассказывай, — безоговорочно требую я.

Задумчивым движением Софи собирает пушистые кудри в хвост и подвязывает их тонкой резинкой. Взгляд её блуждает по столу, будто бы девушка взвешивает, что стоит рассказывать, а о чём лучше умолчать. Думаю, она опасается, как бы я не взяла билеты на самолёт до Таунсвилла и не нашла этого уroda сама. Её подозрения не так уж неправдивы, признаю.

Однако чем дольше молчит Софи, тем мрачнее становятся предположения, мелькающие в моей голове. Что он сделал? Унизил её при других? Отверг? Или... нет, потому что тогда Софи вряд ли сидела бы здесь. Однако клубящаяся во мне ненависть к этому человеку разрастается штормом.

— Да ерунда, — вздыхает наконец Софи. — Он пригласил меня пройтись по набережной, а потом поужинать в кафе. Типичный сценарий. Всё было нормально, но он иногда лез целоваться и обнимал так... ну, знаешь, близко. Я отшучивалась пару раз, а потом сказала прямо, что мне это не нравится и что он торопится.

Моя кровь стынет в жилах, хотя я знаю, что эта история вряд ли свернёт к тому, что вгоняет меня в ужас от одной только мысли.

— Он как будто оскорбился. Пф, такое чувство, будто бы я потребовала чего-то сверхъестественного, а не соблюдения личных границ. Но мы дошли до кафе, и вроде бы этот момент замялся. Мы заказали еду, разговор не клеился. В итоге он отошёл со словами «я сейчас», якобы в уборную.

Догадка мелькает в моём сознании и заставляет округлить глаза.

— Он что...

— Да, он просто свалил! — выпаливает Софи в негодовании. Я мысленно радуюсь, что в ней проявляются именно эти эмоции вместо самокопания и попыток найти, в чём же она виновата. — Свалил и оставил оплату ужина на меня. Заблокировал везде и просто сделал вид, что меня никогда не существовало. Сначала я злилась. А потом... не знаю. Может, я реально становлюсь душлилой со слишком старомодными границами?

— Он просто конченный мудак, — выношу я свой вердикт и добавляю уже угрожающе: — Ни в коем случае не смей винить в этом себя. Даже не думай.

Софи заставляет себя улыбнуться. Наблюдая за тем, как она побеждает неприятные воспоминания, явно уязвившие её, я задумываюсь о том, как часто подобное происходит в жизни Софи. За кропотливо выстроенной стеной позитива и спокойствия скрывается человек, главная слабость которого проста как мир.

Одиночество. Давнее, доводящее до отчаяния, проклятое одиночество. Не то чтобы Софи была обделена вниманием – скорее ровно наоборот, но, как правило, ничего серьёзного у неё никогда не получалось. Она окружена давлением своей консервативной, излишне контролирующей семьи, и в попытках противостоять ей стремится к максимальной свободе.

Таким человеком легко воспользоваться: стоит лишь дать надежду на серьёзную близость, поддержку и те самые прекрасные, всепоглощающие чувства, о которых пишут в книгах. Особенно легко подобное даётся таким, как мистер-не-заслуживающий-имени. Я искренне рада, что в этот раз парень вроде него не получил желаемого. Софи делает огромные успехи в самозащите не только от таких вот личностей, но и от себя самой. Вот и сейчас она встряхивает головой, по привычке касается крупных металлических серёжек на левом ухе и заявляет:

— Так, хватит уже обо мне да обо мне. Расскажи лучше, как дела у тебя.

Не удержавшись, я фыркаю:

— Всё чудесно. Теперь, благодаря Айдену, я отстранена от всех серьёзных вылазок нашей команды. Иначе я не смогу посещать мастерскую вообще, он просто сдаст меня с потрохами.

— Ты про ребят из той несчастной заброшенной конторки? — янтарные глаза Софи весело сверкают. — Ну хоть кто-то оградил тебя от этой шайки юных незаконников.

— И ты туда же? Поверить не могу...

— Расслабься, я просто шучу. Я знаю, как тебе важна эта стайка волчат. Ты же у них как мама-волк.

— Из твоих уст это всё звучит детским лепетом, — я морщусь, внезапно ощутив себя крайне глупо и нелепо.

— Это ты так слышишь. А я рассуждаю серьёзно. Ты всегда чувствовала себя обязанной отвечать за них всех, за состояние этой вашей заброшки и за всё, чем вы там занимаетесь. А теперь, когда тебя лишили возможности действовать, как ты привыкла, ты ожидаемо бунтуешь. И конечно же, всех петухов получает наш бедняга Айден.

— Да не то чтобы, — рассеянно подмечаю я.

А ведь я и вправду не устраивала ему выволочек. Даже... странно.

— Вау. — Софи заинтересованно наклоняет голову. — Неужели твоё ледяное сердце начало оттаивать? Это стоит отпраздновать.

— Ничего у меня не оттаивает.

— Да? Ну ладно, вернёмся к теме разговора. Мне кажется, всё складывается только лучше. Ну вот что кардинально изменится от того, что теперь ты будешь, так скажем, удалённо руководить командой, не влезая по уши в дерьмо вместе с ними?

Мне требуется несколько долгих секунд перед тем, как отпустить с губ единственный честный ответ:

— Мне будет ещё тяжелее вернуть себя.

В комнате воцаряется тишина – Софи ещё никогда не делала таких длинных пауз в наших разговорах. Я смотрю в стол, не видя экрана, и уже думаю, что видеозвонок прервался, но, когда поднимаю глаза, то сталкиваюсь с внимательным взглядом подруги.

— Не знаю, что ты там думаешь, но прямо сейчас я сижу и разговариваю с той же самой Шелл, что была и пару месяцев назад. А ты делишь всё на «до» и «после». Не кто-то или что-то за тебя, а именно ты сама расщепляешь себя, прочерчиваешь жирную линию. Но даже если ты не можешь это остановить, хорошо. Тогда играем с твоим мозгом по его правилам. — Софи улыбается и хитро прищуривает глаза. — Знаешь, что я думаю? Мы все постоянно меняемся, но в итоге всегда становимся теми, кем должны быть изначально. Так почему ты считаешь, что твоё «после» делает тебя каким-то другим человеком, а не новой версией той же самой Шелл? Может, ты зря ей сопротивляешься.

Мне впервые настолько нечего ответить. Ощущение такое, словно меня разоружили, приставили к стенке и наставили тысячи орудий одновременно. Мой взгляд метается по столу, но так и не цепляется ни за один предмет.

Не знаю, сколько мы сидели молча. Но Софи не нарушала эту тишину ни единым звуком.

Тихий рокот двигателя каждый раз вгоняет меня в дрему. Я упрямо цепляюсь за остатки бодрости, и, подавив зевок, бурчу:

— Я в собственной кровати так легко не засыпаю, как в этой машине.

Айден, не изменяя себе, отвечает на мою реплику молчанием. Пожалуй, я начинаю привыкать. Более того, его непробиваемое спокойствие и отрешённость намного лучше, чем если бы он всерьёз что-то ответил на мои глупые слова.

Потерев глаза, я сажусь ровнее и со вздохом достаю из рюкзака две толстые тетради. Чем клевать носом, лучше ещё раз проверить, всё ли готово к сдаче. Не хочется давать миссис Нитсен лишний повод докопаться и оставить меня после пар, дабы «доступно объяснить плохо усвоившийся материал». От одной только мысли о такой внеурочной зубрежке меня передёргивает. Терпеть не могу.

Внезапно Айден касается экрана медиасистемы. Хоть какое-то движение с его стороны, помимо управление рулём, кажется мне удивительным. Он выбирает в настройках пункт «подключение нового Bluetooth-устройства», а потом вдруг произносит:

— Можешь включить свою музыку.

Я удивлённо моргаю, так и застыв с неперевернутым до конца листом тетради. Однако возможность послушать любимые треки на хорошей системе я не упускаю.

Отчего-то в моей груди начинает взволнованно колотиться сердце. Я со стыдом признаюсь сама себе в этом глупом трепете, прячу это чувство как можно глубже, лишь бы не думать о том, как оно застало меня врасплох.

Никто и никогда не предлагал мне послушать мою любимую музыку вместе. Интересно, как отреагирует Айден? И тут же я обрываю себя: ему определённо нет дела до моих музыкальных предпочтений. Нечего ждать его реакции. Потому что он так и будет сидеть с прежней непроницаемой миной. Молча.

Я несколько раз пролистываю список сохранённых треков в поисках самого достойного. Выбор оказывается не так сложен: мои любимые Starset и их неповторимая «Trials». Моя бравада, моё негласное кредо.

Шальная идея мелькает в голове соблазнительным предложением. На губах мелькает слегка злорадная улыбка. Я специально прожимаю на телефоне максимальную громкость. Мне интересно, пробьёт ли хоть что-то эту вечную непроницаемость истукана, которой так умело придерживается Айден.

Когда я нажимаю на воспроизведение трека, от начала мелодии я вздрагиваю сама. Однако Айден будто бы вовсе не способен на нечто подобное. Даже взгляд его, устремленный на дорогу, ничуть не меняется. Он с прежним спокойствием проворачивает колесико громкости, убавляя звук до комфортного.

— Ты вообще что такое? — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю обдумать вопрос.

— М? — Айден кидает на меня беглый вопросительный взгляд и возвращает внимание на дорогу.

— Ты даже не вздрогнул. Как ты это делаешь?

Он едва заметно пожимает плечами.

— Такая работа.

Стоило догадаться. Теперь моя маленькая пакость выглядит поистине глупо.

Некоторое время мы едем в тишине. Мысленно я повторяю строки знакомой песни, наблюдая за тем, как по обе стороны от дороги зелёным калейдоскопом проносятся лесной массив. Я не придаю значения давно заученным словам и набиваю неровный ритм пальцем.

— Не думал, что ты любишь Starset.

Тихий голос Айдена вырывает меня из некоего транса. Я растерянно моргаю, уставившись на него. Неужели...

— Ты знаешь их? — недоверчиво протягиваю я.

— Слушаю все выходящие песни.

Признаться, у меня буквально отпадает челюсть. Такое неожиданное совпадение в музыкальных вкусах... слишком сказочно. В своё время я прикипела душой к Starset именно из-за их тесной связи с тематикой космоса. Она пронизывает тонкой нитью их музыку, тексты, концепты — буквально всё, что они делают. Эта связь манила меня на подсознательном уровне из-за единственной ассоциации с отцом, о котором я не знала ничего, кроме как то, что он как-то связан с космической промышленностью. Стоит допустить, что Айден набрёл на эту группу примерно так же: просто потому что давно работает на человека этой сферы. Тема космоса так или иначе могла завлечь его хотя бы понаслышке.

Однако почему-то мне верится с трудом.

— Ты врёшь.

Айден игнорирует обвинение. Молчаливое напоминание о том, что ему плевать, что я там думаю. Он сказал — а это уже, считай, сделал одолжение.

Пока я преисполняюсь глухого раздражения, Айден вдруг достаёт свой телефон. Мимолётная мысль врывается в завесу моей мрачности: устройство такое же строгое, чёрное, с безупречным тёмным экраном, под стать своему владельцу.

Такое же скучное.

Взгляд телохранителя с поразительной скоростью метается между загоревшимся экраном телефона и дорогой. Айден контролирует и то, и другое, умудряясь даже без сбавления скорости найти в телефоне приложение медиаплеера, а после и экран подключения к другим устройствам.

Сигнал с моего телефона перебивается, когда Айден подключает к машине свой. Всего два клика — и открывается целый плейлист. Я украдкой поглядываю на названия композиций и замираю.

Он не соврал. Тут буквально все песни Starset.

И включает он именно «Telepathic». Песню, от которой у меня и так каждый раз перехватывает дыхание, а когда мелодия окружает буквально со всех сторон, это становится мукой и удовольствием одновременно. Почему-то мне кажется неуместным наслаждаться музыкой в присутствии кого-то ещё.

Почему именно эта песня? Почему именно она из огромного списка других? Я неосознанно вслушиваюсь в слова и впервые от смысла песни меня пробирает такая дрожь.

А ещё я понимаю, что теперь «Telepathic» всегда будет вызывать у меня воспоминания об этом моменте. Об этой машине. О пустой, сырой после дождя дороге, по которой она несётся. О странных словах, повисших в воздухе текстом песни. О мелодии, звучание которой отдаётся где-то в глубине моей грудной клетки.

И о человеке, который сидит за рулём.

Глава 11: Тюнинг

К счастью, с миссис Нитсен я заканчиваю быстро. Отстрелявшись по её предмету окончательно, я покидаю аудиторию с воодушевляющим ощущением победы. Хотя бы частичной.

В коридоре я сталкиваюсь со своими знакомыми по курсу. Мы перебрасываемся парой ничего не значащих фраз ради приличия – я старательно вживаюсь в роль нормального, социального человека. Точнее, натягиваю её на себя, как личину, в которой мне никогда не будет места.

Однако вопрос, заданный ребятами вскользь, меня всерьёз тревожит.

Не видела ли я Питера, примерно так он звучит. Оказывается, его ищут преподаватели, и некоторые из них всерьёз рассержены постоянными пропусками и невыполненными работами. Питу грозят серьёзные неприятности, и, слушая дальнейшую пустую болтовню ребят, я не могу сосредоточиться ни на чём-другом.

Потому что я догадываюсь, почему Питер может прогуливать пары. Точнее, из-за кого. Глухой гнев отравой скользит по венам, и из здания университета я выхожу в отвратительном настроении. Садясь в машину, неосознанно хлопаю дверью, отчего сама же вздрагиваю. Опасливо кошусь на Айдена, но тот лишь в немом вопросе приподнимает бровь.

Почему-то меня впервые так и подмывает поделиться мрачными размышлениями и тревогами. Я с сомнением смотрю на телохранителя, а потом, мотнув головой, утыкаюсь взглядом в телефон.

Как и ожидалось, на звонки и сообщения Питер не отвечает. Не то чтобы я особо надеялась, но попробовать стоило. А теперь пора переходить к следующему этапу поисков.

Беседа с ребятами из мастерской закреплена в списке диалогов. Спустя несколько минут я прихожу к неутешительному выводу: в мастерской Питер не появлялся уже несколько дней. Как написал чуть позже Ноа, волноваться не о чем – Питер бывает пропадает вот так, завязнув либо в играх, либо в попытках спасти катящуюся в бездну успеваемость.

Но что-то подсказывает мне, что проблема здесь иная.

И имя ей – Нейтан Пирс. Он и его мерзкая компашка то и дело травят ребят вроде Питера. Травит тех, кто не способен дать серьёзного отпора, и за чей счёт можно самоутвердиться, поржать как следует и заработать репутацию «плохих парней». Они делают это просто потому, что могут. Ради развлечения. Может, конечно, они проходили через унижения в прошлом, а сейчас отыгрываются, попав на такое высокое положение. Мне плевать, что служит причиной. Ни одна из них не оправдывает этих парней в моих глазах.

Ненависть, омерзение, жажда возмездия. Эти паршивые чувства стервятниками кружат надо мной, то и дело жаля ядовитыми клювами. Я поворачиваю голову к окну и в задумчивости вожу кончиком указательного пальца по мягкой кожаной обивке дверной ручки.

Как я могу поставить этих уродов на место? Как бы сбить с них спесь, при этом не опозорившись, как в прошлый раз? Один в поле не воин, особенно когда за тобой вечно наблюдает кто-то вроде Айдена. Натравить его на них, сказать, чтобы разбил им рожи? Слишком по-детски, да и вряд ли он согласится вписываться в такие серьёзные неприятности. К тому же, разбитые рожи тут не помогут. Нужно что-то... большее.

Идея вспыхивает в сознании, и то, насколько простой и очевидной она оказывается, заставляет меня широко улыбнуться. Пожалуй, она не настолько безотказна, чтобы положить конец издевательствам, но как же сладка будет такая месть...

Айден кидает на меня долгий взгляд, будто бы понимая, что *такая* моя улыбка не сулит ничего хорошего. Мне даже хочется утешить телохранителя – сегодня не его судный день.

— Сверни на шоссе, — прошу я, сдерживая нетерпение. — Заедем в мастерскую, ненадолго.

О да. Для моей затеи мне нужны мои ребята.

Выслушав мой краткий рассказ, Джексон скептически хмурится. Лиам же наоборот, одобрительно посвистывает и хлопает меня по плечу.

— Вот это уже по-нашему.

— Такое дело может выйти боком, — покачивает головой Джексон. — В том числе и для Питера. Если Нейтан никак не причастен к его нынешней пропаже, получится, мы нападём просто так.

— Просто так? Поверь, у этого уродца и его свиты огромный послужной список, — горячо выпаливаю я. — Ты думаешь, Питер — единственный, кого они жмут смеха ради? Ничего не будет просто так, даже если Пит избегает не их. Мудаки должны получать по заслугам.

Но с лица Джексона не сходит отражение сомнений и тревоги. Я не ожидала, что главным противником моей затеи будет именно он. Я в отчаянии оборачиваюсь на остальных ребят, и в этой компании мучительно не хватает Пита. Вот уж кто всегда поддерживал любую мою инициативу.

— Напомните мне, с каких это пор мы не стоим за своих? — спрашиваю я, не ожидая никакого прямого ответа.

Парни делятся на два лагеря. Ноа и Джексон — против. Лиам и Лео — горячо и всеми руками за.

А Айден... ну, что Айден. Стоит в стороне, внимательно наблюдает за мной. В какой-то момент мне становится интересно: он бы поддержал меня? Что он вообще думает обо всём этом? Остаётся только догадываться, ведь мистер-молчание скорее костыли прямо здесь ляжет, чем станет похож на живого человека.

Джексон медленно вздыхает. В задумчивости он переводит взгляд на ребят, а потом обратно ко мне. В глазах его мелькает тёплое, знакомое мне выражение, и оно, как ничто другое, дарит мне надежду.

— Даже если я буду против, ты просто сделаешь это без моего участия. А Лиаму и Лео я тебя не доверю. Точно не им. Поэтому пойдём все вместе.

Облегчение освобождает мои плечи от напряжения. Я улыбаюсь и подавляю желание крепко обнять юношу.

— Кстати, а как же твой цербер? — Лиам лениво кивает в сторону Айдена. — Он нас копам-то не сдаст, как грозился?

О, на этот вопрос у меня подготовлен занятный ответ. Губы сами собой изгибаются в улыбке, особенно когда я замечаю, как напрягается телохранитель.

— Айден против того, чтобы конкретно *вы* втягивали меня в неприятности, — протягиваю я и поворачиваюсь лицом к мужчине. — Но он ничего не говорил про те, что организованы *мною*.

Едва заметный прищур глаз — весь его ответ.

Я улыбаюсь, пока ребята расходятся по мастерской, начав сборы. Оружием для нашего сегодняшнего дела становятся вещи, к которым мы все привыкли больше, чем к чему-либо ещё: баллончики с красками, старые хозяйственные ножи, молотки для кузовных работ, бейсбольные биты, гвозди и гаечные ключи.

Когда вся команда оказывается в сборе, Лиам широко улыбается, расслабленно подбрасывает в ладони баллончик с ярко-красной краской и протягивает:

— Сделаем мудакам тюнинг их любимых корыт?

— Похоже, этот парень сильно насолил тебе.

Айден разговаривает так редко, что каждый раз у меня кровь стынет в жилах, как от чего-то максимально противоестественного. Я перестаю следить за дорогой и поворачиваю голову к телохранителю.

— Кто? — глупо переспрашиваю я и тут же соображаю: — А, Нейт? Ну, можно и так сказать.

Только это не совсем правда. Нейтан Пирс ничего крайне плохого мне не делал. Точнее... Не конкретно он.

— Мне любопытно, почему ты никак не можешь оставить его в покое и не влипнуть в неприятности.

Слово «любопытно» кажется ровно противоположным всему, что я знаю об Айдене.

— Я уже говорила. Он в ответе за издевательства над Питером. А Пит часть моей команды. Мы всегда защищаем своих.

На этот раз Айден молчит так долго, что я уже ставлю мысленную точку в нашем странном разговоре. Однако спустя время он тихо говорит:

— Звучит благородно. Но выглядит так, будто бы за местью этому парню ты скрываешь какой-то собственный вызов.

И снова долгое молчание. Я не хочу спорить, да и банально не знаю, что отвечать. От мысленного разговора с самой собой тоже сбегая и смотрю в зеркало заднего вида, проверяя, не слишком ли велик разрыв между машинами. За BMW Айдена следует внедорожник Джексона, в котором располагаются и остальные. Ехать со мной и моим «цербером» никто не решился.

— Надеюсь, ты понимаешь, что участвовать в этом ты не будешь, — произносит он вдруг.

Как нагло. Звучит так, словно именно это я и должна сделать. Я давлюсь хохотком и максимально серьёзно отвечаю:

— Конечно.

Давай, милый Айден, расскажи моему отцу, что я ввязываюсь в сомнительные и не совсем легальные дела. А заодно поведай, что ты сам катаешься со мной в заброшенную мастерскую к парням, о которых мой отец ничего не знает. Хотя именно от тебя он должен был получить чёткий доклад на каждого с заранее раскопанной биографией. Ещё в самом начале.

Я бы посмотрела на папину реакцию, раскройся вся эта интереснейшая история. Думаю, Айден понимает, в какой невыгодной ситуации он оказался по собственному же доброму порыву. В какой-то момент мне даже становится стыдно: я так нагло пользуюсь ситуацией, что, пожалуй, заслуживаю в своих глазах звание стервы.

Но это того стоит. Мне необходимо это сделать.

Мы останавливаемся возле въезда на территорию университета. Здесь бросаем машины — чтобы не засветить номера на камерах видеонаблюдения.

Я натягиваю на лицо бандану, закрывающую всё ниже глаз. На голову нацепляю старую чёрную бейсболку, накидываю на плечи бесформенную толстовку, позаимствованную из мастерской. Кидаю на Айдена напряжённый взгляд.

— Либо прикрой лицо, либо оставайся в машине, — предупреждаю я.

— Нет необходимости, — безмятежно отзывается Айден. — Мы с тобой будем держаться в стороне.

Конечно. Я стискиваю челюсть.

По-хорошему, он прав. Я действительно должна остаться в стороне и дать ребятам исполнить мою затею. Совсем не важно, буду ли я участвовать напрямую. Мне стоит придерживаться голоса рассудка.

Но я не смогу. Я отчётливо понимаю это, когда мы проникаем на территорию парковки и мой взгляд приковывается к машине Нейтана.

Не новый, но всё ещё достойно выглядящий Porsche 911. Белоснежный, блестящий так, что слепит глаза. Безвкусные голубые полосы на капоте и крыше, уходящие на задний бампер. Машина полностью соответствует своему хозяину. Я даже не обращаю внимания на безликие седаны, стоящие рядом – тачки его свиты. Моя цель конкретна.

А за моей спиной стоит моя команда. И пускай в ней появилась лишняя и довольно странная фигура, я давно не испытывала такого ощущения единства и поддержки.

Меня переполняет предвкушение возмездия. Как бы мелко и глупо не было то, что я затеяла, это самое безобидное, что заслуживают такие, как Нейтан Пирс. Я отомщу ублюдку. И за прошлое, и за будущее, которое обязательно случится, если такие люди не будут получать по заслугам.

На этот раз начало цепочки кроется не в страхе.

Оно кроется в боли.

В обиде.

В отчаянии.

Сундук с этими чувствами, похороненный в самой бездне моего существа, запечатан толстыми цепями так, что даже я не осознаю, что Нейтан Пирс не имеет к этому грузу никакого отношения.

Я собираюсь отомстить невиновному. На его месте ровным счётом мог быть кто угодно, но моё сознание прячет от меня эту простую истину так умело, будто бы только так можно избавиться хотя бы от грамма той ноши, захороненной глубоко внутри.

— Возьми-ка.

Голос Лиамы вырывает меня из мыслей. Я слегка поворачиваю голову к парню, пока он вкладывает в мою ладонь крупный строительный гвоздь. Только сейчас я запоздало ловлю себя на том, как хаотично моё дыхание.

Испугавшись, что неподконтрольные мне эмоции видны другим, я тут же беру себя в руки. Крепко сжимаю в ладони своё оружие, будто бы это не простой гвоздь, а по меньшей мере легендарный меч.

Когда ребята устремляются к машине Нейтана, я оборачиваюсь на Айдена. Наши взгляды сталкиваются: его – пристальный, напряжённый, и мой – вызывающий, отчаянный и упрямый.

«Давай, — светится в моих глазах. — Попробуй остановить меня». Я готова к сражению. Перманентно. Не важно, с кем.

Но Айден делает то, к чему я готова не была.

Он просто прикрывает глаза.

Будто бы...

Сдаётся. Принимает мою сторону.

А потом просто разворачивается и встаёт к нам спиной, начав наблюдать за окружением. Парковка пуста – но время на исходе, скоро могут появиться студенты. Но Айден наверняка предупредит нас заранее.

Моё сердце бешено колотится о рёбра, пока я, окаменев, смотрю в спину телохранителю. Он не стал спорить со мной. Не стал насильно тащить к машине, не стал говорить, что я совершаю ошибку.

Почему он решил бороться не *против* меня, а *вместе* со мной?

Тихое шипение баллончиков краски заставляет меня повернуться обратно к ребятам. Они уже приступили к работе.

Быстрыми мазками краски Лиам начинает похабный рисунок прямо на крыло спорткара, пока Ноа методично прокалывает шины двум ближайшим тачкам. Лео подкладывает под дворники машин рекламу ближайшей автосвалки: «металлолом – дорого!». Джексон легко, почти

играючи наносит первый удар бейсбольной битой – прямо по зеркалу бокового вида. Бандана скрывает его лицо, но серая толстовка и чёрная джинсовка остаются всё теми же. В университете ребят никто не знает, а вот мне стоило бы скрываться получше.

Я сжимаю в ладони уже нагретый гвоздь. Быстро подхожу к капоту и грубыми, сильными движениями наношу лаконичное послание, придуманное прямо сейчас.

«В следующий раз будет огонь».

— Почему?

Этот вопрос срывается с моих губ тихим выдохом, как только я сажусь обратно в машину Айдена. Он не смотрит на меня, поглощённый тем, чтобы как можно быстрее уехать с парковки. Визжат шины, и серая BMW устремляется вслед за внедорожником прочь от места мелкого преступления.

— Почему я нарушил протокол? — задумчиво уточняет Айден, слегка расслабившись. — Сложный вопрос. Я видел, насколько это важно для тебя.

Мужчина поглядывает в зеркало заднего вида. Убедившись в отсутствии погони, он кидает на меня беглый взгляд.

— Подумал, так я помогу тебе больше, чем если приму должные меры. В прошлый раз с ними вышло паршиво. В конце концов, моя главная задача звучала как «оберегать», а не как «наставлять на путь истинный». Я же не полицейский. И не священник.

— Значит, ты пойдёшь со мной, даже если я решу ограбить банк? — вырывается у меня нервным смешком.

— В пределах разумного, Шелл. Я всё ещё не поддерживаю то, чем вы занимаетесь.

Порча чужого имущества немногим отличается от ограбления. Всего лишь размером тюремного срока. Однако сегодня, вопреки всем ожиданиям, Айден был с нами, а не против нас. А для меня это значит очень многое, как и для всех, кто сегодня пошёл за мной. Поэтому, набрав в грудь побольше воздуха, я выдаю тихое:

— Спасибо.

Глава 12: После огня

— Порча чужого имущества?!

Последствия моей идеи настигают меня спустя всего два дня. Отец мечется по обеденному залу, как зверь в клетке. И даже его неспешные, тяжёлые шаги, кажутся мне слишком громкими и яростными. Моё сердце колотится о рёбра, и я не хочу признаваться себе в том, что боюсь папу.

Айден стоит прямо за моей спиной. Его присутствие выручает меня и дарит ощущение относительной безопасности. Хотя я очень сильно сомневаюсь, что телохранитель вправе вмешиваться в дела босса напрямую. Я сижу за столом, опустив голову. Я должна вытерпеть эту выволочку. Хотя бы потому что она абсолютно заслуженна.

Впрочем, я ни о чём не жалею.

— Ты хоть знаешь, что я выслушал от этой истерички из администрации? — сокрушается отец, и я даже испытываю к нему долю сочувствия.

Беседы с миссис Ларк, социальным педагогом и по совместительству главой университетской администрации – та ещё мука. Особенно для человека, который не привык выслушивать выволочки за других.

— Как они узнали меня? — осторожно спрашиваю я.

Отец резко разворачивается ко мне. Его гневный взгляд пригвозждает меня к месту.

— Тебя это волнует, серьёзно? Камеры, Шелл! По ним тебя опознал владелец машины, которую ты испортила вместе с кучкой неизвестных!

Несмотря на волнение, я едва прячу ядовитую улыбку. Представляю, как Нейтан – надеюсь, в слезах, – требует декана выгрузить записи с камер видеонаблюдения и просматривает минуту за минутой, час за часом, пока с пеной у рта не начинает доказывать, что знает одну из виновных. Надеюсь, Нейтан Пирс познал отчаяние.

Тем временем папа переводит такой же пылающий взгляд куда-то поверх моей головы.

— А ты, олух, где в это время был?!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не обернуться и не обменяться взглядами с Айденем. Судя по всему, на камерах его видно не было, телохранитель держался вне зоны видимости. Умно, даже не удивительно. Но это не спасает его от прямого вопроса, соврать в ответ на который он не имеет права.

Зато имею я.

— Я сбежала, — отвечаю я быстрее, чем он успевает открыть рот.

Суровый взгляд отца возвращается ко мне. Я чувствую это едва ли не всем своим существом, но, несмотря на сжимающий горло страх, поднимаю голову и смотрю отцу прямо в глаза.

— Сбежала от своей охраны, набрала какую-то шайку, испортила чужую машину, сбежала с места преступления, — гневно перечисляет он. — Чтобы успокоить родителей этого парня и замять дело в университете, мне пришлось отдать крупную сумму. Зачем ты в это ввязалась, Шелл? Я не ожидал от тебя такой низости.

Презрение, сквозящее во взгляде папы, ранит меня куда больше, нежели его гнев. Меня начинает захлёстывать отчаяние.

— Низости? — переспрашиваю я на выдохе. — Ты бы знал...

— Я не хочу ничего знать! Я не хочу, чтобы моя дочь прославилась хулиганкой в двадцать один год. Что за недостойное поведение в таком возрасте?

Обида, чувство несправедливости и вины смешиваются с яростью. Опасный коктейль заполняет мой рассудок, слова вырываются изо рта быстрее, чем я успеваю их обдумать:

— Зато у тебя есть шанс наверстать упущенные годы воспитания, только вот с таким подходом ты с этим не справишься.

Пока отец, явно не ожидавший подобной дерзости, буквально прожигает меня взглядом, я взрываюсь окончательно и резко встаю из-за стола. Громко скрипит стул, а после наклоняется назад, рискуя с грохотом упасть, однако ожидаемого шума не следует – Айден успевает подхватить стул за спинку и аккуратно отставить в сторону.

Я выдерживаю взгляд отца только потому что нахожусь в этом зале не одна.

— А ты скажи мне, как нужно было поступать, — отчеканиваю я, смотря ему в глаза. — Расскажи, как нужно было решать дела с человеком, который травит моего лучшего друга и ни во что не ставит ни единую душу, будто весь этот мир крутится вокруг него? Расскажи, какую политику мне стоило избрать против козла, который понимает только язык таких же идиотских поступков, которые совершает сам?

Я выпаливаю эти слова с отчаянием, мой голос предательски дрожит. Наверное, отец видит слёзы, едва ли удерживаемые мной в уголках глаз. Чёрт возьми, я выгляжу абсолютно по-идиотски.

Но отчего-то плечи отца едва заметно опускаются. Он смотрит мне в глаза и молчит. В сущности, ответить ему нечего. Как я и предполагала.

Мне срочно нужно выпустить пар. События последней недели будто бы скрутили в тугой комок все мои нервы, а это состояние приносит катастрофический, нескончаемый дискомфорт. Волнительные события вроде бы остались позади, а вот тело всё ещё скручено напряжением, как старая ржавая пружина.

Поэтому, направившись прочь из обеденного зала, я прохожу мимо лестницы на второй этаж и быстрым шагом направляюсь к выходу во внутренний двор. Оказавшись на улице, жадно вдыхаю прохладный воздух и разжимаю добела стиснутые кулаки. Под ногами мягкий песок вперемешку с редкими вкраплениями травы – лучше и не придумать. Я разворачиваюсь к Айдену и сталкиваюсь с его немимым вопросом, выраженным в слегка приподнятой брови.

— Ты же знаешь какие-нибудь основы самообороны?

Только произнеся этот вопрос, я понимаю, насколько нелепо он звучит. Стоило сформулировать иначе: ты знаешь именно *основы*, а не слишком сложные профессиональные элементы? Но уже поздно.

В его взгляде я замечаю отголосок удивления. Наверное. Мне всё ещё трудно различить, какие эмоции я сама придаю его лицу, а какие можно увидеть на самом деле.

— И не только основы. Почему ты спрашиваешь?

— Научи меня.

Вот теперь удивление в его взгляде точно настоящее.

— Ты уверена?

— Угу. В конце концов, лишними такие навыки точно не будут. Как там это делается? — я выставляю вперёд слегка сжатые кулаки. — Что-то такое?

Я пытаюсь слегка стукнуть Айдена по плечу, но он уворачивается всего лишь лёгким поворотом корпуса. Я неловко спотыкаюсь, и, пока восстанавливаю равновесие, телохранитель уже оказывается за моей спиной. В случае настоящего спарринга я бы уже была в захвате, что означало бы проигрыш. Но почему-то прилива страха я не испытываю. Моё предчувствие меня не подводит – никакого захвата не следует.

— Если желаешь изучить основы *самообороны*, — Айден слегка выделяет это слово интонацией, — то запомни: никогда не пытайся напасть первой. А если хочешь научиться атаковать, развернись и пробуй.

Я медленно поворачиваюсь к нему лицом, раздумывая. Смеряю телохранителя внимательным взглядом, прикидывая, как справиться с таким противником. Он высок, выше меня почти на целую голову, а разница в мышечной массе и вовсе критична. Если бы ситуация, в которой между нами произошла бы драка, была реальной, я бы никогда не смогла выйти из

неё победителем, даже будь при мне серьёзное оружие. Но если откинуть глас рассудка... куда стоит атаковать в первую очередь?

Сгруппировавшись, я пытаюсь нанести несильный удар в район живота, намереваясь дополнить атаку подсечкой под ноги – таким приёмам учил меня в своё время Лиам. Не то чтобы у меня хоть когда-то хорошо получалось.

Но Айден легко избегает соприкосновения моего кулака с его пиджаком. То, как тихо, плавно и легко он двигается, начинает меня злить. На его фоне я кажусь неуклюжим медвежонком, который только-только встал на задние лапы. Я пытаюсь ударить снова, и моя рука оказывается в аккуратном захвате его пальцев.

Они оказываются тёплыми. Не знаю, почему моё сознание выцепило эту крохотную деталь и перестало фокусироваться на том, что я должна атаковать. Я останавливаюсь, просто не зная, что делать дальше.

— Если поймали, — терпеливо поясняет Айден. — Атакуй свободными конечностями не ту руку, которая тебя держит, а корпус. Чаще всего он в таком положении не защищён. Помни о болевых точках. Пах, солнечное сплетение. Второй вариант бесполезен, если противник в очень хорошей физической форме, мышцы его спасут. Если нет доступа к корпусу, бей по локтевым сгибам или носу. Ключицы и шея тоже слабые места, но их легко защитить.

Сконцентрировавшись, я почему-то расслабляюсь. Из-за парадоксального отсутствия страха я в силах обдумать каждый свой следующий шаг. Ограничения по времени нет, по крайней мере, пока Айден терпеливо ждёт моего выпада.

На выдохе я наношу резкий удар ребром ладони по сгибу его локтя. Сомневаюсь, что этой жалкой атаки достаточно, чтобы ослепить его болью, но Айден отпускает моё запястье.

А я продолжаю. Толкаю его плечом назад, наношу удар кулаком снизу, от которого телохранитель уворачивается, плавно уйдя в сторону.

— Хорошо, — одобрительно кивает он.

Почему-то я улыбаюсь. Разгорячённая кровь разливается по телу, согревая и прогоняя то давящее со всех сторон напряжение, которое преследует меня последние несколько дней. Я провожу ещё несколько быстрых атак, и Айден, легко избегая их, подсказывает, в чём были ошибки и как сделать лучше. Я внимательно слушаю каждое его слово и почти сразу же повторяю удары по воздуху с учётом новых корректировок. Адреналин и ощущение, будто бы я что-то могу, опьяняют.

Ровно до того момента, пока Айден, избежав очередной атаки, не оказывается у меня за спиной и не берёт меня в захват. Весь жар и пыл, бушевавшие меня до этой секунды, бесследно исчезают, будто схлынув. Их место занимает парализующая вспышка страха.

Я не поддаюсь ему целиком всего лишь из-за одной детали: отсутствие боли. То, насколько осторожен Айден, сбивает с толку и меня, и мой страх. Его руки крепко удерживают меня со спины, блокируя почти всё, кроме ног, но не давят на шею и грудь. Спиной я чувствую два ремешка от его портупеи.

— Один из немногих способов выйти из захвата – это рывок корпусом вниз, — безмятежно поясняет телохранитель. — Но здесь нужна сила и правильный момент. Повезёт, если противник хватает не за шею. Там будет всего несколько секунд, пока не потеряешь сознание. Но и без этого никто не даёт гарантий, что рывок сработает. Пробуй.

Я зажмуриваюсь и со всей силы подаюсь вперёд, пытаюсь вырваться напором танка. Но Айден даже не двигается с места – он чертовски силен. Я скорее ощущаю, чем вижу, как он покачивает головой и поправляет:

— Наклон больше вниз, так противнику тяжелее устоять на ногах. Сгруппируйся. Сосредоточь в рывке всю силу, упор на чуть согнутых ногах.

Почему-то я думаю о том, что это первый раз, когда Айден разговаривает так много и так долго. Встряхнув головой, я концентрируюсь только на управлении своим телом. А это труднее,

чем кажется. Правильно распределить силу, сгруппировать нужные мышцы и не растратить на это большую часть сил – та ещё задача. Контроль над дыханием, движениями, окружением. А ведь это всего лишь безобидная тренировка.

Новый, как мне казалось, правильный рывок также не приводит к освобождению. Айден слегка переступает на месте, удобнее перехватывая меня, но дело даже не склоняется к победе. Да как это нужно сделать? Какой силищей мне нужно обладать? А ведь он даже не особо старается удерживать. От безысходности я сдаюсь, бросив попытки.

— Пробуй, — непреклонно повторяет Айден.

— Да как?

— Пробуй, пока не получится.

Я брыкаюсь, извиваюсь, пытаюсь рвануться и вперёд, и вниз, растрчивая драгоценные силы и сбивая дыхание. Осознание собственной слабости и непригодности вгоняет меня в отчаяние. Появляется даже шальная мысль укусить Айдена за руку, но даже для этого мне придётся постараться, дабы дотянуться головой вниз. Предусмотрительно.

Пытаюсь снова, снова и снова, и с каждым моим остервенелым рывком я будто бы пытаюсь освободиться не столь от мягкого захвата Айдена, сколько от... себя самой, наверное. От клетки, в которую закован мой рассудок. От эмоций, которые варятся где-то там, глубоко, близко к цепям, касаться которых запрещено. Особенно мне.

Повинуясь внутреннему порыву и инстинкту, я прекращаю прежние попытки, набираю в грудь побольше воздуха, вгоняя кислород в кровь, а после совершаю рывок назад. Айден оступает. В попытке сохранить равновесие он ослабевает хватку, и я тут же подаюсь вниз и выворачиваюсь, наконец-то освобождаясь от его захвата.

Мы оказываемся лицом к лицу. Я, тяжело дыша, и он в своём прежнем безмятежном спокойствии – лишь слегка пошатнувшись от толчка. Айден поправляет пиджак и медленно кивает.

— Неплохо.

Между нами повисает молчание. Я не спешу продолжать тренировку, восстанавливая силы и успокаивая сердцебиение, а Айден кажется мне даже задумчивым.

— Я должен поблагодарить тебя, — произносит он вдруг и смотрит мне в глаза. — За то, что прикрыла меня перед мистером Мэйджерсоном. Я не мог соврать.

Я молчу, растерянная от неожиданной благодарности. Просто не знаю, что ему сейчас ответить. Банальное «не за что»?

— Но это в любом случае мой промах, — продолжает Айден тихо. — Я нарушил протокол, каковы бы не были причины. Так что было бы вполне справедливо, если твой отец уволил меня. В следующий раз не стоит меня выгораживать.

С губ едва ли не срывается вопрос: значит, следующий раз будет?

Но вместо этого я бурчу:

— Заткнись и возвращайся в стойку.

Глава 13: Омут

Следующим вечером, без всякого объявления войны, к нам приезжает Саманта. Ну, как «к нам»? Конкретно ко мне.

Сегодня Сэм особенно прекрасна: длинные волосы заколоты на затылке в крупную кичку, глаза ярко и изящно подведены, на губах уложена тёмная матовая помада, а тон кожи кажется вовсе идеальным. Короткий топ не достаёт до линии тёмных узких джинс, и весь этот образ уже наводят меня на пугающие мысли о планах Сэм. Точнее о моём месте в них. И, едва ли переступив порог комнаты, она сразу же оправдывает все мои опасения:

— Собирайся. Едем в бар.

После секундного замешательства я почти в ужасе выпаливаю:

— Ну уж нет!

— Ну уж да, — парирует Сэм и упирает руки в бока. — Знаешь, каких трудов мне стоило отпросить тебя у Артура? Он злющий, как черт.

— Подожди...

Не слушая моих жалких попыток, Сэм нараспашку открывает мой шкаф с одеждой и начинает методично перебирать вещи. Я буквально вижу, как в её голове помечается каждый раздел одежды как «нет».

Наконец, наткнувшись на серебристое короткое узкое платье, она с широкой улыбкой достаёт его из недр шкафа и протягивает мне. Заметив на моём лице отражение охватившей меня паники, Саманта в удивлении приподнимает брови.

— Да что с тобой, в конце концов? Мы едем веселиться, а не убивать кого-то.

— Я... как бы это... — вздохнув, я признаю: — Я боюсь большого скопления людей, шума, алкоголя. Тусовки — это не моё.

— Отлично. Значит, сегодня мы заодно и победим один из твоих страхов.

Я долго молчу, смотря то на Сэм, то куда-то сквозь неё. Пожалуй, ещё несколько дней назад я бы поддалась опасениям и отказалась от поездки, но сейчас...

Сейчас я беру чёртово серебристое платье и киваю.

Сэм помогает мне с макияжем. Приводит мои волосы в относительно порядочный вид, заставляет надеть туфли на каблуке. Едва ли не силком направляет меня к выходу из комнаты, где мы сталкиваемся с Айденом. Пока Сэм кратко оповещает его о наших планах, в которые телохранитель включён по умолчанию, он не сводит с меня внимательного взгляда. Такого же, как и всегда. Только почему-то на этот раз более напряжённого.

Когда мы втроём спускаемся в гараж, Сэм восхищённо присвистывает, стоит только Айдену достать ключи от своей машины. Девушка наклоняется поближе ко мне и тихо подмечает:

— Идеально тебе сегодня подходит.

Серое с серым. Серебро с мокрым асфальтом. Вот только это я скорее удачно подхожу в комплект к этой машине, а не она мне.

Мы с Сэм садимся на задние сиденья. Только покидая территорию дома я полноценно осознаю, на что я только что подписалась. Как бы моё желание бросить вызов самой себе не привело меня к ещё большим проблемам, нежели те, которым я пытаюсь противостоять.

— Когда ты последний раз была в клубе или баре? — внезапно спрашивает Сэм.

Я медлю с ответом, будто бы пытаюсь подсчитать, хотя на самом деле ответить могу сразу же — больше полгода назад, вместе с Лиамом и Джексоном, хотя мне кажется, будто с момента окончания моей нормальной жизни прошло уже несколько лет.

С момента, когда матери стало хуже.

Намного хуже.

Сэм верно расценивает затянувшееся молчание и мягко подталкивает меня локтем, вырывая из водоворота мыслей.

— Даже если давно, не переживай, всё будет нормально. Я же буду рядом. Да и Айден с нами. Чего тебе вообще бояться с такой-то охраной?

Я невольно поглядываю в зеркало заднего вида. Наши с Айденем взгляды сталкиваются, и я тут же обращаю внимание куда-то в окно.

— Я не переживаю, — вру я так, будто бы абсолютно в этом уверена.

Дорога кажется слишком долгой. На улице сгущаются сумерки, но обильные огни освещения Сизтла прогоняют темноту. Я сколжу взглядом по бесчисленным неоновым вывескам, ярким витринам и окнам, в которых теплится свет. Ловлю себя на мысли, что за последнее время я даже успела соскучиться по жизни большого города. Хотя я прекрасно знаю, что мне хватит всего пары часов прогулки по его шумным улочкам, чтобы с удовольствием вернуться обратно в глушь.

Мы проезжаем мимо знаменитых «синих деревьев». Я невольно улыбаюсь, разглядывая инсталляцию. В ночном освещении, окрашенные в глубокий синий цвет, деревья кажутся чем-то призрачным, не подходящим нашему миру и этому городу. Я провожу невесёлую ассоциацию со своим собственным мироощущением и отрываю взгляд от окна.

Айден останавливается возле адреса, названного Самантой. Я мрачно поглядываю на яркую золотистую вывеску бара и подмечаю нехилую толпу людей, ожидающих у входа. Я знала, что их будет много, но всё равно неосознанно напрягаюсь.

От внезапного смеха Сэм я недоумённо хмурюсь. Девушка переводит дух и поясняет:

— Вы сейчас оба выглядите абсолютно одинаково. Пошли, мрачные!

Я неосознанно кошусь на Айдена, но выражение его лица считать не успеваю — он уже выходит из машины.

Зря я надела такие туфли. Эта запоздалая мысль посещает меня, как только я преодолеваю первый десяток шагов. Слишком высокие каблуки стесняют каждый шаг, появляется стойкое ощущение, будто бы стоит мне всего раз неправильно поставить ногу — и я тут же растянусь на асфальте.

Айден замечает мою проблему. Он незаметно нагоняет меня и ровняется с моим шагом, и на мгновение я опасаясь, что он предложит свою помощь — протянет руку или что-то в этом роде. Но Айден просто идёт рядом со мной, и я понимаю: это уже своего рода предложение помощи. Только такое, где, отказав, я не буду выглядеть нелепо и неловко. Однако чужой опорой я так и не пользуюсь.

Пока мы идём к бару, я старательно смотрю себе под ноги. Отчасти ради того, чтобы не навернуться, но по большей мере потому, что я вовсе не хочу знать, к чему именно относится этот тихий свист — он раздаётся, когда мы проходим мимо двух мужчин из очереди. Ощущение, будто бы каждая клеточка моего тела покрывается иголками — как у дикобраза, готового к драке.

Я бросаю быстрый взгляд на Сэм. Она уверенно идёт впереди, с идеальной осанкой, приподнятой головой, будто бы вовсе не обращает внимания ни на кого вокруг.

Мне стоит сделать так же. Я вновь напоминаю себе: тусовки — это нормально. Бары и клубы — тоже нормально. Мне стоит привыкать к естественной для человека моего возраста социализации.

Беспошадный грохот музыки обрушивается на меня, едва ли мы спускаемся в помещение бара. Нас тут же окружает калейдоскоп разгорячённых тел, сладковатый запах алкогольных коктейлей с немного неуместной ноткой человеческого пота. Яркое цветастое освещение ритмично сменяется в такт музыки, при этом помещение остаётся в объятиях полумрака. Танцпол до отказа полон людьми, но, на моё удивление, некоторые столики у стен при этом остаются свободны. К моему облегчению, мы сразу же занимаем один из них. Сэм быстро ориентируется

и умудряется без труда пробиться к бару, дабы заказать нам напитки. Я остаюсь за столиком одна, если не считать Айдена, вставшего чуть в стороне.

Он всегда сохраняет дистанцию, будто бы от неё мне комфортнее и лучше. Знал бы он, что сейчас дела обстоят ровно наоборот.

Мои руки сцепляются в крепкий замок. Настороженный взгляд блуждает по толпе, от одного незнакомого лица к другому. Наверное, это и было моей ошибкой: вместо того, чтобы нацепить на лицо расслабленное и весёлое выражение и тем самым слиться с остальными посетителями, своим мрачным видом я делала ровно обратное.

Пока я с надеждой поглядываю в сторону барной стойки, ожидая заприметить возвращающуюся Сэм, к столику направляется небольшая компания. Девушка и трое парней – вроде как уже знакомые друг с другом.

Моё сердце уходит куда-то в пятки, а его встревоженный ритм отдаётся в шее. Я сдерживаюсь от того, чтобы встать и позорно сбежать, освободив им место за столиком. Однако мои опасения оказались ещё хуже: ребята пришли не за тем, чтобы отжать уютное место, а чтобы познакомиться.

Девушка в их компании кажется мне главной – это лишь немного умиряет мою тревогу. Низенькая, с тёмно-рыжими волосами, уложенными небрежной косой на плечо, она кажется самым безопасным объектом в этом чёртовом баре.

Я даже не слышу, что она говорит. Музыка грохочет вокруг, но моему слуху мешает грохот собственного сердца.

— Привет? — девушка слегка растерянно улыбается. Кажется, она повторяет это слово уже не в первый раз, с каждым разом всё громче. — Можно присесть рядом?

Я спешно киваю и отодвигаюсь к самому краю диванчика. Компания рассаживается за столом, но место для Сэм ещё остаётся. Ребята живо общаются между собой, перекидывая музыку, а девушка бросает попытки познакомиться со мной. К счастью, ближе всех ко мне оказывается именно она.

Один из парней смотрит на меня. Его удивлённый, изучающий взгляд я ощущаю почти каждой клеточкой тела. Внезапно я нахожу себя до безобразного неуместной – в этом узком тонком платье, в кругу этих людей, в этом баре и городе вообще. Цепочку мест можно продолжать, пожалуй, бесконечно.

Я делаю вид, что занята срочной перепиской в телефоне. На самом же деле я бездумно листаю ленту социальной сети, даже не понимая, что я вообще читаю и вижу. Я вздрагиваю, когда кто-то из этой компании громко смеётся.

К счастью, Сэм наконец возвращается. Она свободно приветствует знакомцев и сразу же заводит с ними расслабленную, лёгкую беседу, периодически втягивая в неё и меня. Я во все глаза наблюдаю за тем, как Сэм быстро знакомится с ребятами и смеётся так, будто бы давно состоит в их компании. Им приходится слегка наклоняться друг к другу, чтобы расслышать слова за громкой музыкой, а я даже не пытаюсь разобрать суть большинства разговоров.

Сэм кажется такой естественной. Такой спокойной. Живой. Раскованной.

Такой... настоящей. Правильной.

Да, можно было бы сослаться на то, что она просто экстраверт. Но я знаю, что дело далеко не только в этом. Никакой тип личности не отделяет меня от статуса нормального человека так, как это делают мои собственные барьеры, ловушки и окопы, среди которых я надёжно зарылась. Так надёжно, что и сама не представляю, как из них выбраться.

И главное, хочу ли я этого вообще.

Сэм предлагает мне один из принесённых коктейлей, и я, даже не приняв, залпом отпиваю напиток. Тут же морщусь от резкой горечи, но не перестаю пить. Может, я отчаянно надеюсь, что алкоголь поможет мне влиться в компанию. Один из парней продолжает наблю-

дать за мной, и я, бросив вызов скорее себе, чем ему, поднимаю взгляд, диковато улыбаясь. Парень беззвучно усмехается и не разрывает зрительного контакта.

Я толком и не запоминаю его внешности. Типичный красавчик: медные, чуть волнистые волосы, тонкий изгиб губ, высокий светлый лоб. Глубокий, пронзительный и тёмный взгляд.

Мне он не нравится.

Парень задумчиво прокручивает толстое серебряное кольцо на пальце. У него худые и длинные руки – как у музыканта. Двое остальных больше обращены вниманием к Сэм, и я не понимаю, почему конкретно этот юноша разглядывает меня, как дикарку.

Наверное потому, что такой я и выгляжу. Он просто достаточно трезв, чтобы это заметить.

Я возвращаю взгляд в телефон и краем зрения пытаюсь понять, рядом ли Айден. Тут же испытываю укол стыда и презрения к себе самой: совсем недавно я была готова воевать с этим человеком, а теперь так паскудно взываю к его услугам. Подняв взгляд, я слегка поворачиваю голову вбок, ища Айдена взглядом.

— Хэй.

Я инстинктивно дёргаюсь, когда незнакомый голос раздаётся совсем рядом со мной. Я даже не заметила, как этот парень подсел ко мне, поменявшись местами с рыжеволосой девушкой. Я сталкиваюсь с его открытым, даже добрым взглядом.

— Привет, — роняю я первое, что приходит в голову.

— И тебе привет, — смеётся он и повышает голос, чтобы перебить музыку: — Хочешь выпить? Я заплачу.

То ли из вежливости, то ли из желания перекрыть всю неловкость алкоголем, но я всё же согласно киваю. Парень исчезает в направлении барной стойки, а я понимаю, что даже не спросила его имени.

Такое себе знакомство.

Наконец я бегло оглядываюсь и всё-таки нахожу Айдена. Он держится в стороне, ближе к стене, и в таком скудном освещении практически с ней сливается. Если бы не ворот белой рубашки, выделяющийся на её фоне галстук и светлое лицо, я бы его и не заметила.

Взгляд Айдена прикован ко мне. Он мрачен, сосредоточен, а слегка приподнятая бровь будто бы передаёт вопрос: «всё нормально?».

Удивительно, как я научилась считывать такое красноречие с человека, который прикидывается камнем.

Я медленно киваю и сажусь ровно. Ни к чему лишний раз давать этим ребятам понять, что мы с Сэм тут не одни – пусть хотя бы она получит нормальное удовольствие от новых знакомств. А Сэм определённо именно это и делает. Поскольку к моменту, когда парень-у-которого-я-забыла-спросить-имя возвращается, она уже болтает с ребятами так, будто бы они пришли вместе большой компанией.

Я выпиваю один коктейль за другим. Напитки чудовищно неприятные и резкие, но я намеренно заливаю их в себя, как простую воду, надеясь на опьянение. Оно мне, чёрт возьми, сегодня очень нужно.

Не так уж здесь и плохо. Не так уж мне и страшно. И компания эта милая. И люди вокруг. Я в самом деле не испытываю такого лютого дискомфорта, как раньше. Я не лишняя здесь.

Правда же?

Не знаю. Я стараюсь убедить себя в лучшем и не думать ни о чём другом. Глоток за глотком, резкие вкусы сменяют друг друга, смысл громких разговоров за столиком ускользает куда-то прочь от меня. Я пытаюсь повернуть голову и найти взглядом Айдена, но перед глазами остаётся лишь причудливый танец света, чужих лиц и танцующих тел.

Я почти залпом допиваю остаток коктейля. К нашему столику приносят заказанные шоты – сразу четыре дорожки. Подставка оказывается ближе всего ко мне, и я, окончательно осмелев,

беру маленькую рюмку. Подношу к губам, вдыхая отвратительный, резкий и одновременно сладковатый запах.

И заливаю это адское пойло в горло. Ощущение схоже с тем, будто бы тебе в рот засунули включённую горелку.

Имя этого парня – Уильям. Это всё, что я запоминаю из бесед, в которых едва ли участвую. Кажется, я назвала и своё имя, на что ребята принялись шутить. Шелл? Прямо как ракушка? Или как компания заправочных станций? Почему именно Шелл? Это полное имя? Или есть «Шелла», «Шаннель»?

Лучше бы я молчала.

В какой-то момент Сэм оказывается рядом со мной. Куда подевался Уильям? Он же сидел на её месте... А, впрочем, неважно. В голове царит спасительная лёгкость, пустота и сонливость. Мне становится так тяжело думать, что я даже перестаю накручивать себя и не ощущаю больше прежнего напряжения. Хоть что-то у меня сегодня получается.

— Ты хоть ешь что-нибудь! — настоятельно требует Сэм, забирая из моей руки очередной шот. — Ты с ума сошла так хлебать?

Я скольжу туманным взглядом по закускам, которыми оказывается полон стол. Я тянусь к тарелке с какими-то мелкими роллами и беру один прямо руками. Плевать мне на палочки, сейчас мне бы с пальцами разобраться.

Я запоздало понимаю, что язык онемел от количества едкого алкоголя. Прожёвывая ролл, я толком не чувствую ни вкуса, ни текстуры. Фокусирую взгляд на Сэм и замечаю тревогу, с которой она приглядывает за мной. Интересно, жалеет ли она о том, что потащила меня сегодня с собой?

Краем зрения я замечаю, как один из парней этой компании поднимается вместе с рыжеволосой девушкой и ведёт её на танцпол, прямо в гущу толпы. Сэм лучезарно улыбается ещё одному, когда тот приглашает её туда же. Уильям же вопросительно поглядывает на меня, подсаживается обратно на уже освободившееся место Сэм и наклоняется к моему уху:

— Потанцуем?

Я отпиваю последний глоток коктейля. Усилием воли поднимаю взгляд на юношу и рассматриваю его улыбочливое лицо и мягкий, объятый лёгким опьянением взгляд. Он ничем не вызывает подозрений или опасений, но моё проклятое сердце колотится о рёбра, отбивая тревожный, испуганный ритм.

К чёрту.

— Да.

Да, я пойду с ним танцевать. Не умея абсолютно ничего из того, что мне предстоит делать. Плевать. Я могу себе это позволить. Я могу позволить себе потанцевать с парнем, которого совсем не знаю.

И, возможно, это исправить. Почему нет?

Когда я встаю на ноги, появляется такое чувство, будто бы их подменили на неуклюжие ватные палочки. Я цепляюсь за любезно предложенную руку Уильяма и позволяю ему вести себя в гущу толпы. Он ловко лавирует между танцующими посетителями и движется ближе к центру, где ослепительный яркий свет то и дело сменяется темнотой.

Меня начинает мутить. В голове поразительно пусто, тело кажется мягким, невесомым, будто стоит мне оттолкнуться от земли – и я взлечу. Никогда не ощущала себя настолько лёгкой.

Мой взгляд сам собой ищет мужчину в неуместном чёрном костюме. Но Айдена я так и не вижу – перед глазами кружит, кружит и кружит бесконечная череда незнакомых лиц, освещённых яркими ядовитыми прожекторами. Я пытаюсь влиться в танец, слежу за другими людьми, за их движениями, но никак не могу найти связь. Кажется, импровизирует здесь каждый.

Мне становится жарко. Душно. В центре помещения явно не хватает кондиционеров – свежий воздух сюда просто не добирается. Картинка перед глазами кажется обрывочной, размытой и какой-то ненастоящей, больше похожей на сон в лихорадочном бреде, чем на реальность. Грохочущая музыка отдаётся эхом, приглушается моим сознанием, как будто фильтром.

Руки Уильяма придерживают меня, а его тело повторяет мой неумелый танец. В какой-то момент юноша оказывается за моей спиной и слегка прижимает меня к себе, продолжая танцевать. На секунду я рада долгожданной опоре, на которую могу перенести хотя бы часть веса – тело снова кажется тяжёлым, будто налитым свинцом.

А потом меня охватывает такая сокрушительная волна паники, что поначалу я даже не понимаю, чем она вызвана. Я судорожно вдыхаю, сбившись с ритма. Аварийные реакции моего сознания наконец-то прорываются через опьянение. Чёрт возьми. Как же я надралась.

— Всё нормально? — Уильяму приходится почти кричать мне на ухо, чтобы перебить грохот музыки.

Ответить я не успеваю – к нам, хохоча, пробирается Сэм вместе с парнем из той же компании, что и сам Уильям. Девушка хватается за руки и начинает кружить на танцполе. Она так весела, так свободна и раскована, что я наверняка ощутила бы укол белой зависти, если бы на меня не навалила новая волна тошноты. Я сдерживаю позывы организма и обещаю себе как можно скорее найти барную стойку и попросить воды.

— Слушай! — Сэм наклоняется ближе ко мне. — Ребята пригласили меня поехать с ними ещё в два бара, прогулять всю ночь. Я сразу сказала, что мы с тобой вдвоём, но ты такое за раз не осилишь. Ничего? Твой телохранитель ведь на машине. Справишься, когда захочешь уйти?

Я едва ли понимаю, что вообще она говорит. Я мысленно раз за разом повторяю услышанные слова, но общий смысл от меня ускользает. В сознании мелькает туманная горькая мысль: ребята не звали меня с самого начала, брали в расчёт только Сэм.

Она перестаёт улыбаться и виновато смотрит на меня, с тревогой и участием. Я понимаю, что ей хочется уехать с компанией, и при этом она побаивается оставить меня одну даже с учётом того, что Айден приглядывает за мной. А ещё я вижу, что Сэм в своей тарелке и эти ребята ей нравятся. Возможно, я становлюсь свидетелем появления её новых лучших друзей.

Как Сэм это делает?..

— Всё хорошо, — выдавливаю я с трудом, поскольку испытываю трудности в формулировании слогов и слов.

— Уверена? — уточняет она, внимательно смотря мне в глаза. Она пила вместе со всеми, но при этом сохранила нужную меру.

Я киваю несколько раз, и Сэм нехотя меня отпускает.

— Я обязательно напишу тебе, как всё прошло, — обещает она, поправляя лямку моего платья. — И ты тоже со связи не пропадай, ладно? А то ведь мне влетит, если что.

Я продолжаю кивать, даже не зная, зачем. Уильям снова оказывается рядом со мной, мягко улыбается и машет рукой на прощание. Внезапно я осознаю, что остаюсь на танцполе в одиночестве – если не считать почти сотни людей вокруг. Спohватившись, я раскрываю рот, пытаюсь позвать Сэм или Уильяма, но их уже нет рядом. Я слепо оглядываюсь вокруг, но не вижу при этом никого.

Страх. Поначалу он подступает незаметно – топчется на грани сознания, вгоняя в смятение и лишая понимая происходящего. А потом вдруг обрушивается, будто молотом, и вышибает из грудной клетки весь воздух.

Но на этот раз страх пришёл не один. О нет, в этот раз жизнь решила подшутить надо мной особенно паскудно.

Сегодня страх явился ко мне в компании с той самой чертовщиной, о которой я уже понадеялась забыть. Я не хочу, не могу, даже в собственном сознании, называть это «приступом».

Подобный термин автоматически клеймит меня больным, слабым человеком, а это ощущение я ненавижу сильнее всего.

Перед глазами появляется первая волна темноты. Музыка ощутимо приглушается, в ушах появляется звон. Руки кажутся ватными, в кончиках пальцев сгущаются толпы противных мурашек, руки начинает покалывать, будто бы я их отлежала обе разом. Я слепо приподнимаю их к лицу, но губы немеют так же, как и язык.

Паршиво. Как же паршиво!

Нужно найти туалет. Просто переждать, пока эта фигня не отпустит меня. Нет таких слов, которые позволили бы мне всецело описать, как сильно я ненавижу то, что происходит со мной. И какое чувство вины я испытываю только за сам факт того, что это есть.

Айден. Мой взгляд судорожно скользит по толпе, пытаюсь выцепить из неё всего одного человека. Не представляю, как среди сборища людей в яркой и вызывающей одежде можно потерять человека в чёртовом чёрном костюме.

Нужно найти туалет. Потом всё остальное.

Я неловко пробираюсь сквозь толпу. Сталкиваюсь с танцующими телами, спотыкаюсь, каждый раз пытаюсь восстановить такт шагов и сохранить прежнее направление. Высокие каблуки теперь кажутся настоящим испытанием.

Людей так много. Месиво из жарких, липких от пота тел, чужого смеха, громкой музыки и ярких вспышек света. Окружение начинает опасно раскачиваться вокруг меня, а ощущение равновесия и ориентации в пространстве стремительно ускользает. Страх прилипает ко мне второй кожей и сдавливает грудную клетку, зажимает горло и вгоняет в крупную, лихорадочную дрожь.

Вот чей захват точно смертельный.

Мне повезло дойти до нужного углубления в этом огромном помещении. Заприметив ярко-зеленую вывеску «WC», я делаю последний рывок и ковыляю к двери с изображением танцующего женского силуэта.

Я почти вваливаюсь в крохотную комнатку с раковиной и двумя кабинками. Здесь я оказываюсь одна – видимо, уборных в баре как минимум несколько.

Прохлада от кондиционера заставляет меня жадно схватить ртом воздух, не обращая внимания на противный смрад. Я опираюсь руками о раковину и включаю ледяную воду. Опускаю под неё трясущиеся руки, пока перед глазами прокатывается вторая волна удушающей темноты – значит, точно не пронесёт. Пульс бьётся где-то в шее, в ушах шумит кровь. Виски ломит, затылок и шея сзади поддаются такому же онемению, что и руки.

Я не сразу понимаю, что горло сдавливает слезами. Резко поднимаю взгляд к зеркалу и пристально смотрю себе в глаза, не обращая внимания на то, как плывёт картинка.

Никаких слёз, Шелл Мэйджерсон. Никаких. Слёз.

Умываюсь ледяной водой, наплевав на макияж. Разгорячённое лицо неприятно покалывает, но мне становится хоть немного легче.

Внезапно дверь позади меня распаивается. Я успеваю пережить вспышку ужаса, прокрутив в объётом туманом сознании тысячу и одну догадку о предстоящем развитии событий, ведь я замечаю высокий мужской силуэт. Его здесь быть совсем не должно.

Я успеваю резко развернуться, прежде чем наконец понимаю, кого вижу перед собой.

Айден.

От накатившей волны облегчения я слегка покачиваюсь, утерав равновесие. Телохранитель поддерживает меня под локоть, а потом...

Не знаю, что вдруг происходит со мной потом.

Понятия не имею, почему я поддаюсь порыву и крепко обнимаю Айдена. Вдыхаю лёгкий запах его парфюма, прислоняюсь щекой к прохладной ткани пиджака и ощущаю, как страх наконец отступает. Хотя бы на одно драгоценное мгновение.

А после я выдыхаю тихо:

— Увези меня отсюда. Пожалуйста.

Айден не шевелится. Застыв, словно истукан, он медленно опускает голову, чтобы взглянуть на меня. Я начинаю осознавать наше положение и тут же отлипаю от него, глухо бурча извинение.

Он ничего не отвечает. Просто аккуратно берёт меня за руку и выводит из уборной. Слепо следуя за ним, я поражаюсь, как легко он проходит сквозь толпу. Хотя с таким внушающим внешним видом... наверное, люди расступаются перед ним сами.

Прохлада улицы приятно остужает кожу, а внезапно отступивший от разума омут сулит мне надежду, будто бы я смогу справиться сегодня без полного позора. Будто бы я смогу держаться молодцом. Но пока мы идём к машине, перед моими глазами прокатывается третья волна темноты. Последняя. Я даже не успеваю осознать, почему Айден вдруг останавливается и хватается за меня обеими руками.

Мгновение – и вот я уже в машине, на задних сиденьях. Под моей головой лежит что-то мягкое и плотное одновременно. Только по прикосновению ткани к щеке я узнаю пиджак Айдена и тут же раскрываю глаза.

Сам он сидит за рулем. На нём белоснежная рубашка, в районе груди я замечаю ремни портупеи для оружия. Судя по всему, мы в пути уже какое-то время: городской пейзаж за окном успел смениться полем и мелким подлеском. Айден спешит, ведёт машину с ощутимым превышением скорости. Я глубоко вдыхаю и тут же сталкиваюсь с весьма серьёзной проблемой.

С трудом приняв горизонтальное положение, я крепко сжимаю челюсть. Ужасный рвотный позыв скручивает органы не только в животе, но и будто бы во всём остальном теле.

— Останови машину, — выдыхаю я с трудом, так как язык всё ещё деревянный, — если не хочешь потом убираться.

Айден кидает на меня быстрый взгляд через зеркало заднего вида и кивает. Сначала он просто перестаёт набирать скорость и только потом плавно прожимает тормоз. Машина останавливается на обочине медленно, без резких толчков, но времени у меня катастрофически мало.

Я путаюсь в собственных ногах. Шиплю и стягиваю чёртовы туфли напроц, босиком выбираюсь из машины и тут же оборачиваюсь. Как я и предполагала, Айден покидает водительское место и намеривается идти за мной.

Ну уж нет. Хватит с меня позора на сегодня.

— Оставайся в машине! — рявкаю я грозно. В трезвом состоянии я бы нашла другой способ убедить телохранителя, но сейчас я конечно же уверена, будто бы мой голос звучит достаточно угрожающе. — Понял меня? Ни шагу за мной.

Даже босиком мне всё так же трудно ходить. Не стоило мешать все эти коктейли и пробовать шоты... пускай первый, самый жёсткий этап опьянения уже миновал, я понимаю, что моя смелость будет аукаться мне ещё как минимум сутки.

Я не успеваю дойти до линии деревьев или хотя бы кустов. Просто наклоняюсь вперёд, практически посреди поля, и извергаю хотя бы часть этой отвратительной жижи, которую сама же вливала в себя этим вечером. Мне настолько плохо, что, если бы меня убило прямо здесь какой-нибудь чёртовой молнией, клянусь, я не была бы сильно против.

Когда меня наконец перестаёт выворачивать, я выпрямляюсь и пытаюсь отдышаться. Я надеюсь, что хотя бы сейчас Айден имеет совесть не смотреть в мою сторону.

Как же стыдно. Ужасно стыдно. За всё, что было сегодня. За этот треклятый алкоголь, за мои барьеры, за этот мой... приступ. И в конце концов за тошноту.

За меня саму вообще.

Когда я, ковыляя на неровной почве, возвращаюсь к машине, Айден всё ещё стоит возле водительской двери. Он подходит к переднему бамперу и кивает мне:

— Посиди. Подыши воздухом.

Я слишком вымотана, чтобы спорить. Преодолев ещё несколько шагов, я неловко сажусь на капот. Машина всё ещё заведена, тихий рокот двигателя почему-то навеивает на меня спокойствие. Краем зрения я вижу, как Айден открывает пассажирскую дверь и что-то достаёт с задних сидений. Секундой позже он протягивает мне бутылку с водой, заранее открытую.

Как же это кстати. Я жадно отпиваю несколько глотков, в то время как Айден присаживается на капот рядом со мной. Только сейчас я осознаю, как же сильно меня трясёт – буквально колбасит. Похоже, он тоже это замечает, ибо тихо произносит:

— Похоже на алкогольное отравление. Зачем столько пить?

Мне нечего ему ответить. Что я, пушусь в объяснения, что таким образом я пыталась ослабить прутья своей же собственной клетки? Смешно. Театрально.

И горько. Уже не метафорически. Может, просто потому что меня недавно стошнило.

Где-то вдалеке раздаётся низкий, гулкий звук. Я не сразу признаю в нём гром и опасливо поглядываю на небо: с севера оно настолько чёрное, что не видно звёзд.

— Скоро гроза. — Айден лёгким движением поднимается с капота и протягивает мне руку. — Поедем, пока не начался ливень.

В машине я засыпаю почти сразу же. Вымотанный организм наотрез отказывается внимать моим призывам открыть глаза и хотя бы добраться до комнаты. Лишь однажды мне удаётся ненадолго прорваться сквозь дрему: когда меня вдруг поднимают с сиденья машины и куда-то аккуратно несут. Кто? Куда? Почему?

Плывать. Мне так тепло и спокойно. Возможно, окутавшее меня ощущение полнейшей безопасности и покоя – ложное, но на этот раз я ему поддаюсь. Мне слишком это необходимо.

Над крышей дома раздаётся мощный раскат грома. Он вырывает меня из дремы, заставив вздрогнуть. Я испуганно приподнимаюсь на локтях, но опьянение в компании с усталостью не позволяют мне даже толком сесть. Всё, на что я способна, это лишь узнать свою кровать и комнату. Окно приоткрыто – потому гром так сильно слышен. Занавески чуть покачиваются, видимо, поднимается ветер. Туманным взглядом я смотрю в темный оконный проём, ожидая увидеть вспышку молнии.

Айден стоит около стола и размешивает в стакане с водой какую-то растворимую таблетку. Возможно, от тошноты и подобных отравлений. Несколькоми секундами позже он подходит к кровати и тихо произносит:

— Пей. Надо.

Меня так мучает жажда, что даже если бы мне подмешали в воду какой-нибудь смертельный яд, я бы всё равно выпила. Пока я опустошаю стакан до дна, Айден закрывает окно и поворачивается обратно ко мне. Я с трудом различаю его взгляд, но никак не могу понять, чем он наполнен.

— Теперь спи. Я останусь здесь.

Мне так и хочется спросить: все ли приказы он раздал? Но язык отказывается слушаться, и вместо слов я издаю какое-то тихое мычание, уткнувшись лицом в подушку.

Я останусь здесь. Почему-то эти его слова никак не выходят у меня из головы, но я не понимаю, почему мне стоит о них задуматься. Шум дождя кажется мне странно уютным, и я не напряжена в ожидании грома, как это бывало обычно.

Чёрт. Какой же беспорядок в мыслях.

Я слышу, как Айден садится в кресло возле электрического камина. Звуки его присутствия должны были бы напрягать меня, а выходит почему-то ровно наоборот. Если бы он не предупредил, что останется здесь, я бы наверное попросила сама. Только напившись в стельку я бы позволила себе такое.

Позволила бы себе признать, что нахожу в этом человеке то единственное и банальное, в чём страшно нуждаюсь.

Безопасность.

Глава 14: Ночь

Рыдания рвутся из горла, но я не могу выдавить из себя ни звука и просто хватаю ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Выброшенная и заодно выпотрошенная. Истерзанная,дохлая тушка, пригодная только для падальщиков. Вот как я себя ощущаю.

Тишину разрывает оглушительный крик – но уже не мой. Этот почти нечеловеческий вопль полон ярости, боли, жажды возмездия. Я едва ли узнаю голос своей матери, когда она совершает рывок, и из моего собственного рта наконец вырывается испуганный возглас. Яркие обрывки событий мельтешат перед глазами, грубо сменяя друг друга будто бы в сражении за моё внимание. Я крепко зажмуриваюсь, отказываясь понимать и заново проживать самый жестокий момент в моей жизни.

Стоп. Это всё... *уже было*.

Это сон. Мне снова снится кошмар. Нужно просто проснуться. Вырваться из этой череды воспоминаний, звуков, образов, запахов... страха.

Как же громко кричит мама.

— Шелл.

Череда образов замедляется, останавливается и вязнет. Этот голос точно не принадлежит моей матери. Он глубже, ниже, спокойнее. И точно принадлежит мужчине.

— Тише. Проснись.

От новой вспышки страха я хватаю ртом воздух и резко открываю глаза. Тут же сажусь в кровати ровно и едва ли не сталкиваюсь с тем, кто разбудил меня. Мне требуется несколько долгих мгновений чтобы осознать, где я и кто передо мной.

Айден медленно убирает ладонь с моего плеча. На его лице заметна тень усталости, глаза чуть прищурены – видимо, он успел уснуть прямо в кресле. Он что, так и не ушёл к себе?

Я не сразу вспоминаю, почему Айден вообще здесь находится. События минувшего вечера возвращаются ко мне медленно, неохотно. Им сопутствует давление в висках и тошнотворное ощущение будто бы во всём теле. С тихим мучительным стоном я опускаю голову обратно на подушку и кутаюсь в одеяло с головой, как в кокон.

— Похоже, ночные клубы – это совсем не для тебя, — тихим, немного хриплым от сна голосом произносит Айден.

— Угу, — бурчу я, утыкаясь носом в подушку.

— Мне нужно идти. На столе ещё одна таблетка, но последняя. Советую выпасться.

По тихим шагам я догадываюсь, что Айден возвращается к креслу, подбирает пиджак и покидает комнату. Дверь за собой он закрывает так же тихо, и ничто больше не напоминает о том, что он вообще был здесь.

За окном занимается рассвет. Небо, поддёрнутое пеленой перистых облаков, наливается светом и бледнеет, скрывая последние, самые яркие звёзды. Меня странно утешает мысль, что там, где-то невероятно, невообразимо далеко, эти звёзды всё равно продолжают сиять, извергая колоссальную силу в безмолвное пространство.

Я поворачиваюсь на спину, наблюдая за светлеющим кусочком неба. Спать больше не хочется – во многом из-за страха перед возвращением кошмаров, но отчасти и из-за нахлынувших мыслей. Я вновь и вновь перебираю в памяти вчерашние события. Где-то со стыдом анализирую свои ошибки, продумываю, как могла бы повести себя и поступить, будь я чуточку смелее и свободнее. Будь я прежней Шелл.

Но все эти самокопания так или иначе перебиваются воспоминаниями о том, как повёл себя Айден. Вроде ничего особенного – он отлично выполнял свои обязанности, однако

почему-то от мысли обо всём этом я сталкиваюсь с настолько противоречивыми эмоциями, что вовсе трусливо сбегаю к любым другим размышлениям.

Надо бы написать Сэм. Спросить, как всё прошло, хотя я почти уверена, что она отлично провела время.

Ради поисков телефона приходится выбраться из тёплой кровати. Я зябко ежусь и быстро шарю по полу в поисках крохотной сумочки, с которой я вчера ездила в бар. Достав телефон, я в удивлении приподнимаю брови, читая на заблокированном экране уведомления о трёх пропущенных звонках и семи сообщениях. Всё это – от Сэм, которая пол ночи пыталась достучаться, как я.

Мягко говоря, я не ожидала, что ей будет не всё равно. Да, Сэм предупреждала, что напишет мне и говорила, чтобы я была на связи... но я не думала, что она это всерьёз. Приятное ощущение вперемешку с уколом вины заставляет меня улыбнуться. Я пишу быстрый ответ, уверяя, что всё в порядке. И искренне благодарю Сэм. Может, не совсем за эту поездку в бар, но точно за её искреннее тёплое отношение ко мне.

Однако весь этот день я брожу словно в воду опущенная. К счастью, никаких дел у меня нет, но даже привычные развлечения не завладевают моим вниманием достаточно, дабы вытянуть из-под пелены задумчивости и растерянности.

Что-то незримое происходит во мне. Это трудно сформулировать даже мысленно, не говоря уже о словесном определении. Смесь неясной тоски, задумчивости и растерянности перед ответами, которые я пытаюсь найти. Я лелею надежду, что этот странный период – лишь ступень на пути к возвращению в привычное русло. В самом деле, страшнее было бы, если бы никаких перемен со мной не происходило вовсе.

Ещё пару дней я без зазрений совести провожу в стенах своей комнаты. К счастью, мне сопутствует редкостная для Сиэтла непогода. Настоящий сезон гроз охватывает город и его округу, и я, прямо как в детстве, прячусь от непогоды за плотно закрытыми окнами. Я подолгу слушаю грохочущие раскаты, рисуя какую-то абстрактную неразбериху в скетчбуке.

Одним из таких тихих пасмурных вечеров я решаю, что достаточно. Пора приводить себя в порядок. А для этого мне стоит проветриться. Заняться чем-то, что мне хорошо знакомо и любимо.

И сегодня я снова покину дом отца тайком. Одна. Это необходимо мне так же, как и остальные составляющие моего плана. Остаётся надеяться, что Айден не решит проверить мою геометку посреди ночи.

Подняв телефон с тумбы, отключаю его от зарядки и открываю общую беседу с ребятами из мастерской. Набираю краткое сообщение, от которого улыбка сама собой налезает на губы:

«Встретимся сегодня на нашем месте».

Спohватившись, я дописываю следом:

«И, пожалуйста, пусть кто-нибудь, кто не будет кататься, привезёт мою машину».

Не то чтобы у всех членов нашей команды есть официальное водительское удостоверение, но навыками добротного вождения обладает даже Лео. Думаю, он не упустит возможность прокатиться сегодня до нашего места. Ему я в этом плане доверяю даже больше, чем, например, Лиаму.

В беседе начинают всплывать ответы.

«Конечно, красотка», — Лиам, в своём репертуаре добавляет к сообщению похабный стикер.

«Давно пора!», — а вот и восхищённый перспективой Лео. Сомневаюсь, что ему стоит проводить так много времени в компании Лиамы, но эти двое прямо на моих глазах становятся едва ли не лучшими друзьями.

«Будем к одиннадцати, Лео уже забил место на твоей машине», – пунктуальный Ноа, как и всегда, кажется самым сдержанным, хотя я прекрасно знаю, насколько он рад впервые за долгое время размять кости.

«Наконец-то», — пишет Джексон и добавляет стикер рокера, который в ажиотаже складывает пальцы в присущий им знак.

Улыбка меркнет на моём лице. В череде этих сообщений особенно остро не хватает ответа Питера. Я заглядываю на его профиль: «был в сети в 14:09». Значит, он по крайней мере достаточно жив, чтобы иногда открывать переписки. Тревога за Пита оседает на подкорке сознания и остаётся там очень надолго. Я снова пишу другу несколько требовательных сообщений, но в Сети он так и не появляется.

Когда я добираюсь до места встречи, все остальные уже в сборе. Старая недействующая стоянка грузовиков давно служит нам отправной точкой любых совместных поездок – из-за возможности на долгое время припарковать машину, что трудно сделать в городе, из-за наличия продуктового ларька неподалёку, и, наконец, из-за одинаковой удалённости от наших домов и мастерской.

Только вот теперь я добираюсь сюда почти два с половиной часа. Однако это безусловно стоит того. Заждавшиеся ребята горячо приветствуют меня, а подпрыгивающий от предвкушения Лео отдаёт мне ключи от моей машины.

— Наш мелкий отлично водит, — горделиво произносит Лиам и ерошит волосы на макушке парня. — Не скрою, моя заслуга.

Лео почти сияет от похвалы и улыбается во все тридцать два. Я давно замечала за Лиамом негласное наставничество и опеку, которое он осознанно или же случайно взял над младшим. Эти двое стоят друг друга, балансируя на полных противоположностях, и помимо наших общих увлечений связывает их одна деталь – ненависть к отцам.

— Ну да, ну да, — меланхолично роняет Ноа. Именно он стоит за долгим, вдумчивым обучением Лео навыкам вождения, на которое он потратил больше полугода. — Вот и езжайте вдвоём.

Машины ребят припаркованы позади. Столь знакомый взгляду Ford F-150 Джексона, как истинная рабочая лошадка, более чем просто пригоден и для наших сегодняшних планов. Потрёпанный годами Lancer Evolution IV, принадлежащий Лиаму, разукрашен и обклеен винилом так, что не видно настоящего цвета. Он забавно контрастирует со стоящим рядом спорткаром Ноа – он единственный из нас, кто смог позволить себе дорогую гоночную тачку. Извечному поклоннику Nissan повезло быть владельцем знаменитой Skyline, за полной боевой комплектацией которой ему пришлось чутко охотиться несколько добрых лет. Страшно прикинуть, сколько средств, времени и сил он уже успел вложить в тюнинг. Пожалуй, никто не справится с этой норовистой японочкой лучше, чем наш Ноа.

Я окидываю их взглядом и выдыхаю:

— Готовы?

Парни переглядываются. Джексон расправляет плечи, Лиам разминает пальцы и хищно улыбается. Лео едва ли не сгораёт от нетерпения, а Ноа молчаливо кивает.

— Тогда вперёд.

Когда я сажусь за руль, всё кажется таким... правильным. Естественным. Спустя долгое, невозможно долгое и тяжёлое время я наконец-то ощущаю себя на своём месте.

Как и всегда, я еду впереди. Прямо за моей машиной следует Джексон, позади него держится Лиам, а замыкает цепочку Ноа. Я включаю на проигрывателе недавний плейлист, и музыка погружает меня в расслабленную, безмятежную атмосферу. На шоссе мы выезжаем

ровной, ничем не примечательной вереницей. Соблюдаем простой скоростной режим... но только до того момента, как пересекаем границу Сиэтла.

Что-то внутри меня взрывается адреналиновой бомбой, когда я вжимаю педаль газа в пол. С губ срывается вскрик, перебиваемый искренним смехом. Я опускаю стёкла переднего ряда сидений и позволяю порывам холодного воздуха заполнить салон машины. От шума ветра и рёва двигателя я почти не слышу музыку. Одну руку я высовываю из окна, встречая сильный поток воздуха ладонью и будто бы перебирая его пальцами.

Свобода. Вот, зачем мы здесь.

Машина Лиамы с шумом проносится по соседней полосе и обгоняет мою. Я с ухмылкой провожаю цветастый Lancer взглядом, а после прожимаю педаль газа и слегка поворачиваю руль, мигнув фарами. Лиям решает не играть с огнём и догадливо освобождает мне мою полосу. Однако теперь он держится рядом – по правую сторону от моей Cerato.

Несколькими мгновениями позже Ford Джексона с впечатляющим яростным рёвом модифицированного движка набирает скорость и занимает полосу по другую сторону от Лиамы. Теперь мы едем втроём, единой линией, и только Ноа не спешит выпендриваться и занимает место позади меня. Хотя его Skyline ничего не стоит обогнать нас всех за считанные секунды.

Где-то там, далеко впереди, виднеются последние лучи заката. Небо позади поглощено тьмой, но и она обманчива, ведь прямо над нами сейчас бескрайняя россыпь сияний. Их не видно из-за скорости и огней освещения шоссе, но я точно знаю: там, наверху, неизменно горят мои любимые спутники.

Бывают поистине особенные ночи. Такие, в которых темнота неба приоткрывает безграничные просторы не только далёкого пространства, но и будто бы тебя самого. Открывает нечто, с чем стоит остаться наедине с собой. Создаёт моменты, которые хочется вдохнуть полной грудью, впитать в себя, запечатать каждую эмоцию, каждое ощущение.

Такая ночь как ничто другое заставляет меня чувствовать себя живой.

Яркий Lancer Лиама с рёвом набирает скорость и вырывается вперёд, уносясь дальше по шоссе. Я с ухмылкой принимаю вызов: поднимаю стекло, переключая трансмиссию в режим «Sport» и придавливаю педаль газа к полу. Пора встряхнуть стариной.

Шоссе практически пустое. Мне лишь изредка приходится лавировать по полосам, огИБая еле ползущие попутные машины, да и то, скорость сбавлять не приходится. Ладони будто бы приросли к рулю, никакая сила не смогла бы заставить меня отпустить его прямо сейчас. Адреналин опьяняет, заставляет сердце с силой биться в груди, и каждое прожитое мгновение кажется драгоценным.

В противостоянии с Лиамом мы приезжаем к точке назначения. Он, что закономерно – вторым. Выходя из машины, я никак не могу сдержать победоносную улыбку. Пожалуй, даже несмотря на долгий перерыв, я всё ещё что-то могу.

Под капотом мягко ворчит двигатель. После скоростного заезда от машины веет приятным жаром, и я едва ли могу прикоснуться к бамперу – до того он нагрелся. Кажется, будто всё моё существо пылает точно так же.

Лиям с тихим скрипом тормозов останавливает свой Lancer рядом.

— Я просто поддался, — сразу же заявляет он, опуская стекло со стороны водителя. — Ты еле ползла, не хотелось тебя расстраивать.

— Неправда! — Лео карабкается ближе к окну, прямо по шипящему Лиаму, и сквозь громкий смех выкрикивает: — Ты бы слышала, как он завопил, когда ты обогнала его перед поворотом!

— А ну заткнись, — пытается Лиям затолкать парня назад.

Смех зарождается где-то в моей грудной клетке и вырывается наружу. Теперь, без притока адреналина, я слушаю этот лучистый, лёгкий звук и с трудом сопоставляю с тем фактом,

что он и вправду принадлежит мне. После нескольких коматозных дней так странно и одновременно приятно вернуться к жизни.

Пока Ноа и Джексон паркуют машины рядом с нами, я поворачиваюсь лицом к нашей «трассе».

Пустая парковка на территории закрытого на ночь магазина – идеальное место для дрифта. Джексон достаёт из багажника потёртые ярко-оранжевые конусы и кидает половину Лео. Парень уже несётся к центру парковки и принимается расставлять границы первого заезда. Джексон принимается за то же самое с другой стороны.

Первым к заезду приступает Ноа. Этот парень никогда не любил выпендриваться, никогда не получал штрафов за превышение скоростного режима на шоссе, не принимал участия в наших с Лиамом опасных гонках. Да и в уличных заездах Ноа остаётся редким гостем – что очень, очень зря.

Ведь, чёрт возьми, насколько же он хорош.

Серый Skyline входит в повороты быстро, плавно и грациозно, словно бы дрифт ничем не отличается от простой езды по шоссе. Эта машина слишком похожа на своего хозяина: с виду, для человека незнающего, просто старенькая серая легковушка. А на деле... один из лучших спорткаров, когда-либо выходящих в серийное производство. Редкая штучка в руках умелого Ноа раскрывается в лучших своих возможностях: управляемость, простота и скорость – это всё про неё. Я помню, сколько времени Ноа отдал на тюнинг этой малышки. Сейчас, наблюдая, что они вдвоём вытворяют на трассе, я испытываю гордость.

— Одиннадцать, двенадцать, — восторженно подсчитывает Лео, держа в руках телефон с открытым таймером. Парень то и дело бежит взглядом от экрана обратно к машине Ноа и выкрикивает: — Тринадцать, идёшь на рекорд!

— Вперёд, умник! — присоединяется Лиам к команде поддержки. — Смотри хоть сцепление не забывай!

Джексон замахивается для смачного подзатыльника, но Лиам со смехом уворачивается. Хотя в том нет необходимости – Джексон сам увёл бы руку в сторону. Даже шуточное, ерундовое насилие у нас негласно под запретом.

Пока продолжается заезд Ноа, я невольно задумываюсь. С момента моего временного отсутствия я так и не спрашивала у Лиамы, как обстоят дела дома. Он с малых лет живёт вдвоём с отцом, и чем дальше – тем это становится тяжелее. Алкоголь, тяжёлая работа, скверный, прожжённый жизнью характер... хорошо, что Лиам верен себе и не позволяет обстоятельствам стирать его настоящего мазок за мазком, обращая в подобие своего родителя. Лиам всегда остаётся Лиамом, которого мы знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.